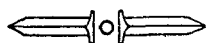

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. Ш. ШИФМАН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 3

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
член-корреспондент Академии наук СССР
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

При изучении отдельных рабовладельческих государств Средиземноморского бассейна нельзя не отметить, что одной из форм их экономической и политической экспансии было основание колоний. Так, известно, что шумерийские и аккадские государства Южного Двуречья организовали для обеспечения своей торговли в верховьях Тигра и Евфрата ряд торговых колоний и факторий, на базе которых впоследствии выросли такие крупные центры, как Мари в долине Евфрата и Ашшур на Тигре.¹ В свою очередь Ашшур также основал ряд торговых колоний; из них наиболее известны находившиеся в Малой Азии Канес, Бурушханда, Дурхумит, а за ее пределами — Уршу (впоследствии Эдесса, совр. Урфа).² В Библии имеется указание на то, что иудейский царь Иосафат построил на границе своего государства несколько крепостей, где, вероятно, хранились запасы продовольствия для нужд войска; в тексте употреблен термин *'ārē miskēnōt*, т. е. «города-кладовые» (II Chr., XVII, 12). Предполагают, что источник, к которому восходит сообщение хрониста, имел в виду недавно открытые поселения на границе Иудеи и Моава — города Миддиц (совр. Хирбет Абу Табак), Пибшан (совр. Хирбет эль-Макари), Секака (совр. Хирбет эс-Самра) и Ир Гаммелак (совр. Хирбет Кумран). Археологически основание этих поселений датируется IX в. до н. э.³ Весьма вероятно, что постройка городов-крепостей сопровождалась переселением в указанный район безземельных крестьян и раздачей им земельных наделов. Таким образом, даже сравнительно слабые и отсталые земледельческие государства оказывались вынужденными создавать колонии как за своими пределами, так и на неосвоенных территориях внутри страны. В различных районах Средиземноморского бассейна основывали свои колонии финикийцы. Позднее карфагеняне основывали города на побережье Северной Африки, в южной Испании, в Сардинии и за Гибралтаром, на берегах Атлантического океана. В VIII—VII вв. греческие полисы создавали свои колонии в Северной Африке, Сицилии, Южной Италии, Лигурии, на Пиренейском полуострове и на побережье Черного моря. Обширные территории Северной и Центральной Италии были колонизованы этрусками.⁴ Наконец, римляне в различные периоды истории организовывали колонии на всем пространстве своего постоянно возрастающего государства. Все эти факты

¹ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1948, стр. 13.

² B. Landsberger. Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend. Der alte Orient, Bd. 24, Leipzig, 1925; И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии, стр. 14—18.

³ F. M. Cross, J. T. Millik. Explorations in the Judaean Beq'e'a. BASOR, № 142, 1956, стр. 5—11; F. M. Cross. A footnote to Biblical history. The Biblical Archaeologist, 1956, № 1, стр. 12—17.

⁴ И. И. Залесский. 1) Этруски в Риме. ИДВШ, 1958, № 1, стр. 97—107; 2) Этруски в Лигурии. ВДИ, 1958, № 1, стр. 52—71; 3) К истории проникновения этрусков в область фалисков и города Канены. Уч. зап. ЛГУ, вып. 28, 1958, стр. 3—20; 4) Этруски в Северной Италии. Л., 1959.

показывают, что перед нами не случайные, единичные явления, а закономерный процесс.

Между тем в советской исторической науке еще не поставлена в целом проблема основных закономерностей колониационного движения, главным образом по причине недостаточной изученности истории основания колоний в отдельных областях Средиземноморского бассейна. Лучшие всего изучена греческая колонизация VIII—VI вв. — освоение греками Северного⁵ и Западного Причерноморья,⁶ Пиренейского полуострова,⁷ Сицилии и Кирены.⁸ В трудах С. Я. Лурье⁹ и К. М. Колобовой¹⁰ были поставлены и некоторые общие вопросы истории греческой колонизации. Основные выводы, к которым пришла советская историческая наука в процессе изучения указанного вопроса, могут быть сформулированы следующим образом. Причину колониационного движения греков следует искать не в «перепаселении» эллипских городов как таковом, а в конкретных условиях их экономической и политической жизни в данный период. Рост частнособственнических отношений в греческих полисах и обезземеливание крестьянства, рост ремесла и торговли и необходимость освоения рынков за пределами данного полиса и самой Греции, развитие рабовладения на основе эксплуатации привозных рабов-чужеземцев при одновременной ликвидации рабства-должничества — таковы были первые предпосылки колонизации. Необходимость ввоза рабов, хлеба, сырья, поиски рынков для ремесленной продукции, а также для сельскохозяйственных товаров (вино, оливковое масло и т. д.) способствовали установлению прочных торговых связей Греции с различными областями Средиземноморья. Из сказанного становится понятным, почему греческие колонии возникали на трассах древнейших, преимущественно морских, торговых путей, а основание колоний предшествовал длительный период доколониационных связей, период освоения греками средиземноморских и черноморских торговых путей и рынков.

Основанные греками колонии должны были обеспечить им господство на торговых путях, преодолев сопротивление возможных противников. Кроме этого, важной проблемой, стоявшей перед греческими полисами, была необходимость ликвидировать малоземелье и обезземеливание крестьянства, иными словами, уничтожить почву для возникновения социальных конфликтов внутри греческих городов, чем объясняется привлечение к основанию колоний земледельческого населения. Но эта цель так никогда и не была достигнута. На развитие колониационного движения существенное влияние оказывала социальная борьба внутри греческих полисов. Часто колонии основывались группировками, потерпевшими поражение в ходе этой борьбы. Однако, как показывает пример Акраганта, направление колониационного движения обычно соответствовало торго-

⁵ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947; В. Ф. Гайдукевич. Восторское царство. М.—Л., 1949; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949; Т. П. Книпович. Танаис. Л., 1947.

⁶ Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VIII—I вв. до н. э. М., 1952.

⁷ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. Уч. зап. МГПИ, 1942; А. В. Мишулин. Античная Испания. М.—Л., 1952.

⁸ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 143 сл.

⁹ С. Я. Лурье. История Греции, ч. 1. Л., 1940, стр. 93 сл.

¹⁰ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 143—169.

вым интересам данного полиса. Наконец, чрезвычайно важный вывод советской исторической науки заключается в том, что греческие колонии, будучи в значительной степени зависимыми от местного населения, возникали только тогда, когда местное население колонизируемой территории достигало достаточно высокого уровня общественного развития, при котором мог осуществляться взаимный обмен. Из этого, разумеется, не следует, что чем выше уровень развития соответствующего общества, тем благоприятнее условия для колонизации данного района. Пример финикийской торговой экспансии в Эгейский бассейн показывает, что когда в данном районе уже сложилось классовое общество, развилось товарное производство и возникло государство, колонизация этой территории извне оказалась затрудненной.

Одним из наиболее темных моментов в истории колонизационного движения является финикийская колонизация Западного Средиземноморья. В советской исторической науке исследовались лишь отдельные, частные проблемы этой темы: финикийская колонизация Пиренейского полуострова,¹¹ финикийская колонизация Эгеиды и Сицилии.¹² Краткий очерк истории финикийской колонизации имеется в изданной Институтом истории АН СССР «Всемирной истории»,¹³ а также в неопубликованной диссертации М. Л. Гельцера.¹⁴ Одна из задач настоящей работы — исследовать процесс финикийской колонизации Западного Средиземноморья и определить его наиболее характерные черты.

Настоящее исследование посвящено также ранней истории Карфагена. На базе финикийских колоний в Западном Средиземноморье в VIII—V вв. до н. э. сложилась Карфагенская рабовладельческая держава, на протяжении сотен лет бывшая крупнейшим государством в этом районе — «соперницей римской власти» (*aemula imperii Romani*), по точному определению Саллюстия (*Bell. Catil.*, X, 1).

В советской литературе проблеме становления Карфагенской державы были посвящены работы П. Я. Марра¹⁵ и П. А. Машкина.¹⁶ По своему качеству эти работы далеко не равноценны. Труд П. Я. Марра представляет собой фапштастическую в своей основе попытку доказать, что Карфаген существовал еще до появления финикийян на территории Северной Африки. Лингвистические параллели с этнонимикой и топонимикой Кавказа, которые привлек П. Я. Марр в обоснование своего тезиса, произвольны и не обнаруживают каких-либо закономерных фонетических соответствий с североафриканским материалом. Кроме того, точка зрения П. Я. Марра противоречит единодушным показаниям античной традиции и наличному археологическому материалу. Статья же П. А. Машкина представляет собой краткую сводку тех выводов, к которым пришла зарубежная карфагенистика первой трети текущего столетия. Вполне естественно, что она в значительной степени уже устарела. К тому же целый ряд важных документов и археологических материалов остался вне сферы внимания П. А. Машкина.

¹¹ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 5—25; А. В. Мишулип. Античная Испания. М.—Л., 1952.

¹² К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 71—83, 190.

¹³ Всемирная история, т. I. М., 1956, стр. 497—501.

¹⁴ М. Л. Гельцер. Очерки социальной и экономической истории Финикии во II тысячелетии до н. э. Канд. дисс. (Рукопись). Л., 1954, стр. 247—255.

¹⁵ П. Я. Марр. Карфаген и Рим, *fas* и *jus*. В кн.: П. Я. Марр, Избранные работы, т. IV, М.—Л., 1937, стр. 186—191.

¹⁶ Н. А. Машкин. Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4, стр. 35—54.

В истории Карфагенской державы можно отчетливо выделить три периода:

1) период становления Карфагенской державы (XI—середина V в. до н. э.);

2) период расцвета Карфагенской державы (середина V—середина III в. до н. э.);

3) период Пунических войн (середина III—середина II в. до н. э.).

Настоящая работа посвящена первому, наименее изученному периоду истории Карфагена, когда формировались черты, характерные для Пунийской державы в период ее расцвета, — господство крупнорабовладельческого производства в ремесле и в сельском хозяйстве, а также система эксплуатации свободных мелких производителей.

Для Карфагена, как и для некоторых иных государств древнего мира, выросших из старинных колоний, характерен исключительно быстрый темп развития. Отмечая этот факт, К. Маркс и Ф. Энгельс объясняли его тем, что основатели таких колоний являлись, как правило, носителями более передового производства.¹⁷ Это обстоятельство делает изучение истории Карфагена, в особенности раннего периода его истории, чрезвычайно важным и интересным.

Каких-либо оригинальных памятников карфагенской литературы до наших дней не сохранилось, хотя она была, вероятно, значительна и разнообразна как по жанрам, так и по своему содержанию. Эпиграфические материалы чрезвычайно скудны и в некоторых случаях не позволяют сделать бесспорных выводов. Археологические памятники раннего периода в большинстве колонизованных финикиянами пунктов пока не обнаружены. Поэтому основным источником в нашей работе являются отрывочные свидетельства античной традиции. Античных историков финикияне и пунийцы интересовали лишь постольку, поскольку они входили в соприкосновение с греко-римским миром. Поэтому «внутренняя» история Карфагена лишь благодаря случайным упоминаниям находила свое отражение в их произведениях. Исключение в этом отношении составляют труды Помпея Трога (в переложении Юстина), специально изучавшего *origines* различных народов и государств,¹⁸ а также «Политика» Аристотеля, который уделил специальную главу описанию современного ему государственного строя Карфагена. Для Аристотеля государственный строй Карфагена был до известной степени образцом «правильного» государственного строя, при котором ликвидированы социальные конфликты. В условиях беспокойного IV в. до н. э. эта проблема была для греческих полисов чрезвычайно актуальной. Но отрывок из труда Аристотеля дает возможность лишь для некоторых ретроспективных умозаключений. Эпитама же Юстина слишком кратка и не содержит многих важных подробностей. Краткость, отрывочность и подчас случайность сведений по ранней истории Карфагена весьма затрудняют ее изучение.

---

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 73.

¹⁸ К. К. Зельин. 1) Общие черты исторической концепции Помпея Трога. ВДИ, 1948, № 4, стр. 208—222; 2) Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*». ВДИ, 1954, № 2, стр. 183—202.

Глава первая

ФИНИКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В истории финикийской колонизации Западного Средиземноморья ведущая роль принадлежала Тиру, бывшему в конце II тысячелетия до н. э. гегемоном среди финикийских городов-государств. Ни об основании Тира, ни о его ранней истории сколько-нибудь подробными сведениями мы не располагаем. Согласно тем источникам, которые мог использовать Помпей Трог (вероятнее всего, одна из не дошедших до нас «Историй финикиян»¹), Тир был основан сидонянами за год до гибели Трои, причем легенда подчеркивает, что именно Сидон был древнейшим городом Финикии (Iust., XVIII, 3, 1—5). Традиция об основании Тира сидонянами нашла отражение и в иудейско-израильской литературе. Так, у Исаи (XXII, 12) Тир именуется «дочерью Сидона» (bat šidōn; в ханаанейских языках имена городов женского рода). Однако это предание следует признать недостоверным. Тир, как известно, играл значительную роль в истории Сирии и Палестины уже в середине II тысячелетия до н. э., в период эль-амарнской переписки. Таким образом, хронологическое сопоставление времени основания Тира с датой гибели Трои можно целиком отнести за счет творчества греческих (или эллинизованных) историков, тем более что они целый ряд событий, относившихся к глубокой, «пезапамятной» древности, обычно датировали временем падения Трои.

В современной историографии высказывалось предположение, что Тир был разрушен «народами моря», а затем восстановлен сидонянами; традиция Помпея Трога, по мысли приверженцев этой точки зрения, отражает вторичное основание города.² Однако эти соображения не согласуются с показаниями других источников. В самом деле, если бы имело место повторное основание Тира сидонянами, оно должно было бы найти свое отражение в местном летоисчислении. Трудно было бы ожидать, чтобы новые поселенцы восприняли традиции предшествовавшего им поселения, тем более опасного соперника предполагаемого основателя города. Между тем, как следует из сообщения Геродота (II, 44), в Тире велось непрерывное летоисчисление от момента основания города. Жрецы местного храма Мелькарта датировали его временем за 2300 лет до того момента, как Геродот посетил Тир.

¹ В числе авторов «Историй финикиян» (τὰ Φοινικικά) Иосиф Флавий (Ant. Iud., I, 4) называет Гесиода, Гекатея, Гелланика и Акусилая. По-видимому, Иосиф Флавий имел в виду соответствующие разделы сочинений указанных авторов, посвященных общим историко-географическим вопросам. Однако упоминание о «Финикийской истории» Гесиода вряд ли соответствует действительности. Помпей Трог мог воспользоваться трудами Менандра и Дия по истории финикиян (ср.: Б. А. Тураев. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903).

² O. Eissfeldt. Phoiniker und Phoinikia. P.-W. RE, Halbbd. XXIX, 1941, стб. 350—380; М. Л. Гельцер. Очерки социальной и экономической истории Финикии во II тысячелетии до н. э., стр. 235.

Можно предполагать, что предание, дошедшее до нас в кратком изложении Юстина, возникло в период борьбы Сидона и Тира за первенство и представляло собой попытку Сидона обосновать свои притязания на господство над Финикией, и в частности над Тиром. Примечательно, что не только Юстин (XVIII, 3, 3—4) считал Сидон древнейшим городом Финикии, но и в Библии, т. е. в источнике, от античной традиции не зависящем, в известной «Таблице народов» (Gen., X, 15), Сидон назван первородным сыном Ханаана (bēkōbō).³

Иные сведения об основании Тира мы находим у Геродота, посетившего Тир и беседовавшего со жрецами храма Мелькарта. Общеизвестная добросовестность Геродота в передаче всего им лично виденного и слышанного не позволяет усомниться в том, что и в данном случае он точно воспроизвел все услышанное им от жрецов храма Мелькарта. «Они сказали, — писал Геродот (II, 44), — что одновременно с основанием Тира был основан и храм, а с того времени, когда они основали Тир, прошло две тысячи триста лет». Иначе говоря, согласно сведениям, полученным Геродотом, основание Тира следует датировать XXVIII в. до н. э. Однако достоверность рассказа Геродота еще не позволяет решить утвердительно вопрос о достоверности тирской жреческой традиции как таковой. Наиболее вероятно, что Геродоту была сообщена исходная дата тирской эры, «высчитанная» жрецами местного бога «от основания города». Пример Рима достаточно красноречиво показывает, что исходная дата такой эры и время появления в данной местности первых поселений могут и не совпадать. Несомненным можно признать только то, что уже в начале III тысячелетия до н. э. финикияне жили на восточном побережье Средиземного моря и что Тир наряду с Библом был одним из древнейших финикийских поселений в этом районе.

Судя по тому, что Тир занимал островное положение, основным занятием населения здесь первоначально было рыболовство. Не случайно египетский источник еще во времена Рамзеса II отмечал обилие в этом городе рыбы (Pap. Anast., I, 21).

Удобное географическое и стратегическое положение Тира, как великоленной гавани и неприступной крепости, позволило ему рано стать крупным торговым и ремесленным центром Финикии. Судя по тому, что в период эль-Амарны Тир занимал проегипетскую позицию, можно утверждать, что к середине II тысячелетия до н. э. он имел прочные торговые связи с Египтом. Как показывают данные архивов Мари, уже в первой половине II тысячелетия до н. э. Тир имел торговые связи и с Месопотамией (ARM, III, 44, 9).

Значение Тира в ближневосточной и средиземноморской торговле особенно возросло к концу II тысячелетия. Он стал признанным поставщиком ливанского кедра. Царь Тира Хирам поставлял израильско-иудейскому царю Давиду кедр для постройки царского дворца (II Sam., V, 11). Преемник Давида, Соломон, приобрел у Хирана для постройки в Иерусалиме храма Яхве ливанский кедр и кипарис (I Reg., V, 15—26). Представляют интерес некоторые детали этого соглашения. В обмен на поставку Тиром высокоценной древесины израильско-иудейский царь обязался ежегодно поставлять своему контрагенту 20 тысяч кор пшеницы и 20 тысяч кор высококачественного оливкового масла.⁴ Пользовались доброй славой и тирские ремесленники. Дом для Давида в Иерусалиме строили тирийцы —

³ В античной традиции сохранилось указание, согласно которому слово «Ханаан» (Χανα) было древнейшим названием Финикии (Ael. Herod., Περί ποιν. λεξ., I, 19).

⁴ Кор — иудейско-израильская единица измерения жидких и сыпучих тел, равная 364,4 л. (J. Ben z i n g e r. Hebräische Archäologie. Leipzig, 1894, стр. 184—185).

плотники и каменотесы (II Sam., V, 11), на постройке Иерусалимского храма работал искусный тирский медник (I Reg., VII, 13 сл.). К концу II тысячелетия Тир имел уже прочные торговые связи и с легендарными странами Таршиш (Гартесс, южное побережье Испании) и Офир (вероятно, Сомали). Можно предполагать, что в конце II тысячелетия тирийцы вели активную торговлю в Эгейском бассейне. Финикияне упоминаются в качестве торговцев в «Одиссее» (XV, 425; XIX, 287—297). О развитии финикийской торговли в древнейшей Греции сообщают также Геродот (I, 1; VI, 47; V, 58) и Фукидид (I, 8, 1).

Крупнейшим тирским экспортером был царь. Он имел свою долю не только в торговле Тира в Сирии и Палестине, но и в морской торговле города. В библейских текстах упоминаются корабли, принадлежавшие тирскому царю Хираму ('ōnī ḥirām) и иудейско-израильскому царю Соломону ('ōnī taršiš lammälāk — «таршишский корабль, принадлежащий царю») (I Reg., X, 11 и 22). Однако это не значит, что не было кораблей, принадлежавших другим представителям тирской знати. Интенсивное развитие торговли, приток в Тир драгоценностей и рабов способствовали накоплению богатств, углубляли пропасть между купеческо-аристократической верхушкой и народными массами.

Было бы, однако, ошибочным предполагать, что занятия тирийцев сводились исключительно к торговле и связанному с торговлей ремеслу. Под властью Тира находилась значительная часть материковой Финикии, с которой Тир, находившийся на острове, был связан через Усу (Παλαί-τιρος), располагавшийся в непосредственной близости от него на побережье. Когда противник тирского царя Абимильки сидонский владетель Зимрида захватил Усу, всякая связь Тира с материком оказалась прерванной, в город прекратилась доставка воды и продовольствия.⁵ Помимо Усу, под властью Тира находился целый ряд и других населенных пунктов — современные Умм эль-Авамид, Тель-Масук, Рас эль-Айн, Тель-Решидийе. Раскопками, произведенными в указанных пунктах, обнаружены остатки жилых домов, цистерны для накопления запасов воды и погребения. В Рас эль-Айне открыты остатки системы оросительных каналов, вода в которые поступала из источника. Точно датировать эти поселения не представляется возможным; предполагают, что они появились в глубокой древности.⁶ Они были, несомненно, земледельческими. Показательно, что египетский источник упоминает во владениях Тира krt 'nb — «город винограда».⁷ Земледельческие районы во владениях Тира, Шихор и Йсор, упомянуты и в пророчестве Исаяи (XXIII, 3), касающемся судьбы этого города. О немаловажном значении, которое придавалось в Тире земледелию, свидетельствуют и следующие слова в одном из эль-амарнских писем: «Не рожала земля, пока не услышал я дружественного посланника, что от моего господина».⁸

Но если существование земледельческого хозяйства в Тире неоспоримо, то о положении земледельческого населения здесь прямыми указаниями мы не располагаем. Некоторый свет на этот вопрос могут пролить материалы, относящиеся к другим финикийским городам, поскольку положение во всей Финикии, надо думать, было примерно одинаковым. Согласно имеющимся данным, сельские общины, находившиеся на территории, принадлежавшей Угариту, привлекались к несению повинностей в пользу госу-

⁵ Knudtzon. Die El-Amarna Tafeln. Leipzig, 1908—1909, № 149.

⁶ Eissfeldt. Τίρος. P.-W. RE, 2. Reihe, Bd. 7, Halbbd. 14, 1948.

⁷ A. Jirku. Die Ägyptischen Listen Palastinensischer und Syrischer Ortsnamen. Leipzig, 1937, стр. 32.

⁸ Knudtzon. Die El-Amarna Tafeln, № 147, строки 29—31.

дарственной власти — выполнению натуральных поставок (хлеба, вина, волов) и обработок. Из опубликованных недавно документов явствует, что царь мог передавать доходы, получаемые с сельских общин, частным лицам. В Угарите существовала и купля-продажа земли, а также передача ее по наследству согласно воле завещателя, что, очевидно, свидетельствует о тенденции к прекращению переделов земли и возникновению частной собственности либо частного владения землей.⁹ Наряду с общинными землями в Угарите были и царские земли. Царь наделял землей за службу, в том числе и за военную. Такие участки могли получать и ремесленники, а также пастухи, находившиеся на царской службе. Известны факты продажи царской земли.¹⁰

Как известно, колонии Тира, сохранявшие зависимость от метрополии, должны были совершать различные выплаты в пользу последней (Fl. Jos., Ant. Iud., VIII, 146). Весьма вероятно, что и селения, подвластные Тиру в собственно Финикии, были также обложены повинностями в пользу государства.

О положении ремесленников в Тире имеются сведения, относящиеся непосредственно к периоду колонизации. В Библии (I Reg., X, 15—25) рассказывается о том, что тирский царь Хирам оказал иудейско-израильскому царю Соломону помощь в строительстве храма. Эта помощь выразилась не только в поставках строевого леса, но и в посылке «рабов его» ('āḥādāw) для порубки ливанского кедра. Слово 'āḥād в данном контексте может и не означать непосредственно рабскую зависимость. В папирусе CIS, I, 5, датированной серединой VIII в., правитель кипрского Карфагена, посящий титул skn и занимающий видное общественное положение,¹¹ назван «рабом» ('bd) Хирама, царя сидонян. Не лишне отметить, что в эль-амарнской переписке правители финикийских городов, полунезависимые и почти независимые царьки, называют себя «рабами» (ardu) египетского царя. Аналогичное словоупотребление мы находим и в Библии. Давид в разговоре с Саулом (I Sam., XVII, 34) называет себя его «рабом» ('abdēka), явно не будучи рабом Саула в прямом смысле этого слова. В другом месте (II Sam., III, 18) Давид назван «рабом» ('abdi) бога Йахве. Таким образом, как в финикийском, так и в еврейском языке термин 'bd — 'āḥād, аналогично греческому δούλος, мог употребляться не только для обозначения рабов как таковых, но и для обозначения лиц, находившихся в состоянии несвободы, зависимости, подчиненности. Можно предполагать, следовательно, что лесорубы, «рабы» Хирама, не были рабами в собственном смысле, но в то же время находились в определенной зависимости от царя. Библия (I Reg., V, 32), сообщая о том, что в постройке дворца принимали участие «строители Хирама» (bōnē ḥīḡōm), не называет их прямо рабами, хотя и указывает на их зависимость от тирского царя. Можно думать, следовательно, что определенные группы ремесленников в Тире находились в материальной зависимости от царя и, очевидно, им эксплуатировались (ср. также: I Reg., IX, 27—38). Сказанное подтверждается и тем, что известно об организации производства в Угарите. Здесь существовали ремесленные мастерские, принадлежавшие царю. Работавшие в мастерских ремеслен-

⁹ М. Л. Гельцер. 1) Материалы к изучению социальной структуры Угарита. ВДИ, 1952, № 4, стр. 30—31; 2) Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите. ВДИ, 1960, № 2, стр. 86—90.

¹⁰ М. Л. Гельцер. Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, стр. 86—90.

¹¹ И. Н. Випников. Эпитафия Ахирама Библиского в новом освещении. ВДИ, 1952, № 4, стр. 143—144.

пики (*hršm*) получали за свой труд оплату серебром и натурой.¹² Возможно, что и «рабы» тирского царя Хирама трудились за определенное вознаграждение.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении скудный материал позволяет поставить вопрос о наличии в финикийских городах, в том числе и в Тире, определенной системы эксплуатации народных масс, не только рабов, но и свободных мелких производителей, а также полусвободных ремесленников и крестьян. Можно заранее предполагать, что эта эксплуатация вызывала выступления крестьянства и ремесленников против царской власти. Симптоматично, что, например, жители некоторых населенных пунктов, находившихся под властью Библа, переходили в середине II тысячелетия до н. э. на сторону противников библского царя.¹³ Можно полагать, что и в Тире в этот период имели место антицаристские выступления народных масс, судя по тому, что сидонскому царю Зимриде удалось овладеть всеми его материковыми территориями.¹⁴

Для характеристики социальных отношений в Тире большое значение имеет сообщение Юстина (XVIII, 3, 6—19) о победоносном восстании рабов в этом городе. Однако хронологически отнести это восстание к периоду, предшествовавшему колониационному движению, не представляется возможным: источник определенно связывает восстание хронологически с войной против персов, а, кроме того, в другом месте Юстин (XVIII, 4, 2) датирует основание Утики временем до рабского восстания — «до избиения господ» (*ante cladem dominorum*). Возможно, что и хронология Юстина не вполне достоверна. Но, как бы то ни было, из рассказа определенно следует, что в Тире происходили (и, по-видимому, неоднократно) восстания рабов против их угнетателей, сопровождавшиеся массовыми избиениями рабовладельцев.

О движениях социальных низов в Тире мы, однако, осведомлены очень плохо. Имеющиеся в некоторых источниках отрывочные указания не дают возможности во всей полноте представить размах и характер этих выступлений. Несколько лучше освещается традицией борьба между различными конкурирующими группировками внутри рабовладельческой верхушки, принимавшая характер внутрдинастийных конфликтов. Даже краткий список тирских царей, сохранившийся у Иосифа Флавия (*Contra Ap.*, I, 18), показывает, что эта борьба носила подчас весьма ожесточенный характер. Так, один из ближайших преемников Хирама Тирского, Абдастарт, был убит заговорщиками — сыновьями своей кормилицы, старший из которых захватил власть. Астарим, царствовавший в конце IX в., погиб от руки своего брата Фелита, который через восемь месяцев был свергнут верховным жрецом Астарты Итоваалом, основавшим новую династию. В VI в. царская власть в Тире ликвидируется и во главе государства становятся судьи.¹⁵

Таковы были обстоятельства, при которых в финикийских городах развивалось колониационное движение. Первой и наиболее существенной причиной, вызвавшей к жизни колониационное движение в Финикии, в том числе и в Тире, являвшимся крупнейшим, если не единственным, ко-

---

¹² М. Л. Гельцер. Материалы к изучению социальной структуры Угарита, стр. 32—33.

¹³ K n u d t z o n. Die El-Amarna Tafeln, № 81, строки 11—14.

¹⁴ Там же, №№ 149, 154.

¹⁵ Ср.: Б. А. Тураев. Остатки финикийской литературы, стр. 7—98; F. J e r e m i a s. Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezars. Leipzig, 1891, стр. 20—21; F. R ü h l. Die Tyrische Königsliste des Menander von Ephesus. Rheinisches Museum, Bd. 48, 1893, стр. 565—578.

лонизационным центром, было, несомненно, желание купечества закреплиться на важнейших торговых путях Средиземноморья. Не случайно финикийские колонии были расположены вдоль морского пути Тир—южная Испания. Фукидид (VI, 2, 6) отмечает, что финикийцы заселяли (φύκου) Сицилию для ведения торговли с сикулами (ἐμπορίας ἔνεκεν τῆς πρὸς τοὺς Σικελούς; ср. также: Strabo, III, 5, 3; Diod., V, 20, 1; 35, 5). Наряду с этим на колонизационном движении не могли не отразиться социальные конфликты внутри финикийских городов-государств. Чрезвычайно интересно в этой связи краткое сообщение Саллюстия, восходящее, по собственным словам писателя (Bell. Iugurth., XVII, 7), к пунийской традиции. Саллюстий (Bell. Iugurth., XIX, 1) пишет: «После этого финикийцы, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти возбудив плебеи и прочих, жадных до новшеств, основали на морском побережье <Африки> Гишпон, Хадрумет, Лентис и другие города». Таким образом, согласно приведенному сообщению, в основании колоний принимали участие разнородные элементы. Прежде всего должны быть отмечены колонисты, покидавшие родину для того, чтобы сократилось ее население. К этой группе «избыточного» населения принадлежали, вероятно, крестьяне, потерявшие землю, и свободные ремесленники, не выдержавшие конкуренции крупных мастеров, в которых эксплуатировался рабский труд. Рассказ Саллюстия позволяет выделить среди колонистов и другую прослойку — тех, кто возглавлял движение народных масс, а также элементов, враждебно настроенных по отношению к олигархии, и организовывал переселение недовольных во вновь основываемые города. Из сообщения Саллюстия следует, что в колонизации участвовали плебеи и «прочие, жадные до новшеств». Видимо, в финикийских городах существовало антиолигархическое движение, активных участников которого привлекали к себе основатели колоний. Это движение не было однородным по своему социальному составу. Противопоставление плебейм «прочих» показывает, что в нем принимали участие и отдельные представители состоятельных кругов, не имевших непосредственного доступа к власти. Любопытно, что движение в этот период направлено было не на свержение власти олигархов на родине, а на создание новых городов, что, быть может, объясняется деятельностью тех «прочих», о которых говорит Саллюстий. Наконец, текст позволяет установить, что некоторые колонии высылались непосредственно тирским правительством, в то время как ряд колоний был основан, вероятно, вопреки его желанию. В пользу сказанного свидетельствует и история основания Карфагена.

В жизни финикийских городов-государств большую роль играли торговые контакты со странами Эгейского бассейна. Вопрос о раннефиникийской торговле в этом районе до настоящего времени не привлекал внимания исследователей. Единственным исключением является труд К. М. Колобовой, посвященный древнейшей истории Родоса, где специальный раздел посвящен проблеме существования финикийских поселений на этом острове.¹⁶ Краткие упоминания о сношениях финикийян с Эгеидой мы находим и у М. Л. Гельцера, который, однако, ограничивается лишь констатацией усиления греко-финикийских торговых связей в VIII в., подробно этот вопрос не разбирая.¹⁷

¹⁶ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 71—83.

¹⁷ М. Л. Гельцер. Заметки по истории Финикии VIII в. до н. э. Палестинский сборник, № 3, 1957, стр. 58.

По-видимому, можно считать установленным, что во второй половине II тысячелетия до н. э. существовали не только контакты между ахейцами и финикийцами на Кипре, но и прочные торговые связи между Финикией и Эгеидой. Об этом свидетельствуют распространение микенской и минойской керамики в Передней Азии до Запорода¹⁸ и значительное влияние микенского искусства на искусство Сирии и Палестины.¹⁹ Найденные во втором слое Угарита образцы критской керамики близки к стилю Камарес и могут быть датированы XVIII в. до н. э.²⁰ Примерно к этому времени относится начало эгейской торговли в Передней Азии. Впоследствии в Угарите существовал минойский эмпорий.²¹ Один из угаритских документов (PRU, III, 16238) — имущественная грамота, выданная царем Аммистамру II купцу («тамкару») Синарану сыну Сигину, — свидетельствует о том, что корабли, принадлежавшие этому последнему, совершали регулярные плавания на Крит (*matkabtu-ri*).²²

Однако государства материковой Греции и Крита, несомненно, стремились противодействовать массовому проникновению финикийцев в Эгеиду, чтобы оградить свою торговлю от чужеземной конкуренции. Воспоминания о господстве критян в бассейне Эгейского моря отразились, как известно, в предании о талассократии Миноса (Thuc., I, 4). Любопытно, что установление критской талассократии Фукидид (I, 8) связывает с борьбой против карийцев и финикийцев: «И не меньшими разбойниками были островитяне, карийцы и финикийцы, ибо эти населяли большинство островов». Хотя далее Фукидид приводит доказательства только в пользу наличия карийского населения на островах, тем не менее ясно, что местоимение *οἱτοι* («эти») относится в его тексте и к карийцам, и к финикийцам. Греческий эпос не знает о существовании каких-либо поселений финикийцев в Эгейском бассейне. Не исключено, что существовавшие на островах Эгейского моря до минойской талассократии финикийские центры были разрушены критянами. Возможно, однако, что на сообщения Фукидида оказали влияние обстоятельства более поздней эпохи.

Некоторые следы ранних эгейско-финикийских связей, очевидно, могут быть обнаружены в языке и эпосе греков. В. Ф. Олбрайт, в частности, отмечал, что греческое слово *Βύβλος* (Библия) восходит к форме, встречающейся в эль-амарнской переписке и, следовательно, бытовавшей в финикийском языке в середине II тысячелетия до н. э., — *Gubla* (Библия), чему в более поздний период, в I тысячелетии, должно закономерно соответствовать финикийское *gūbāl* (ср. евр. *gēbāl*).²³ Наименования *Tōros* (финик. *šūr* — Тир) и *Σιδῶν* (финик. *šidōn* — Сидон) проникли в греческий язык в тот период, когда в произношении финикийцев еще отчетливо ощущалась разница между звуками *ṭ* и *ṣ*, которые на письме обозначались одною графе-

¹⁸ H. L. Lorimer. *Homer and the monuments*. London, 1950, стр. 52; F. H. Stubbings. *Mycenean pottery from the Levant*. Cambridge, 1951; S. A. Immerwahr. *Mycenean trade and colonization*. *Archaeology*, 1960, № 1, стр. 4—13; G. L. Harding. *Recent discoveries in Jordan*. *Palestine Explorations Quarterly*, 1958, стр. 7.

¹⁹ H. J. Kantor. *Syro-Palestinian ivories*. *Journal of Near Eastern Studies*, 1956, № 3, стр. 153—174.

²⁰ S. Segert. *Ugarit und Griechenland*. *Das Altertum*, 1958, № 2, стр. 67—80.

²¹ F. H. Stubbings. *Mycenean pottery from the Levant*, стр. 53 сл.; S. Segert. *Ugarit und Griechenland*, стр. 67—80.

²² Поэтому представления об односторонности греко-финикийской торговли во второй половине II тысячелетия до н. э. (H. L. Lorimer. *Homer and the monuments*, стр. 52 сл.) следует признать необоснованными.

²³ В финикийском языке беглый звук, как правило, был лабиализован (И. Ш. Шифман. Пунийская надпись из эль-Хофра. В кн.: *Семитские языки*. М., 1963).

мой **h**. Вероятно, это заимствование в греческом языке имело место во второй половине II тысячелетия.²⁴

В «Одиссее» Менелай, рассказывая о своих странствиях после падения Трои, упоминает о том, что он посетил Финикию и сидонян. В этом рассказе нашли свое отражение воспоминания о плаваниях греков в Переднюю Азию. Весьма примечателен маршрут этих путешествий, который может быть восстановлен следующим образом: вдоль побережья Малой Азии²⁵ через Кипр к финикийским городам (Odys., IV, 83—84).

Однако эпос свидетельствует и о появлении финикиян в Эгеиде. Необходимыми условиями для развертывания активной финикийской торговли в указанном районе были падение ахейских государств материковой Греции и уничтожение гегемонии Крита на море. Судя по тому, что Сидон назван в эпосе богатым медью (Odys., XV, 425: Σιδῶνος πολυχάλκου), можно полагать, что финикияне вели в Греции торговлю медными и бронзовыми изделиями. Чрезвычайно показательно отсутствие в поэме упоминаний о Тире, тогда как Сидон упоминается неоднократно. Отсюда может следовать, что в период, когда складывался эпос, Сидону принадлежала ведущая роль в финикийско-эгейской торговле, хотя какое-то участие в ней Тира представляется весьма вероятным.²⁶

Финикияне в больших масштабах вели в Греции торговлю рабами. Так, свинопас Эвмей был похищен финикиянами на родине и продан в рабство в Греции (Odys., XV, 390—484). Одиссей рассказывает о том, как коварный финикиянин замыслил продать в рабство доверившегося ему эллипа (Odys., XIV, 284—297). Сюжет о похищении финикиянами свободных — греков и негреков — был широко распространен в греческой, да и не только в греческой традиции. Отметим, в частности, рассказ Геродота (I, 1) о похищении финикиянами из Аргоса Ио, дочери Инаха, восходящий, по указанию историка, к персидским источникам.

Торговали финикияне и предметами роскоши. Так, в «Одиссее» рассказывается о серебряном кубке с золотой отделкой, который подарил Менелая царь Сидона Фэдим (Odys., IV, 615—619; XV, 115 сл.). Там же (XV, 416) финикияне характеризуются как «везущие на черном корабле много нарядов» (μυρί' ἄγροντες ἀθύρματα νηὶ μελαίνῃ; ср.: II, VI, 289—291). Геродот (III, 107) рассказывает, что финикияне ввозили в Грецию стираксу, которую в финикийские города доставляли арабы. О финикиянах как торговцах предметами роскоши рассказывают и другие источники (ср., например: Diod., V, 35, 4; Ps.-Arist., De mir. aus., 135), хотя непосредственно Грецию они в виду и не имели.

Археологический материал также свидетельствует о том, что в IX—VIII вв. финикияне вели активную торговлю в Греции. Мы имеем в виду обнаруженные в Идейской пещере, на Самосе и в храме Артемиды Орфии (Спарта) изделия из слоновой кости финикийско-египетского происхождения.²⁷ Интенсивное развитие торговли явилось в дальнейшем предпосылкой к переселению финикиян в Грецию. К сожалению, это подтверждает только письменная традиция, хотя анализ археологического материала также позволил Р. Д. Барнетту высказать предположение о возможности пересе-

²⁴ W. F. Albright. Some oriental glosses on the Homeric problem. AJA, 1950, стр. 162—176.

²⁵ H. L. Lorimer. Homer and the monuments, стр. 52 сл.

²⁶ О. Эйссфельдт полагает, что этнокон «сидоняне» первоначально не был связан с Сидоном, но применялся для обозначения либо всех финикиян, либо одного из наиболее могущественных финикийских племен, и что его возрождение в Библии и поэмах Гомера связано было с ростом политического и экономического значения Сидона (O. Eissfeldt. Phoiniker und Phoinikia, стб. 380 сл.).

²⁷ R. D. Barnett. Early Greek and Oriental ivories. JHS, 1948, стр. 1—25.

ления финикийских ремесленников на запад. Геродот (VI, 47), рассказывая о разработке финикийцами металлических рудников на острове Фасос, писал: «Видел я и сам эти рудники, и больше всего из них удивительные, которые открыли финикийцы, под предводительством Фаса населившие (κτίσαντες) этот остров, который ныне имя имеет по Фасу этому, финикийину. Рудники же эти финикийские находятся на Фасосе между местностью, называемой Эпирами, и Кенирами против Самофракии, там, где большая гора совершенно разрыта в поисках металла».

Некоторые моменты этого этиологического предания следует признать исторически достоверными, тем более что свидетельства Геродота обычно достаточно авторитетны. Прежде всего невозможно отрицать наличие металлоразработок на Фасосе. Разработка этих рудников связывается с заселением острова финикийцами, основавшими там, как показывает употребленное Геродотом слово κτίσαντες (букв: «основавшие»), свое поселение и построившими храм Геракла — Мелькарта. «Видел я в Тире, — писал Геродот (II, 44), — и другой храм Геракла, имеющего прозвище Фасосского. Прибыл я также на Фасос, где нашел храм Геракла, посвященный финикийцами, которые, приплыв на поиски Европы, заселили (ἐκτίσαν) Фасос; а это было на пять поколений раньше, чем в Греции родился Геракл, сын Амфитриона». Финикийские храмы, основывавшиеся за пределами собственно Финикии, служили опорными пунктами финикийцев в их торговле с местным населением. Подобный храм весьма незначительных размеров с керамическим фундаментом начала I тысячелетия до н. э. был открыт П. Санта в районе так называемого святилища Типпит в Карфагене.²⁸ Об основании подобного храма сообщает и Цериоп Ганниона (Per. Hann., 4). Постройка на Фасосе храма Геракла — Мелькарта свидетельствует о значительной роли, которую ко времени его основания играл в торговле Эгейды Тир.²⁹ Следовательно, основание храма должно отнести к концу II или к началу I тысячелетия. В библейской традиции Эгейский бассейн фигурирует прежде всего как поставщик металла (ср., например: Ezesh., XXVII, 13 и 19). Быть может, определенную роль в становлении этих представлений сыграла и эксплуатация рудников на острове Фасос. Интересно и направление финикийской экспансии в Эгейде — на север, к выходам в бассейн Черного моря.

Геродот (I, 105) сообщает также, что финикийцами был сооружен храм Афродиты (Астарты?) на Кифере. Этим, однако, свидетельства в пользу широкого движения финикийцев в Грецию не исчерпываются. Некоторые религиозные культуры в раннем Коринфе — Афродиты с сопровождавшей его священной проституцией, Геры Акреи с человеческими жертвоприношениями, Афины, носившей титул Φοινίκης (ср.: Schol. Lyc., 658; St. Byz., s. v. Φοινικισμός), — испытали на себе, быть может, воздействие финикийской религиозной практики, хотя Т. Дж. Данбэбин, систематизировавший этот материал, считал спорным вопрос о том, селились ли финикийцы и выходцы из Сирии в Коринфе.³⁰

Имеются некоторые сведения в традиции и о колонизации финикийцами острова Родос. Афиней (Deipnos., VIII, 15, 36) рассказывает, что родосский историк Эргий посвятил специальный труд этому вопросу. К труду Эргия восходит, очевидно, сообщение Диодора, согласно которому Кадм соорудил на острове храм Посейдону, а оставленные при храме спутники Кадма — финикийцы впоследствии образовали симполитию с коренным

²⁸ P. C i n t a s. Ceramique punique. Paris, 1950, стр. 490—502.

²⁹ R. D u s s a u d. Melqart d'après les récentes travaux. Revue de l'histoire des religions, 1957, № 1, стр. 1—21.

³⁰ T. J. D u n b a b i n. The early history of Corinth. JHS, 1948, стр. 66.

населением острова (Diod., V, 58, 2). Вопрос о достоверности этого предания до настоящего времени не решен. На основании изучения камирских фигурок из слоповой кости, близких по своему стилю к пимрудским, и росписи родосских «тарелочек» Ф. Поульсен считал возможным постулировать длительное сосуществование греков и финикиян на острове.³¹ К. М. Колобова полагает, что наличный археологический материал свидетельствует о финикийском влиянии только в период господства «ориентализирующего» стиля и что, следовательно, нельзя говорить о колонизации финикиянами Родоса.³² Не решая здесь окончательно этой сложной проблемы, заметим только, что создание «ориентализирующего» стиля, несомненно, требовало длительного предварительного ознакомления с соответствующими образцами и внедрения их в быт. Вероятно, правильное было бы утверждать, что наличный археологический материал и создание «ориентализирующего» стиля свидетельствуют о длительном экономическом и культурном взаимодействии финикиян и греков еще до создания указанного стиля. То обстоятельство, что археологические памятники, известные в настоящее время, не содержат прямых указаний на финикийскую колонизацию Родоса, само по себе не может служить достаточно веским доводом против античной традиции.³³

Заслуживает быть отмеченным и предание о попытке финикиян под предводительством Кадма колонизовать Беотию (Herod., V, 57—58) и поселиться в районе Танагры, откуда, по преданию, они были изгнаны аргивянами.

В конце II—начале I тысячелетия до н. э. финикияне селились в греческих городах, причем происходил процесс эллинизации финикийских поселенцев, получавших, по-видимому, и гражданские права. Так, известный философ Гекатей Милетский вел свое происхождение от предков-финикиян (Diog. Laërt., I, 22, ср.: Herod., I, 170). Геродот вопреки даже фамильным преданиям вел родословную афинского рода Гефиреев от финикиян — спутников Кадма (Herod., V, 57; ср.: Plut., De Herod. malign., 23). Все эти построения были бы невозможны, если бы грекам не были известны реальные случаи поселения финикиян в крупных греческих городах.

Таким образом, античная традиция, которую археологический материал не опровергает, позволяет предполагать, что в конце II—начале I тысячелетия до н. э. финикияне предпринимали попытки создать в Эгейском бассейне свои поселения и обосноваться в греческих городах. Однако им не удалось прочно осесть в каком-либо районе Греции. Быстрый рост греческих полисов, развитие в них частнособственнических отношений и товарного производства привели к потере финикиянами их торговой монополии, а позднее и к вытеснению финикиян с греческих рынков. Активное участие финикиян в греко-персидских войнах, очевидно, в какой-то степени объясняется их стремлением вернуть утраченное торговое господство в Эгее.

В жизни Греции финикияне сыграли очень большую роль. Им греки обязаны алфавитом (Herod., V, 58).³⁴ «Ориентализирующий» стиль распис-

³¹ F. Poulsen. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig, 1912.

³² К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 71 сл.

³³ Отметим еще, что О. Эйссфельдт не сомневается в наличии многочисленных финикийских поселений в Эгейском бассейне в конце II тысячелетия (O. E i s s f e l d t. Phoiniker und Phoinikia, стб. 380 сл.).

³⁴ Справедливая критика, которой С. Я. Лурье подверг построения В. Георгиева, избавляет нас от необходимости вновь рассматривать уже решенный в науке вопрос о происхождении греческого алфавита. Ср.: С. Я. Л у р ь е. 1) В. Георгиев. Проблемы минойского языка. София, 1953. [Рецензия]. ВДИ, 1954, № 3, стр. 108; 2) Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 5—6.

ной керамики возник под непосредственным влиянием «миксипизирующего» хаанапейского искусства.³⁵ Наконец, через посредство финикиян греки познакомились со многими достижениями тогдашней науки.³⁶

Одним из контрагентов Тира в его западнотерриториальной торговле в конце II тысячелетия до н. э. была область, называвшаяся в Библии словом *taršiš*, а в греческой литературе — *Ταρτέσσος*. Современными историками неоднократно предпринимались попытки опровергнуть принятую в науке идентификацию этих топонимов. Так, испанский археолог П. Босх-Гимпера пытался доказать, что библейский Таршиш следует отождествлять не с Тартессом, а с малоазиатским Тарсом.³⁷ Однако такая идентификация представляется все же недостаточно обоснованной. В аккадских источниках Тарс именуется *Tarzi*,³⁸ а одновременно встречается и термин *Tarsisu*, полностью соответствующий еврейскому *taršiš* и обозначающий своеобразный «край света», до которого простиралось могущество ассирийских царей.³⁹ Показательно, что связи финикиян с Таршишем осуществлялись только морским путем, причем термин «корабль таршишский» (*ḥnī taršiš*) превратился постепенно в *terminus technicus* для обозначения кораблей дальнего плавания, совершавших рейсы, в частности в Офир (I Reg., XXII, 49).⁴⁰ Все сказанное заставляет локализовать страну Таршиш на самых дальних окраинах Средиземноморского бассейна, вероятнее всего в устье реки Гвадалквивир на юге Пиренейского полуострова, где находился и Тартесс греческих авторов.⁴¹

В связи со сказанным привлекает внимание и дебатировавшийся в литературе вопрос о значении термина *taršiš* и о его фонетической связи с греческим *Ταρτέσσος*. В. Ф. Олбрайт пытался толковать слово *taršiš* как имя в форме *taqīl* от глагола *gāšaš*, предлагая перевод «рудник», «плавильня». По мнению Олбрайта, при заимствовании этого слова греками из финикийского языка (*taršiš* — *Ταρτέσσος*) имела место замена семитического *š* греческим *σ* (*Ταρσις) с последующей ассимиляцией первого *σ* начальному *τ* и слиянием окончания *-ις* с архаическим греческим

³⁵ Ср.: В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 80 сл. Автор, однако, преуменьшает, на наш взгляд, значение восточного влияния при формировании «ориентализирующего» стиля.

³⁶ Подробно см.: С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. М.—Л., 1947, стр. 25 сл.

³⁷ P. Bosch-Gimpera. La formación de los pueblos de España. Mexico, 1945, стр. 167 сл.

³⁸ D. D. Luckenbill. Ancient records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1927, vol. I, стр. 207, vol. II, стр. 137. Ср. в хурритских текстах: Tarsa (J. Garsang, O. R. Gurney. The geography of the Hittite Empire. London, 1959, стр. 61).

³⁹ L. Messerschmidt. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhaltes. Leipzig, 1914, № 75; ср.: Jes., LXVI, 19.

⁴⁰ O. Eissfeldt. Phoiniker und Phoinikia, стб. 380 сл.

⁴¹ «Тартесс же — остров против Геракловых столбов» (Scholia Lycophr., 643). В этом известии, очевидно, нашел свое отражение факт распространения власти Тартесса на острова, прилегавшие к побережью Испании. См. также: Ps., XXII, 10 (масоретский извод Библии). Перипл Псевдо-Скимна (Per. Ps.-Scymn., 161 сл.) указывает, что Тартесс находился в двух днях плавания от Гадеса. Предположение, согласно которому название Тартесс первоначально прилагалось к району оз. Триопитида в Северной Африке (Г. Мюленштейн. Историческое значение вопроса об этрусках. ВДИ, 1938, № 4, стр. 55; A. Hermann. Atlantis und Tartessos. Petermanns Geographische Mitteilungen, 1927, № 5—6, стр. 145 сл.), не находит подтверждения в источниках. С. Бартина (S. Bartina. Taršiš. Verbum Domini, vol. 34, 1956, № 6, стр. 342—348) также поддерживает локализацию Тартесса в устье Гвадалквивира (ср. также: Euth., Ad Dionys. Perieg., 337; Strabo, 148).

-εσσοs.⁴² Однако это предположение вряд ли правильно. Для греческого языка характерен вообще не переход σ в τ, а обратный процесс. Более того, в большинстве греческих диалектов группы согласных «плавная+ς» не изменяются и только в аттическом диалекте ρσ переходит в ρρ (ср. ионич. ταρρός, аттич. τάρρος — «сушилка», «плетенка».⁴³ Переход σ в τ в аттическом диалекте представляет собой сравнительно позднее явление. Против мнения Олбрайта говорят и передача в Септуагинте этого же имени словом Θάρσις, и форма Ταρστίου, сохранившаяся у Полибия (III, 24, 2 и 4).⁴⁴ Как справедливо отмечает Л. Виккерт, греческое Μαστίας Ταρσηίου, имеющееся у Полибия, представляет собой неудачное воспроизведение латинской архаической формы Mastiam Tarseiom.⁴⁵

Очевидно, встречающееся у Полибия географическое обозначение через реконструированную Л. Виккертом форму восходит к финикийскому термину, употребленному в пунийской редакции договора Карфагена с Римом. Что же касается классической греческой формы, то она, вероятно, возникла независимо от своего финикийского эквивалента. И та, и другая воспроизводили каждая своими фонетическими средствами местное тартесское наименование.⁴⁶

Сколько-нибудь подробные и достоверные сведения по ранней истории Тартесса отсутствуют. В сокращении «Истории» Помпея Трога, составленном Юстином, сохранились лишь очень краткие свидетельства о том, что деятельности полумифического основателя тартесской царской династии — Хабида приписывалось создание законов, изобретение земледелия, а также разделение гражданского коллектива («плебса») между семью городами, т. е. по территориальному признаку. У Стефана Византийского названы тартесские города Элибирга и Ибилла (St. Byz., s. vv. Ἐλιβέργη и Ἰβόλλη). Если понимать Юстина буквально, то придется прийти к выводу, что в Тартессе территориальное деление не затронуло аристократическую верхушку. Это, однако, маловероятно. Видимо, Юстин в данном случае неточно передает терминологию Помпея Трога. Не вполне ясно, насколько отрывочные сведения Юстина (XLIV, 4, 10—14) соответствуют действительности. Быть может, на изложение Помпея Трога оказало воздействие стремление, обычное для греко-римской философской литературы, конструировать образ мудрого царя-законодателя, приобщающего варваров к цивилизации. Однако упоминание имени Хабида, не встречающегося в других источниках, позволяет предполагать, что в основе рассказа Помпея Трога лежала тартесская традиция, отражавшая реальные факты. Сказанное не противоречит тому, что в действитель-

⁴² W. F. Albright. New light on the early history of the Phoenician colonization. BASOR, № 83, 1941, стр. 21—22. Таково мнение и Х.-М. Сола-Коле (J.-M. Sola-Sole. Miscelaneas punico-hispanas, II, 5. Tarshish y los comienzos de la colonización fenicia en Occidente. Sefarad, 1957, № 1, стр. 23—35).

⁴³ Я. М. Боровский. Краткий очерк греческой фонетики. В кн.: П. Шап-трэн. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 297, 314.

⁴⁴ A. García y Bellido. La peninsula Iberica en los comienzos de su historia. Madrid, 1953, стр. 145—153.

⁴⁵ L. Wickert. Zu den Karthagerverträgen. Klio, 1938, стр. 354—356.

⁴⁶ Попытки А. Шультена (A. Schulten. Die Etrusker in Spanien. Klio, 1930, стр. 392—399) и его последователей (например: Г. Мюленштейн. Историческое значение вопроса об этрусках) доказать, что Тартесс был основан этрусками, покоятся на случайном совпадении названия Ταρτессος с этрусским родовым именем tartle и поэтому не могут быть признаны убедительными. Не более обоснована ссылка А. Шультена (A. Schulten. Tartessos. Hamburg, 1950, стр. 12 сл.) на находку в южной Португалии «очень древней» надгробной надписи, выполненной греко-мало-азиатским письмом, — ζαγοναη, которую он сопоставляет с этрусским zagonai из надгробия с острова Лемнос. Из того текста, на который А. Шультен ссылается, может следовать только то, что этруски селились на территориях, принадлежавших Тартессу.

ности появление земледелия, создание территориальной организации государства и запись законов были результатом длительного процесса развития, не будучи связанными с деятельностью одного какого-то царя-реформатора.⁴⁷

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что на юге Испании, в Тартессе, в конце II—начале I тысячелетия до н. э. существовало рабовладельческое государство.⁴⁸ Интересные сведения об этом государстве имеются у Ависпа (*Ora marit.*, 462), согласно которому река Тадер (ныне Сегура, к северу от Картахены) была границей Тартесса. Геродот (I, 163) рассказывает, что царь Тартесса Аргантоний приглашал фокейцев покинуть Ионию и заселить часть его страны, где они пожелают. Отсюда можно сделать вывод, что основанные в VII в. до н. э. колонии на Пиренейском полуострове, по крайней мере некоторые из них, например Майнака, были расположены на территории, первоначально принадлежавшей Тартессу.

Значительного развития достигли в Тартессе ремесло и торговля. Он был крупным экспортером драгоценного металла и посредником по доставке на средиземноморский рынок британского и галисийского олова. Уже в середине II тысячелетия до н. э. он имел прочные связи с Эгейским бассейном.⁴⁹ Не мудрено, что финикийцы направили свои усилия прежде всего на то, чтобы обосноваться на юге Пиренейского полуострова, у Гибралтарского пролива и, пользуясь старинными торговыми путями, закрепить за собой подступы к ценным источникам сырья.

В современной литературе была сделана попытка пересмотреть традиционную датировку основания финикийских колоний в южной Испании. Ю. Белох, полностью отрицавший достоверность исторического предания, как библейского, так и греческого, утверждал, что финикийская торговля в Испании началась только в VIII в.⁵⁰ П. Диксон полагал, что нет материалов, позволяющих датировать основание Гадеса временем около 1100 г., поскольку финикийские памятники из этого района датируются периодом не ранее VIII в.⁵¹ Примерно такую же позицию занял и Д. Д. Петерс, датировавший основание Гадеса временем около 850 г.⁵² Развивая эту точку зрения, Карнептер утверждал, что путешествия финикийцев в конце II тысячелетия в Тартесс неправдоподобны. По его мнению, до появления на Пиренейском полуострове греков, т. е. до VII в., торговля здесь вообще отсутствовала; древнейшие же финикийские материалы дати-

⁴⁷ Очерки истории Тартесса см.: A. Schulten. *Tartessos*. Hamburg, 1950; P. Bosch-Gimpera. *La formación de los pueblos de España*, стр. 160; А. Н. Мишулин. *Античная Испания*. М.—Л., 1952, стр. 202—220; A. Garcia y Bellido. *Vier Probleme der iberischen Geschichte und Kunst*. Klio, Bd. 38, 1960, стр. 128—132.

⁴⁸ Сомнения в реальном существовании Тартесского государства, основанные на признании данных античной традиции по этому вопросу гипотетическими (Всемирная история, т. I. М., 1956, стр. 135), представляются малообоснованными. Собственно с чисто ученой конструкцией по вопросу о Тартессе, основанной на гипотетических построениях предшественников, мы встречаемся только у Страбона (III, 149—151). В сообщениях же Геродота о Тартессе наряду со сказочными мотивами нетрудно разглядеть и исторические достоверные детали.

⁴⁹ P. Dixon. *The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world*. London, 1940, стр. 18; P. Bosch-Gimpera. *Etnologia de la península Iberica*. Barcelona, 1932, стр. 246; Г. Чайлд. *У истоков европейской цивилизации*. М., 1952, стр. 371—373, 450.

⁵⁰ J. Beloch. *Griechische Geschichte*, Bd. I. Berlin, 1926, стр. 252—253.

⁵¹ P. Dixon. *The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world*, стр. 23.

⁵² Д. Д. Петерс. *Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове*. Уч. зап. МГИИ, 1942, стр. 133.

ругуются, как он полагал, VI в.⁵³ П. Бош-Гимпера развил стройную и на первый взгляд убедительную систему доводов, долженствующих опровергнуть традиционную хронологию. По его мнению, в XI в. финикийской торговле препятствовали гегемония на море чакара и филистимлян, затруднявшая даже египетское мореплавание, а также военные действия ассирийцев. Финикийская торговля, как полагал П. Бош-Гимпера, началась в Западном Средиземноморье только в X в., когда была основана Утика.⁵⁴ А. В. Мишулин, основываясь на отсутствии археологического материала предшествующего периода, считал возможным датировать начало финикийской торговли в Западном Средиземноморье VIII—VII вв., а колонизацию финикийцами Испании относил ко времени после основания колонии на Эбессе, т. е. к концу VII—началу VI в. до н. э.⁵⁵

Однако все эти предположения представляются недостаточно обоснованными. Вряд ли деятельность «морских» народов, хотя бы филистимлян или чакара, могла серьезно отразиться на развитии финикийской торговли. Ведь морское пиратство было повседневным явлением в конце II тысячелетия до н. э. (ср.: Thuc., I, 5); сами финикийцы не чужались морского грабежа и были достаточно сильными, чтобы дать отпор любому противнику. Рассказ Ун-Амуна, на который ссылается П. Бош-Гимпера, относится к периоду крайнего ослабления Египта. Только оно позволило пиратам из сравнительно малозначительного переднеазиатского города предпринять враждебные действия против египетского посла. Характерно, что царь Библа, согласно этому рассказу, также отнесся к Ун-Амуну с большим высокомерием и предоставил ему кедр только после многократных и униженных для достоинства Египта просьб. В то же время повесть о путешествиях Ун-Амуна не содержит каких-либо данных, которые свидетельствовали бы о враждебных взаимоотношениях финикийца Библа с филистимлянами и чакара или о слабости финикийцев. То обстоятельство, что правитель Библа не хотел защищать Ун-Амуна от преследования чакара, еще не свидетельствует, что он не мог этого сделать.⁵⁶

Походы Тиглат-Палассара I, на которые ссылается П. Бош-Гимпера, завершились лишь захватом на непродолжительное время Арвада, Библа и Сидона.⁵⁷ Тир оказался вне сферы завоевательных операций, предпринятых Ассирией. В период XI—X вв. ассирийские цари были заняты не столько военными захватническими операциями, сколько борьбой за укрепление своей власти и обороной от нашествия арамейских племен.⁵⁸ Таким образом, и филистимляне вместе с чакара, и ассирийцы вряд ли могли так эффективно, как это представляется П. Бошу-Гимпере, воспрепятствовать развитию финикийской торговли.

Утверждение А. В. Мишулина о том, что древнейшие финикийские археологические материалы, найденные в Северной Африке и иных районах Западного Средиземноморья, датируются временем не раньше VII в.,⁵⁹

⁵³ Цит. по: K. Schefold. *Orient, Hellas und Rom in der archäologischer Forschung seit 1939*. Bern, 1949, стр. 227.

⁵⁴ P. Bosch-Gimpera. 1) La formación de los pueblos de España, стр. 167; 2) Phéniciens et Grecs dans l'Extrême-Orient. *La Nouvelle Clio*, 1951, № 9—10, стр. 272, H. L. Lorimer. *Homer and the monuments*, стр. 66.

⁵⁵ А. В. Мишулин. *Античная Испания*, стр. 222.

⁵⁶ Путешествие Ун-Амуна в Библи. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева. М., 1960.

⁵⁷ R. Weill. *Phoenicia and Western Asia to the Macedonian conquest*. Cambridge, 1940, стр. 179 сл.; И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1948, стр. 78.

⁵⁸ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии, стр. 221.

⁵⁹ А. В. Мишулин. *Античная Испания*, стр. 221.

явно ошибочно. В. Ф. Олбрайт, анализируя древнейшие финикийские изделия из слоновой кости, пайденные в Кармоне, пришел к выводу, что они стилистически весьма близки не только соответствующим памятникам IX—VIII вв. из Самарии и Арслан-Таша, но и изделиям, открытым в Мегиддо и датированным XII в.⁶⁰ Объектами финикийской торговли были к тому же чужеземные изделия нефиникийского происхождения, подражания им, либо благовония, масла и т. п. — все то, что по своей природе не могло сохраняться в течение длительного времени.⁶¹

Наконец, южное побережье Пиренейского полуострова в археологическом отношении изучено еще далеко не достаточно. До настоящего времени точно не определено местоположение Тартесса. Раскопки Гадеса практически почти невозможны, так как на острове Сан-Себастьян, где находился город, в настоящее время расположена военная база. То, что сделано здесь до настоящего времени А. Шультепом, является поэтому не более как предварительной археологической разведкой.⁶²

Помимо археологических материалов, определенно свидетельствующих в пользу ранней датировки финикийской торговли в Испании, ценные сведения содержит и древняя письменная традиция. П. Бош-Гимпера⁶³ и А. В. Мишулин⁶⁴ считают ее недостоверной, несмотря на поразительную близость сведений, содержащихся в не зависящих друг от друга памятниках. П. Бош-Гимпера, несомненно, прав, утверждая, что библейская традиция не сохранила прямых сведений о Гадесе или иных финикийских колониях на юге Пиренейского полуострова. Но вряд ли это подкрепляет его основную мысль о позднем появлении финикийцев на юге Испании. В Библии встречаются неоднократно указания на то, что Тир вел интенсивную торговлю с Тартессом (I Reg., X, 22; Jer., X, 9; Jezzech., XXVII, 12). Наиболее ранние факты могут быть датированы X в. до н. э. Кроме того, в Библии косвенное отражение нашли колонизация финикийцами южной Испании и господство там Тира. В тексте Исаи (XXIII, 6) конца VIII в., обращенном к Тиру, читаем: «Переправляйтесь в Таршиш (Тартесс, — И. Ш.), плачьте, жители острова». Этот отрывок относится к осаде Тира ассирийцами, на что справедливо указал А. Шультеп.⁶⁵ Вряд ли библейский пророк мог дать такой совет жителям Тира, если бы их переселения в Тартесс не происходили и раньше и если бы не существовало давно налаженной регулярной торговли между Тиром и Тартессом. Несколькими стихами ниже Исаия (XXIII, 10) обращается к «дочери Таршиша»: «Переходи на землю свою, как река, дочь Таршиша, пет препоны более». Следовательно, Тир на протяжении длительного времени, во всяком случае и в VIII в., играл роль «препоны» (*mēzāh*) по отношению к Тартессу. Иначе говоря, на юге Испании существовала область тирского господства, в которую входила часть территорий, первоначально принадлежавших Тартессу, подвергавшемуся каким-то притеснениям со стороны Тира.

---

⁶⁰ W. F. Albright. The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960, стр. 123.

⁶¹ A. García y Bellido. Phönizische und griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeer. Historia Mundi, Bd. III, 1951, стр. 330; L. Pericot-García. L'Espagne avant la conquête romaine. Paris, 1952, стр. 205; Cambridge Ancient History, vol. IV. Oxford, 1926, стр. 347; O. Eissfeldt. Phoiniker und Phoinikia, стб. 380 сл.

⁶² АА, 1927, стр. 203—211.

⁶³ P. Bosch-Gimpera. La formación de los pueblos de España, стр. 169.

⁶⁴ А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 224.

⁶⁵ A. Schulten. Tartessos, стр. 17.

В античной литературе, не зависимой от библейской версии, вопрос о финикийской торговле в Западном Средиземноморье, а также об основании финикийских колоний в этом районе впервые затрагивался Тимеем, известие которого сохранилось в передаче Диодора (V, 20). Однако ни Тимей, ни восходящее, по мнению Д. Д. Петерса,⁶⁶ к тому же источнику свидетельство Посейдония, дошедшее до нас в передаче Страбона, не дают достаточных данных для датировки упомянутых событий. Согласно Веллею Патеркулу (I, 2), тирийцы основали Гадес примерно около 80-го года после гибели Трои. Помпоний Мела (III, 46) отмечает, что гадитанские жрецы датировали основание города временем гибели Трои. Сообщение Помпония Мелы чрезвычайно интересно. Несомненно, что те авторы, трудами которых пользовался Мела при составлении своей книги, хорошо знали гадитанскую храмовую традицию. Соотнесение даты основания Гадеса с моментом гибели Трои может свидетельствовать о том, что греко-римские писатели стремились ввести полученные ими из гадитанских источников указания в русло общей античной традиции. Возможно, однако, что «эллинизация» местной традиции была делом самих гадесских жрецов. В этом случае указанный нами факт явился бы еще одним подтверждением того, насколько глубоким было влияние на различные районы Средиземноморского бассейна эллипской культуры. Еще более точные сведения имеются у Веллея Патеркула (I, 2, 4), который отмечает, что Гадес был основан за несколько лет до основания Утики, т. е. в конце XII в. до н. э.

Таким образом, как библейская, так и античная традиции, полностью совпадая друг с другом, свидетельствуют о существовании ранних — с конца II тысячелетия — связей между Тиром и Пиренейским полуостровом, а также о том, что Тиром были произведены на юге Пиренейского полуострова определенные территориальные захваты. Совпадение библейской и античной традиций служит убедительным доказательством в пользу их достоверности, тем более что гадитанская эра, несомненно, восходила к местным хроникам.⁶⁷

Библейская и античная традиции характеризуют финикийскую торговлю в южной Испании на различных этапах ее развития. Отсюда следует, что при характеристике этой торговли в доколониальный период далеко не все свидетельства могут быть приняты во внимание. В частности, совершенно исключается из нашего поля зрения библейский материал, поскольку он относится ко времени после основания Гадеса.

Диодор (V, 35, 4), сведения которого восходят к Тимею, писал: «Так как местные жители не знали его (серебра, — *И. III.*) применения, финикийцы, занимавшиеся торговлей и узнавшие о том, что произошло,⁶⁸ покупали серебро за какую-нибудь небольшую плату другими товарами. Поэтому-то, доставляя «серебро» в Грецию, Азию и ко всем другим народам, финикийцы приобретали большие богатства». Хотя некоторые детали рассказа Диодора носят явно легендарный характер, тем не менее его сообщение, несомненно, отражает действительность. События, о которых идет речь, датируются временем задолго до основания колоний. Таким образом, начало финикийской торговли в Испании можно было бы отнести к середине или второй половине II тысячелетия до н. э., во всяком случае задолго до рубежа II и I тысячелетий. То обстоятельство, что на-

⁶⁶ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 130.

⁶⁷ Willrich. Gades. P.-W. RE, Halbbd. XIII, 1910, стб. 439—461.

⁶⁸ Диодор имеет в виду легендарные обстоятельства, при которых на Пиренейском полуострове началась добыча серебра (Diod., V, 35, 3).

селение Испании не было знакомо с использованием серебра, показывает, насколько был низок уровень его социально-экономического развития ко времени появления на полуострове финикиян. Деньги как средство обращения здесь еще отсутствовали. Варварство парода-производителя было важным условием ведения финикиянами выгодной посреднической торговли.⁶⁹ Но финикийская торговля в свою очередь способствовала быстрому разложению остатков первобытнообщинного строя в этом районе Средиземноморского бассейна. Возможно, находки эгейских материалов на Пирепейском полуострове также указывают на посредническую деятельность финикийских торговцев в этом районе. Наконец, очень интересны сведения Диодора о финикийском импорте в Испанию. Они дополняются рассказом другого источника (Ps.-Arist., *De mir. aus.*, 135), восходящего, вероятно, к той же традиции, что и Диодор. В этом рассказе отмечается, что финикияне вывозили в неимоверно больших количествах серебро из Тартесса, получая его в обмен на масло и другие мелкие товары морской торговли (*ἐλαῖνον καὶ ἄλλον ναυτικὸν ῥῶπον*).

Таким образом, были все предпосылки для создания финикийских торговых факторий на подступах к этим запасам сырья. Однако первая колония финикиян-тирийцев (ср.: Plin., *Nat. hist.*, XIX, 63) была основана на африканском побережье Атлантического океана за Гибралтаром. Согласно Периплу, приписываемому Скилаку (Per. Ps.-Scyl., 112), город был расположен на правом берегу реки Ликс (совр. Луккус). Как показало археологическое обследование местности, основным центром финикийского поселения был холм Чеммиш неподалеку от современного поселенного пункта эль-Арайш. Здесь обнаружены остатки финикийской городской стены, выложенной из массивных блоков. Храм Мелькарта—Геракла, как полагают, был расположен на острове, находившемся в эстуарии.⁷⁰ Согласно Периплу Псевдо-Скилака, на другом берегу реки Ликс находилось ливийское поселение. Не имея достаточных археологических данных, трудно решить, какое из этих двух поселений возникло раньше. Можно предполагать, что финикийская торговая база служила притягательным центром для ливийцев, равно как возможность вступить в непосредственный контакт с коренным населением могла оказаться очень соблазнительной для финикиян. Надо полагать, что оба поселения, ливийское и финикийское, были административно самостоятельными (в противном случае автор Перипла не упомянул бы их порознь) и что на ранней стадии колонизационного движения финикияне стремились избежать смешения с коренным населением. Точное название созданной финикиянами колонии неизвестно,⁷¹ общепринятое название — Ликс.

Основание Ликса, несомненно, имело целью обеспечить плацдарм для овладения пиренейскими рынками драгоценных металлов. Однако, находясь в относительной близости от Тартесса — по сообщению Страбона (XVII, 3, 2), «на расстоянии восьмисот стадий», — Ликс тем не менее был расположен в стороне от испанских рудников и от важнейших морских торговых путей, ведущих в Британию. Он никогда не играл сколько-ни-

⁶⁹ К. Маркс (Капитал, т. I. Госполитиздат, М., 1949, стр. 85) указывал: «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы торговые в собственном смысле этого слова существуют, как боги Эпикура, лишь в междумировых пространствах древнего мира».

⁷⁰ St. Gsell. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, t. II. Paris, 1918, стр. 173. Ср.: Dessau. *Lix*. P.-W. RE, Halbbd. XXV, 1926, стб. 928—929.

⁷¹ В источниках встречаются следующие наименования: Τρίγυζ, Λίξον (Strabo, XVII, 3, 2), Λίξ, Δύξ (St. Byz., s. v.), Λίξα (St. Byz., s. v.).

будь заметной роли в экономической и политической жизни Средиземноморья. Именно по этой причине финикийцы предприняли новые попытки основать колонии непосредственно на южном побережье Пиренейского полуострова.

У Страбона (III, 5) сохранилось предание о трех попытках финикийцев колонизовать район Гибралтарского пролива. Эти сведения, по указанию самого Страбона, восходят к известному в древности географическому труду Посейдония, который в свою очередь ссылался на гадитанскую традицию (Strabo, III, 5, 5). Посейдоний, а вслед за ним и Страбон выражали сомнения в достоверности гадитанского предания, которое характеризуется как «ложь финикийская», однако нам такая оценка представляется неосновательной. В гадесском предании могло найти отражение воспоминание о тех многократных разведочных экспедициях, а также о попытках организации колоний, которые, несомненно, предшествовали основанию Гадеса.

Согласно сообщению Страбона, первая попытка колонизации была предпринята на Пиренейском полуострове, «там где ныне находится город экситан», — в пункте, который, по мнению А. Шультена, идентичен с населенным пунктом Альмуньесар восточнее Малаги.⁷² Однако, как пишет Страбон, здесь жертвоприношения были неблагоприятными и колонисты вернулись на родину. Вторая экспедиция была направлена некоторое время спустя. Миновав Гибралтарский пролив и пройдя далее около 1500 стадий, она попыталась основать город на Геракловом острове, в непосредственной близости от иберийского города Онобы, который А. Шультен отождествлял с Уэльвой в устье Рио Тинто.⁷³ Но и здесь жертвоприношения были неблагоприятными.

А. В. Мишулин без достаточных, по нашему мнению, оснований уклонился от разбора этого гадитанского предания.⁷⁴ Д. Д. Петерс полагал, что в предании рассказывается об экспедициях разведчиков, не имевших непосредственной целью основание колоний.⁷⁵ Эта точка зрения представляется весьма правдоподобной,⁷⁶ хотя не исключено, что наряду с чисто разведочными целями перед этими экспедициями ставились и другие задачи. Очевидно, неудача, первоначально преследовавшая колонистов, объясняется не столько неблагоприятными предзнаменованиями, сколько сопротивлением местных жителей, о котором по вполне понятным причинам гадесская традиция умалчивала. Характерно, что пункты, первоначально отвергнутые финикийцами, были ими впоследствии заселены, как например Альмуньесар. Эти пункты, следовательно, не представлялись финикийцам совершенно неприемлемыми; религиозный запрет не играл сколько-нибудь определяющей роли в принятии решения об основании колонии. Причин же для сопротивления финикийцам было достаточно. Иберы к тому времени были, несомненно, хорошо осведомлены о тех выгодах, которые приносила финикийцам торговля испанским серебром. Они могли стремиться к установлению непосредственных связей с рынками сбыта драгоценного металла, минуя финикийское посредничество. К тому же появление финикийских колоний создавало угрозу и политической самостоятельности иберийских племен и государств. Ха-

⁷² A. Schulten. Tartessos, стр. 16.

⁷³ Там же.

⁷⁴ А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 222—224.

⁷⁵ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 130.

⁷⁶ Ср.: Strabo, III, 5, 5: экспедиции высылаются «ради осмотра» (κατασκοπήσῃ χάριν).

рактарно, что в дальнейшем Гадес постоянно находился во враждебных отношениях с Тартессом.

Только третья экспедиция привела к основанию на острове Сан-Себастьян города, получившего название Гадес. Примечательно, что и в данном случае финикийцами был избран для заселения остров, а не какой-либо пункт на материке. Такое расположение колонии можно объяснить только желанием обезопасить ее от вражеских вторжений с суши. Видимо, у основателей города были причины опасаться таких нападений. Как уже говорилось, в настоящее время раскопки Гадеса не ведутся. А. Шультен, обследовавший город более тридцати лет назад, обнаружил здесь лишь незначительные и не поддающиеся датировке остатки финикийского поселения,⁷⁷ в частности нескольких узких, шириной в 2—2.5 м, улиц, высеченных в скале. В одну из них упирался водосток. В пещере, расположенной в северо-западной части острова, по мнению А. Шультена, находился храм богини — покровительницы мореплавания, о которой упоминал Авиен (Ora marit., 314—318: Venus marina). От пещеры к морю вела лестница в шесть ступеней. На лежащем неподалеку островке Сан-Педро А. Шультен предполагал существование храма Мелькарта, материальные остатки которого, по его мнению, скрыты под водой.

Характеризуя образ жизни гадитан, Страбон (III, 5, 3) писал: «Ведь они являются теми людьми, которые отправляют самые многочисленные и самые большие торговые корабли (ναυκλήρια) в наше море и за его пределы. Они не живут на большом острове, и не владеют большими территориями на лежащем напротив побережье, и не захватили другие острова, но главным образом живут на море». Таким образом, в I в. п. э. основным занятием гадитан была морская торговля. Показательно, что Гадес, согласно сообщению Страбона, не имел сколько-нибудь значительных территориальных владений непосредственно на Пиренейском полуострове. Если это так, то тем более вероятно, что при основании города, т. е. до войн с Тартессом, такие владения у Гадеса отсутствовали. Город, основанный финикийцами, должен был сыграть роль крупного торгового центра на Западе. Эти надежды, как показывает и приведенный выше отрывок из Страбона, полностью оправдались.

Опираясь на Гадес, финикийцы могли начать планомерную колонизацию юга Пиренейского полуострова. Вероятно, наиболее значительной колонией здесь после Гадеса была Малака. Д. Д. Петерс полагает, что самое раннее упоминание об этой колонии сохранилось у Авиена (Ora marit., 426—427), где воспроизводится сообщение Перипла Массалиота. Но, как справедливо отмечает он же, неоднократные переработки, которым подвергался Перипл Массалиота, не позволяют принимать его в расчет при определении даты основания Малаки.⁷⁸ Ни это упоминание, ни упоминания других греческих и римских историков и географов, как Страбона (III, 4, 2), Плиния (III, 8) и Помпония Мелы (II, 94), не дают возможности определить даже terminus ante quem. Расположена была колония на холме Алькасаба, неподалеку от устья реки Гвадалмедина. Береговое положение Малаки и наличие при городе хорошей гавани, несомненно, позволили ему стать важным центром торговли с иберами. Страбон отмечает близость от Малаки «серебряных и иных рудников». Имеются указа-

⁷⁷ A. Schulten. Forschungen in Spanien. AA, 1927, стр. 203—211; А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 225.

⁷⁸ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 137.

ния на торговлю соленой рыбой (CIL, VI, 9677) и маслами (CIL, XV, 4203), которую в императорский период вели жители Малаки. Вывоз масла свидетельствует, возможно, о том, что со временем Малака либо установила прочный контакт с местным земледельческим населением, либо привлекла к себе земледельческое население из метрополии, одновременно захватив какие-то территории в окружавшем ее районе. Другая финикийская колония, Секси, по-видимому, была расположена в районе Альмуньесар. Материалы, найденные здесь А. Шультемом,⁷⁹ датируются временем карфагенского господства и не могут служить указанием на время основания города. Колония Абдера, которая упоминается у Страбона (III, 4, 3 и 6), Илиния (III, 8) и Помпония Мелы (II, 94), по мнению А. Шультена⁸⁰ и Д. Д. Петерса,⁸¹ должна была находиться на холме Монте Кристо (восточнее Адры), где найдены монеты с финикийской легендой 'bdr.⁸²

А. Дитрих, анализируя иберийскую топонимику, пришел к выводу, что финикийцы основали на Пиренейском полуострове также города Суэл, Картия и Традукта.⁸³ Его доводы, однако, не могут быть признаны убедительными. В частности, в дошедших до нас источниках Суэл рассматривается как город мастиенов (St. Byz., s. v. Σάαλις πόλις Μαστιηνῶν). Нет ни археологических, ни нумизматических материалов, ни сведений письменной традиции, которые бы свидетельствовали об основании города финикийцами. Ссылка А. Дитриха на еврейское š'al — «лиса», близкое по звучанию к топониму Суэл, не восполняет этого пробела, поскольку в данном случае речь может идти только о созвучии. Город Традукта—Иоза был основан Августом и заселен выходцами из Северной Африки;⁸⁴ таким образом, о его возникновении в период финикийской колонизации не может быть и речи. Ссылка А. Дитриха на легенду об основании Картии Гераклом не подтверждается античной традицией.

Помимо юга Пиренейского полуострова, важным объектом финикийской колонизации в Западном Средиземноморье была Сицилия, а также прилегавшие к ней острова. По этому поводу имеется совершенно недвусмысленное указание Фукидида (VI, 2, 6): «Жили также и финикийцы по всей Сицилии, захватив приморские мысы и прилегающие островки ради торговли с сикулами». Аналогичное сообщение мы находим и у Диодора (V, 35, 3): «Позтому-то финикийцы, в течение продолжительного времени в результате такой торговли получая большой доход, высылали многочисленные колонии, одни — в Сицилию и на соседние с нею острова, а другие — в Ливию, Сардинию и Иберию». Оба автора отмечают, что развитие торговли послужило причиной финикийской колонизации Сицилии. У Диодора наблюдается определенная тенденция связать колонизацию Сицилии с испанской торговлей финикийцев.

К моменту финикийской колонизации, как рассказывает Фукидид (VI, 2), Сицилия была заселена тремя этническими группами — сиканами,

⁷⁹ A. Schulten. Forschungen in Spanien. AA, 1933, стр. 564; Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 138.

⁸⁰ A. Schulten. Forschungen in Spanien, 1933, стр. 563.

⁸¹ Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове, стр. 139.

⁸² Работа Г. Клейнера, посвященная хронологии абдерских монет (G. Kleiner. Zur Chronologie der Münzen von Abdera. Jahrbuch für Numismatik, Bd. II, 1950—1951, стр. 14—20), нам не доступна. См. о ней: Bibliografía histórica de España y Hispanoamericana, II. Barcelona, 1957, стр. 337.

⁸³ A. Dietrich. Phönizische Ortsnamen in Spanien. Leipzig, 1936.

⁸⁴ A. Schulten. Traducta. P.-W. RE, Bd. VI, 1937, стб. 1892—1893.

сикулами и элимами. Как полагают, сиканы, жившие в западной части острова, этнически и культурно были связаны с населением Иберии. Сикулы, появившиеся в Сицилии примерно в XI в., были италиками, о чем, кроме Фукидида, свидетельствуют сиккульские глоссы античных авторов.⁸⁵ Элимы обычно связываются с лигурами и лигурийской культурой,⁸⁶ хотя традиция (Thuc., VI, 2) указывает на их малоазиатское происхождение.

Еще в середине II тысячелетия до н. э. Сицилия становится ареной торговой деятельности микенских и критских купцов.⁸⁷ С того времени сицилийские народности начинают принимать все большее участие в обмене товарами. Как справедливо отмечает Циглер, тот факт, что сицилийскими греками были усвоены сиккульские названия мер и весов, свидетельствует о большой роли, которую играла торговля ко времени греческой колонизации Сицилии в жизни ее коренного населения, земледельческого в основной своей массе.⁸⁸

Несомненно, что ранние связи Сицилии с Эгейским миром подготовили почву для развития в конце II тысячелетия до н. э. финикийской торговли.

В исторической литературе античная традиция о ранней финикийской колонизации Сицилии неоднократно оспаривалась. Известный русский ученый Ф. Ф. Соколов в работе, посвященной древнейшему периоду истории Сицилии, подвергнув справедливой убийственной критике недоказуемые гипотезы Моверса о ранней колонизации финикийцами этого острова,⁸⁹ утверждал, что имеются основания говорить об освоении финикийцами лишь западного угла Сицилии. Он допускал, что, помимо Моти, Солунта и Папорма, финикийцы владели Тапсом, Макарой и Мипосей; возможно, по мнению Ф. Ф. Соколова, что финикийцами были основаны колония на мысе Лилибей, а также Мазара в области Селипунта.⁹⁰ По мнению Ю. Белоха, полностью отвергавшего нарративную традицию, греческая колонизация Сицилии, Италии и Лигурии предшествовала возникновению здесь финикийских поселений.⁹¹ П. Орси и его многочисленные последователи полагают, что греческая колонизация Сицилии на востоке и финикийская на западе осуществлялись одновременно.⁹² По мнению Р. Карпентера, сообщения Фукидида о финикийских поселениях в Сицилии были теоретическим домыслом этого автора, пытавшегося согласовать наличие финикийян в западной части острова с сообщениями Гомера о широком развитии финикийской торговли на Западе после

---

⁸⁵ И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.—Л., 1953, стр. 60—61; E. Vetter. War das Sikulische eine italische Sprache? Glotta, XL, 1962, № 1—2, стр. 62—73.

⁸⁶ Hülse. Elymi. P.-W. RE, Bd. V, 1905, стб. 2467—2468.

⁸⁷ Г. Чайд. У истоков европейской цивилизации, стр. 317.

⁸⁸ Ziegler. Σικελία. P.-W. RE, 2. Reihe, Bd. II, 1923, стб. 2461—2522.

⁸⁹ A. Moers. Die Phönizier, Bd. II, Teil 2. Bonn, 1850.

⁹⁰ Ф. Ф. Соколов. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865, стр. 101.

⁹¹ J. Beloch. Griechische Geschichte, Bd. I, стр. 253. Точку зрения Белоха разделяет и Парети (L. Paret. Sui primi commerci e stanziamenti fenici nei paesi Mediterranei e specialmente in Sicilia. Archivio Storico Italiano, vol. X, 1934, стр. 3—28. Цит. по: J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile. Paris, 1941, стр. 81).

⁹² К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 176, 310, примеч. 147 со ссылкой на П. Орси (P. Orsi. Hermata triglena. Strena Helbigiana, 1900, стр. 277 сл.; ср.: J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile, стр. 270).

Троянской войны.⁹³ Основной аргумент, который выдвигается противниками теории ранней колонизации финикийцами всей Сицилии, заключается (как это имело место применительно и к колонизации Пирепейского полуострова) в отсутствии достаточных археологических материалов.

Однако существует и другая точка зрения на этот вопрос. В частности, Циглер⁹⁴ не подвергает сомнению точность сообщения Фукидида.⁹⁵ Он целиком основывается на письменной традиции, полагая, что первые поселения финикийцев, которые он считает не колониями в собственном смысле слова, а торговыми факториями, можно датировать рубежом II и I тысячелетий. Правда, он делает оговорку, что непосредственно из текста Фукидида эта датировка не вытекает. Из него следует только, что финикийцы появились в Сицилии до греческой колонизации. Такова же в общем позиция Э. А. Фримена,⁹⁶ А. Гольма,⁹⁷ Дж. И. С. Уайтейкера.⁹⁸ Э. Паис также не видел причин для того, чтобы отрицать финикийскую торговлю в Сицилии уже в XI в.⁹⁹

Отсутствие прямых археологических свидетельств не может поставить под сомнение факт ведения финикийцами торговли в Сицилии. Как показал О. Бем, сведения Фукидида по истории Сицилии восходят к труду сиракузского историка Антиоха (вторая половина V в.);¹⁰⁰ следовательно, нет оснований говорить о сообщении Фукидида как об учебной конструкции. В его распоряжении была местная сицилийская традиция. Показательно, что сведения Фукидида совпадают с сообщением Диодора, восходящим к Тимею. Надо полагать, что у сицилийских историков имелись достаточные данные, характеризовавшие и историю финикийской колонизации Сицилии, и историю борьбы между финикийцами и греками на острове. И если Фукидид, в точности и достоверности сообщений которого, как правило, сомневаться не приходится, воспользовался этими данными, то уже одно это свидетельствует в пользу их истинности.

В пользу письменной традиции свидетельствует и местная сицилийская ономастика. В частности, Птолемей (III, 4, 8) сохранил название Финикийская Гавань (Φοινικὸς λιμήν) для местности, расположенной к северу от мыса Пахин. Между Мессаной и Тавромением, как отмечает Ж. Берар, находилась местность Феникс (Phoenix).¹⁰¹ Он предполагает, что и имя собственное Συρακοῦσαι (Сиракузы) является греческой передачей древнейшего финикийского названия. Во всяком случае на острове Ортигия еще в конце VIII в. существовало сиккульское поселение, где, возможно, имелось сезонное пристанище для финикийских кунцов.¹⁰²

⁹³ R. Carpenter. The Phoenicians in the West. AJA, 1958, № 1, стр. 37.

⁹⁴ Ziegler. *Σικελία*, стр. 000.

⁹⁵ Ср.: С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. М.—Л., 1947, стр. 300: «до сих пор историческая наука не нашла у Фукидида ни одного неправильного исторического сообщения».

⁹⁶ E. A. Freeman. The history of Sicily from the earliest times, vol. I. London, 1891, стр. 242—245.

⁹⁷ A. Holm. Geschichte Siziliens im Altertum, Bd. I. Leipzig, 1870, стр. 80—83.

⁹⁸ J. I. S. Whitaker. Motya, a Phoenician colony in Sicily. London, 1921, стр. 43.

⁹⁹ E. Pais. Storia dell'Italia antica, vol. I. Roma, 1925, стр. 142—145.

¹⁰⁰ A. Boehm. Fontes rerum sicularum quibus Thucydides usus sit. Ludwigs-lust, 1875.

¹⁰¹ J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile, стр. 80—85.

¹⁰² Там же, стр. 142.

Эпос (*Odys.*, XV, 403 сл.), сомневаться в достоверности которого нет оснований, сохранил указания на финикийскую торговлю у восточного побережья Сицилии.¹⁰³

Вероятно, финикийцы не создавали в этом районе сколько-нибудь прочных поселений, основывая временные торговые фактории, не имевшие постоянного населения. Финикийцы вели здесь торговлю драгоценным металлом, тканями, благовониями и иными предметами роскоши, а также рабами.¹⁰⁴ Вероятно, имела место и посредническая торговля — вывоз ремесленных изделий из Эгейского бассейна. С. Гопкинс, очевидно, прав, когда сходство между удлиненными статуэтками Сардинии и Южной Италии и соответствующими памятниками греческого геометрического стиля объясняет развитием финикийской торговли в XI—VIII вв.¹⁰⁵

Причину того, что основным районом финикийской колонизации в Сицилии стала не восточная, а западная ее часть, следует искать в стратегическом положении указанных территорий. Восточная Сицилия как бы замыкает собой восточную часть Средиземноморья, тогда как западная Сицилия открывает путь в Западное Средиземноморье — к берегам Лигурии, к Италии, к Пиренейскому полуострову. Большое значение для финикийцев имела близость западной Сицилии к североафриканскому побережью, где к тому времени уже появились их первые колонии (Утика). Владея обоими берегами гигантского пролива, соединяющего Восточное Средиземноморье с Западным, финикийцы могли рассчитывать, что им удастся на некоторое время избавиться от внешней конкуренции и обеспечить на Западе свою торговую монополию. Не случайно, когда началась греческая колонизация Сицилии, финикийцы обратили основное внимание именно на укрепление своих позиций в западной части острова.

Литературные источники не содержат данных, которые позволили бы точно датировать создание в Сицилии финикийских колоний, в частности Мотии. В словаре Стефана Византийского (s. v. Μοτία) сохранилось (со ссылкой на Гекатея) следующее предание о происхождении названия города: «Мотия, город сицилийский, по имени Мотии — женщины, указавшей Гераклу угнанных его быков». В данном случае перед нами, несомненно, греческая этимологическая конструкция, хотя связь ее с легендой о Геракле и заставляет предполагать, что версия Стефана Византийского — Гекатея как-то связана с местным финикийским преданием. Несколько больший свет проливают на этот вопрос данные раскопок Мотии, опубликованные в 1921 г.

Мотия была основана на южной оконечности островка Сап-Панталео у западного побережья Сицилии. Она была окружена стенами и башнями, выложенными из необработанных каменных плит без применения какого-либо вяжущего материала. Фундаменты башен представляли собой два ряда четырехугольных каменных блоков, подвергшихся предварительной грубой обработке.¹⁰⁶ В северной части острова обнаружено древнейшее кладбище. Впоследствии оно было оставлено в связи с расширением города, когда некрополь с острова Сап-Панталео был перенесен в Сицилию, в местность Бирджи, находившуюся вблизи города. Существенное значе-

¹⁰³ J. Schmidt. Ὀδυσσεύς, P.-W. RE, Halbbd. XXXVI, 1942, стб. 1520—1526. В пользу отождествления упоминаемого в «Одиссее» острова Ортигия с одноименным островом у побережья Сицилии высказывается и Лоример (H. L. Lorimer. Homer and the monuments, стр. 81).

¹⁰⁴ F. G. Dunbabin. The western Greeks. Oxford, 1948, стр. 20—21.

¹⁰⁵ C. Hopkins. Early Phoenician trade in the Mediterranean. AJA, 1957, № 2, стр. 183.

¹⁰⁶ J. I. S. Whitaker. Motya, a Phoenician colony in Sicily, стр. 141—146.

ние имеет то, что, как отметил Уайтейкер, некрополь был найден под городской стеной; ¹⁰⁷ он существовал, следовательно, до появления городских укреплений. Находка в некрополе протокоринфской вазы позволяет датировать постройку стен Мотии серединой VII в. Несомненно, что и некрополь, и город возникли задолго до постройки стен. По аналогии с Норой можно утверждать, что Мотия была основана не позднее X в. до н. э.

Особый интерес представляет то, что, по данным Уайтейкера, захоронения в древнейшем некрополе Мотии были почти исключительно кремационными. ¹⁰⁸ Здесь обнаружены лишь семь саркофагов, сосредоточенных в западной части некрополя. Эти саркофаги были изготовлены из песчаника, не имели украшений и отличались грубостью отделки. Число кремационных погребений достигает 200. Эти захоронения совершались в своеобразных урнах и сопровождалась мелкими керамическими изделиями, в которых, по правдоподобию предположению Уайтейкера, должна была находиться пища покойного. Последнее обстоятельство совершенно исключает мысль о сакральном характере погребений, что подтверждается также и отсутствием соответствующих votивных надписей. Уайтейкер полагает, что в Мотии обычай трупосожжения возник в связи с необходимостью экономить земельные ресурсы города. Думается, однако, что отступления от сакральных норм только вследствие нехватки земли для некрополя вряд ли были возможны. Какие-либо даншы, которые позволили бы приписать эти погребения коренному населению Мотии, также отсутствуют. Можно предполагать, что кремационные погребения Мотии в отличие от карфагенских, представлявших собой человеческие жертвоприношения, свидетельствуют об участии в основании города нефиникиян, впоследствии быстро финикинизировавшихся. ¹⁰⁹ Следует в этой связи отметить, что и на самом острове, вблизи северной улицы, были найдены ингумационные погребения, что лишний раз подчеркивает немотивированность предположения Уайтейкера и показывает, насколько кратковременным и незначительным был эпизод с трупосожжением в жизни Мотии. Если наше предположение справедливо и наличие кремационных погребений действительно свидетельствует об этнической разнородности древнейшего населения Мотии, то придется признать, что финикийское колонизационное движение не ограничивалось только Тиром или финикийскими городами. Очевидно, в это движение были втянуты и другие народности, с которыми финикияне поддерживали какие-то сношения.

Археологическое обследование Мотии позволило обнаружить там две улицы — северную и южную, заканчивавшиеся непосредственно у берега моря. В южной части острова Сан-Пантелео финикиянами была сооружена обычная для финикийских городов искусственная гавань — котан (размером 51×37 м²), ¹¹⁰ что говорит о значительной роли, которую играла морская торговля в жизни города. Рост торговых связей привлекал в Мотию все новых поселенцев, в результате чего произошло, вероятно, перемещение городского некрополя в Бирджи, т. е. непосредственно в Сицилию.

¹⁰⁷ Там же, стр. 208.

¹⁰⁸ Там же, стр. 209—219, 238—256.

¹⁰⁹ Интересно в этой связи отмеченное Ж. Бераром сходство указанных погребений с материалами ранних некрополей Сиракуз и Мегары (J. B é g a r d. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile, стр. 270). Б. Х. Уормингтон показал близость керамики Мотии к соответствующим материалам из аль-Мины (B. H. W a r m i n g t o n. Carthage. London, 1960, стр. 28). Быть может, среди основателей Мотии находились выходцы из Эгейского бассейна?

¹¹⁰ J. I. S. W h i t a k e r. Motya, a Phoenician colony in Sicily, стр. 163—193.

Другая финикийская колония в северо-западной Сицилии, Панорм, возникла, как показывают археологические материалы, на месте, где до этого существовало сиканское поселение.¹¹¹ Возможно, что между колонистами и сиканами произошло столкновение и сиканское поселение было уничтожено. Датировка основания Панорма не поддается точному определению. Древнейшие известные нам финикийские погребения из Панорма датируются VI в., а монеты с финикийской или греческой легендой — только V в. Наиболее вероятно, что Панорм возник вскоре после основания Мотии.

Какие-либо археологические материалы, подтверждающие пребывание финикийцев в районе Солунта, до сих пор не выявлены, если не считать финикийскую статую неизвестного времени, изображающую богиню, восседающую на троне.¹¹²

Можно предполагать, что колонизация финикийцами Сардинии происходила одновременно с колонизацией Сицилии. Географическое положение делает Сардинию исключительно важным опорным пунктом на путях к Центральной Италии. Стремясь обеспечить себе доступ на итальянские рынки, к этруским, финикийцы, несомненно, должны были здесь создать свои колонии.

Этническая принадлежность древнейших обитателей Сардинии до сих пор не определена. Обычно, ссылаясь на параллели в местной ономастике, их считают принадлежащими к иберо-лигурийской группе народностей.¹¹³ Античная традиция полагает вероятным участие в заселении Сардинии также и ливийцев (ср.: Paus., X, 17, 2; Solin., 4, 1; Cic., Pro Scauro, 19, 42 и 45). Но уже то, что предводителем ливийцев античная традиция называет Сарда, по имени которого якобы получил свое название и остров, заставляет отнести к этому преданию как к исторически недостоверной этимологической легенде, одной из тех, которые были широко распространены в греко-римской литературе. Не исключено, что в этом предании нашло свое отражение завоевание острова карфагенянами в более поздний период.

В конце II тысячелетия до н. э. Сардиния находилась в достаточно тесном контакте как с Эгейским бассейном, так и со странами Ближнего Востока. По указанию Г. Чайлда, в Сардинии найден «кипро-микенский» медный слиток с надписью.¹¹⁴ Участие племен шардана — сардинцев — в нападениях «морских народов» на Египет общеизвестно. Таким образом, финикийцы еще до своего появления на острове могли вступить с его аборигенами в непосредственный контакт и от них получить сведения о значительных природных богатствах Сардинии — обсидиане, меди, серебре. Строительство киклопических башен — нурагов — высотой в 10—20 м, окруженных группами круглых хижин, свидетельствует о том, что в Сардинии происходил процесс выделения родоплеменной аристократии. Сами нураги, видимо, использовались для закрепления господства знати над поработанным населением.

¹¹¹ M. D. A s a n f o r a. Panormo punica. AANL, vol. I, fasc. 5, 1947, стр. 199 сл.

¹¹² J. B é r a r d. La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile, стр. 268. Предположение Р. Хакфорта, что Мотия, Панорм и Солунт были основаны во время греческого вторжения в Сицилию (Cambridge Ancient History, vol. IV. Oxford, 1926, стр. 349), покоится на неточном истолковании текста Фукидида (VI, 2, 6).

¹¹³ P h i l i p p. Sardinia. P.-W. RE, 2. Reihe, Halbbd. II, 1920, стб. 2480—2495.

¹¹⁴ Г. Ч а й л д. У истоков европейской цивилизации, стр. 347.

Одной из древнейших колоний финикийян в Сардинии была Нора. Обнаруженные в этом городе археологические материалы исследователи склонны датировать сравнительно поздним временем — VII в. и позже,¹¹⁵ однако найденная там же финикийская надпись CJS, I, 144 палеографически бесспорно датируется концом X или началом IX в.¹¹⁶ Таким образом, имеются все основания датировать колонизацию финикийцами юга Сардинии и появление Норы в этом районе временем не позже X в. до н. э.

Существенно важными районами финикийской колонизации в Западном Средиземноморье были острова Мальта и Гоццо (ср.: Diod., V, 12), которые обеспечивали связь финикийян с Западом. Археологически присутствие финикийян и греков здесь засвидетельствовало только для VIII—VII вв.,¹¹⁷ т. е. для того времени, когда между финикийскими колониями и греками уже велась ожесточенная борьба за первенство. Мальтийская колония финикийян играла, видимо, немаловажную роль в жизни Западного Средиземноморья и могла сама выводить колонии. Ахолла — одно из финикийских поселений в Тунисе, находившееся, по предположению А. Майра, неподалеку от Рас Кадидже,¹¹⁸ — считалось в древности колонией мальтийцев (St. Byz., s. v. Ἀχόλλα).

Большую роль в истории финикийян на Западе сыграла колонизация ими Магриба, расположенного на пути к Пиренейскому полуострову. Магриб представляет собой горную страну, пересекаемую отдельными плодородными низменностями. Горы тянутся здесь от побережья Атлантического океана до мыса Бон, на расстояние примерно 2400 км; они затрудняют связь между отдельными районами Магриба и делают некоторые из них совершенно неприступными. В последнем обстоятельстве заключалась одна из причин, почему финикийские, а позже карфагенские колонисты старались обосновываться вдоль берегов моря, либо — в самом крайнем случае — в долинах рек и в достаточно обжитых низменных районах. Наиболее привлекательными для новых поселенцев были долина реки Баграда (совр. Меджерда) и приморская низменность Сахэль, тянувшаяся от залива Хаммамат до Триполитании (северный Тунис). Этот район был очень важен в стратегическом отношении: он открывал непосредственный доступ в Западное Средиземноморье. К тому же эта местность еще в древности славилась исключительным плодородием. Геродот (IV, 198) рассказывает, что почвы Кипопа давали урожай в сам-триста. Эти сведения, восходящие к Гекатею, в общем хорошо согласуются с показаниями других авторов (Liv., XXX, 16; Plin., Nat. hist., V, 24; XVII, 41; XVIII, 94; Strabo, II, 5, 30; XVII, 3, 4). Правда, Страбон называет район более обширный, чем геродотовский Кипоп, но это расширение пахотной земли следует отнести за счет проведения в древности значительных ирригационных работ, следы которых сохранились.¹¹⁹ Строительство крупных оросительных каналов в Северной Африке началось еще в период карфагенского господства (Diod., XX, 8, 3, 4). Наличие столь благоприятных условий для зе-

¹¹⁵ G. Patroni. Nora, colonia fenicia in Sardegna. MA, vol. XIV, 1905, стр. 110—258. Согласно публикации Патрони, в Норе обнаружены святилище, посвященное, по его мнению, культу Тиннит, погребения, а также богатый инвентарь.

¹¹⁶ W. F. Albright. New light on the early history of the Phoenician colonizations, стр. 19. В особенности характерна архаичная форма буквы к.

¹¹⁷ A. Mayr. Die Insel Malta im Altertum. München, 1909, стр. 76; A. García y Bellido. Phönizische und griechische Kolonisation. Historia Mundi, Bd. III, 1951, стр. 332.

¹¹⁸ A. Mayr. Die Insel Malta im Altertum, стр. 71 сл.

¹¹⁹ BA, 1905, стр. 57, 63.

мледелия, несомненно, содействовало быстрому прогрессу коренного ливийского населения.

Античная письменная традиция не сохранила сколько-нибудь достоверных данных о жизни и общественном строе ливийцев к концу II тысячелетия. Сведения, имеющиеся у Саллюстия (Bell. Iugurth., XVIII), по его словам восходят к трудам пунийских историков (ibid., XVII, 7). Однако этот источник показывает только, насколько мало были осведомлены сами карфагеняне об историческом прошлом Магриба. У Саллюстия сохранились лишь чисто фантастические сведения о происхождении нумидийцев и ливийцев от персов, мидян и армян.

Данные археологии дают основание полагать, что в период неолита в Магрибе имели место отделение земледелия от скотоводства и возникновение оседлых укрепленных поселений. На мысе Бон, в частности, при раскопках неолитического поселения найдены ручные мельницы.¹²⁰ Неподалеку от него, в районе Джебель эль-Калаа, обнаружены примитивные по своей конструкции стены, длиной 400 м, сложенные из массивных плит,¹²¹ видимо являющиеся остатком поселения земледельцев.¹²²

Наиболее подробные сведения, характеризующие ливийское общество на грани II и I тысячелетий, содержат надписи египетского фараона Рамзеса III из Мединет-Абу, посвященные его войнам с ливийцами, а также сообщения папируса Гаррис.¹²³ Правда, речь в данном случае идет о ливийских обществах, живших вблизи египетской границы, т. е. в восточной Ливии, однако ясно, что по уровню своего развития восточные и западные ливийцы не могли резко отличаться друг от друга.

Согласно этим материалам, на границе с Египтом находились ливийские племенные образования — машаваша¹²⁴ и техену. Наряду с ними упоминаются и собственно ливийцы. Во главе этих племенных образований стояли вожди (wr). Во время войны с ливийцами египтяне захватили одного из вождей машаваша — Капура. В тексте, где перечисляется военная добыча, термин «вождь» употреблен во множественном числе. Автор, очевидно, имел основания полагать, что будет захвачен не один, а несколько вождей машаваша. В другой надписи упоминаются вожди страны машаваша. Можно предполагать, что этническая группа машаваша представляла собой союз племен, каждое из которых имело своего племенного вождя. Наряду с вождями (wr) из общей массы в 1205 пленных выделены 5 человек, обозначенные термином ζ , — по-видимому, представители племенной знати. Остальные пленные машаваша составляли, вероятно, рядовую массу.

Таким образом, египетские источники отразили процесс выделения у восточных ливийцев из массы членов племени аристократической верхушки — вождей и знати. Вероятно, и западные ливийцы находились на таком же уровне общественного развития, когда они в конце II тысячелетия столкнулись с финикийскими колонистами.¹²⁵ Заинтересованность ари-

¹²⁰ E. Baumgärtel. Tunis. RLV, Bd. XIII, 1929, стр. 456—482.

¹²¹ St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I. Paris, 1913, стр. 198.

¹²² W. v. Bissing. Karthago und seine griechische und italische Beziehungen. SE, vol. VII, 1933, стр. 86—87.

¹²³ J. H. Breasted. Ancient records of Egypt. Chicago, 1927, §§ 36—58, 83—114, 405.

¹²⁴ Предполагают, что это название соответствует греческому Μάζωης и современному берберскому Amāziy (A. Berthelot. L'Afrique Saharienne et Soudanaise. Paris, 1927, стр. 130; K. G. Frase. L'origine du mot Amāziy. Acta Orientalia, vol. XXIII, № 3—4, стр. 107).

¹²⁵ Cp.: Reyniers. Notes sur le sanctuaire punique d'El-Hofra (Constantine). Recueil des notices et mémoires de la Société Archéologique, Historique et Géographique de Constantine, vol. LXX, 1957—1959, стр. 110—123.

стократической верхушки в развитии финикийской торговли, несомненно, служила важной предпосылкой успеха при основании финикийских колоний.

Античная традиция сохранила некоторые сведения о финикийской торговле на территории Ливии. В «Одиссее» рассказывается о том, как, вернувшись после длительных скитаний на родину, Одиссей в беседе с пастухом Евмеем выдает себя за претерпевшего много бедствий критянина, которого превратности судьбы забросили в Египет. Вот что он говорит: «Тогда пришел финикиец, муж, сведущий в хитростях, мошенник, который много зла причинял людям. Он меня, уговорив такими речами, побудил, чтобы мы прибыли в Финикию, где находились его дома и имущество. Там у него я оставался в течение целого года. Но когда завершились месяцы и дни вновь окончившегося года и пришла весна, он меня повез в Ливию на корабле, плавающем по морям, замыслив обман, чтобы я с ним вез товар (φόρτον), а там чтобы и меня продать в рабство (πράττειε) и получить огромную плату (ἄσπετον ὄνον)» (Odys., XIV, 288—297). При разборе этого отрывка возникает ряд трудностей, причем первая и наиболее существенная проблема заключается в хотя бы приблизительной датировке тех исторических обстоятельств, о которых идет речь. Как известно, окончательно текст гомеровского эпоса сложился в IX—VIII вв. Но в эпосе нашли свое отражение и те особенности греческой жизни, которые были характерны для более раннего периода — для периода крито-микенской культуры. Некоторые детали рассказа Одиссея позволяют предполагать, что в нем отражено время, соответствующее периоду набегов «морских народов» на Египет. Дело в том, что несколькими строками выше (XIV, 245 сл.) речь идет о неудачном морском набеге на Египет, в котором якобы принимал участие рассказчик. Если это так, то можно было бы сделать вывод о наличии весьма ранних торговых связей финикиян с Ливией. В пользу такого толкования памятника говорит и несомненное, как мы видели выше, наличие торговых связей финикиян с южной Испанией в XIII—XII вв. Но, как бы то ни было, свидетельство эпоса представляет совершенно исключительный интерес. И рассказчик, и его слушатель не сомневаются в том, что финикиянин направится для продажи своих товаров именно в Ливию. Эти товары, видимо, не отличались от тех, которыми финикияне торговали с другими своими контрагентами. Отсюда можно сделать вывод, что к моменту возникновения рассказа финикийская торговля в Ливии велась систематически, а начало ее следует отнести ко времени задолго до возникновения интересующего нас здесь повествования. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что Ливия представляется важным рынком сбыта рабов, таким рынком, где торговля рабами стала делом в высшей степени прибыльным. Последнее возможно было только в условиях возникновения в Ливии рабовладельческого хозяйства.¹²⁶

¹²⁶ Представляется недостаточно обоснованной точка зрения В. фон Биссинга (W. v. Bissing. Karthago und seine griechische und italische Beziehungen, стр. 84), полагающего, что торговые связи финикиян с Северной Африкой относятся только ко времени возникновения Утики, которая, по его мнению, была основана финикийскими купцами, возвращавшимися из Гадеса на родину и воспользовавшимися для этой цели благоприятными течениями, ведущими от Гадеса непосредственно к району Утики. С. Я. Лурье (История Греции, т. I. Л., 1940, стр. 79), рассматривая отрывок из «Одиссеи», о котором шла речь, полагал, что в данном случае рассказывается, как «грек впервые научается торговать у финикиянина». Неточность подобного толкования очевидна. В отрывке речь идет о том, что финикиянин пытается продать грека в рабство. Возникновение же в Эгейском бассейне торговли причинно не связано с деятельностью финикиян в этом районе.

Если не считать Ликса, который не сыграл сколько-нибудь заметной роли в истории Африки и основание которого было связано скорее с попытками финикийцев захватить в свои руки Гибралтарский пролив, нежели с их намерениями закрепиться на территории Магриба, первой колонией на Средиземноморском побережье Африки была Утика. О дате основания этого города античная традиция сохранила некоторые точные указания. Так, у Плиния (*Nat. hist.*, XVI, 216) мы находим сообщение об основании города «1178 лет назад». Другой источник (*Ps.-Arist., De mir. ausc.*, 134) отмечает, что Утика, «как говорят, была основана на 287 лет раньше самого Карфагена, как написано в финикийских историях». Последнее указание особенно важно: неизвестный автор воспользовался данными, восходящими к трудам финикийских историков, что повышает ценность его хронологических выкладок. Наконец, Веллей Патеркул (I, 2, 4) писал, что Утика была основана вскоре после основания Гадеса (*post paucos annos*). Если учесть, что Карфаген был основан в 825 г., то в таком случае следует признать датой основания Утики 1112 г.¹²⁷ Археологически Утика изучена слабо. Древнейшие открытые здесь погребения датируются VIII в. до н. э.,¹²⁸ что не исключает, однако, возможности нахождения в будущем и более ранних некрополей.

Об обстоятельствах, при которых была основана Утика, Юстин (XVIII, 4, 2) сообщает следующее: «До избиения господ они (тирийцы, — *И. III.*), будучи в расцвете сил и имея многочисленное население, отправив в Африку молодежь, основали Утику». Прочие источники (*Plin., Nat. hist.*, V, 76.; *St. Byz.*, s. v. *Τίβοχη*; *Vell. Pat.*, I, 2, 4) подтверждают версию Юстина об основании Утики тирийцами.¹²⁹ Отправляя в Северную Африку экспедицию «молодежи», правительство Тира достигало сразу же нескольких целей. Оно создавало укрепленную базу на подступах к Пирспейскому полуострову и тем самым закреплялось окончательно на важнейших торговых путях; одновременно оно получало возможность использовать эту базу для развертывания торговли непосредственно в Магрибе и для дальнейшей колонизации этой территории. Постепенно Утика превратилась в значительный торговый центр, который даже попытался в X в. обрести политическую самостоятельность (*Fl. Ios., Ant. Iud.*, VIII, 146; *Contra Ap.*, I, 18).¹³⁰ По сообщению Саллюстия (*Bell. Iugurth.*, XIX, 1), такие крупные финикийские колонии, как Гиппон, Хадрумет и Лептис, были основаны финикийцами до основания Карфагена, хотя, вероятно, и позже Утики. Более точно датировать их возникновение в настоящее время не представляется возможным. Несомненно, однако, что колонизация Северной Африки представляла собой длительный процесс.

¹²⁷ Если это так, то датой издания «Естественной истории» Плиния Старшего, или по крайней мере ее XVI книги, следует признать 66 г. н. э., что не противоречит датам жизни этого ученого (23/4—79 гг.). Ст. Гзелль, считающий датой основания Утики 1101 г., исходит из «тимеевской» датировки основания Карфагена 814 г. (*St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 361).

¹²⁸ P. Cintas. Deux campagnes des fouilles à Utique. *Karthago*, vol. II, 1951.

¹²⁹ Ср., однако, у Сиция Италика (*Sil. It., Pun.*, III, 3, 241—242) — *proxima Sidoniis Utica*, что является, несомненно, данью поэтической традиции.

¹³⁰ Рукописи не дают точного чтения названия города в указанных отрывках из произведений Иосифа Флавия: обычные формы *Ποζαίος* или *Τίβοις*. К. Белок (*K. Beloch. Griechische Geschichte*, Bd. I, стр. 251) полагал, что речь идет о неизвестном городе в Сирии; Моверс (*Movers. Die Phönizier*, стр. 220) считал, что имеется в виду Китион — колония Тира на острове Кипр (ср. также: *St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 361). Однако общепринятой является конъектура Гутшмида *Τουζαίος* (*Gutschmied. Kleine Schriften*, Bd. II. Berlin, 1890, стр. 62 и 68—89), которую принял и В. А. Тураев (*Остатки финикийской литературы*. СПб., 1903, стр. 96, 102).

Об основании Лептиса Саллюстий (Bell. Iugurth., LXXVIII, 4) сохранил следующее известие: «Этот город был основан сидонянами, о которых мы знаем, что они, будучи изгнанными вследствие гражданских смут (*profugos ob discordias civiles*), на кораблях прибыли в эти места». Плиний (Nat. hist., V, 76), однако, называет основателем Лептиса Тир.¹³¹ Судя по тому, что Саллюстий (Bell. Iugurth., LXXVIII, 4) отмечает сохранение в Лептисе сидонского права и культов (*legum cultusque pleraque Sidonia*; ср.: *Iud.*, XVIII, 7, 28: *mišpaṭ šidōnīm* — «сидонское право»), указание Плиния представляется недостоверным.

У ряда авторов Лептис имеет также греческое название — *Νεάπολις* (Per. Ps.-Scyl., 109—110; Strabo, XVII, 634: *Νεάπολις, ἥ καὶ Λέπτιν καλοῦμεν*), бывшее, вероятно, переводом финикийского *qrt hdšt* — «новый город». Э. Мейер в связи с этим утверждал, что Лептис был основан карфагенянами в VI в.¹³² О. Мельтцер предполагал, что это название появилось после того, как Лептис вошел в VI в. в состав Карфагенской державы.¹³³ Вопрос о том, какое из названий города является древнейшим, весьма неясен, однако нет никаких оснований утверждать, что более древним было имя Лептис. Нам представляется, что название *Νεάπολις* — греческий перевод древнейшего названия города. Не случайно в Перипле Псевдо-Скилака название Лептис вообще не употребляется, тогда как у Страбона имя *Νεάπολις* явно является первичным, а *Λέπτις* — вторичным, производным. Вполне естественно, что, подобно тому как Карфаген был назван «новым городом» в противоположность «старому городу» — Тиру, Лептис, основанный при аналогичных обстоятельствах, получил свое название в противоположность «старому городу» — Сидону.

Сравнительно недавно в Лептисе обнаружены археологические памятники, датируемые VIII в. до н. э.,¹³⁴ что позволяет уточнить *terminus ante quem* даты основания города.

Саллюстий упоминает о тесном контакте граждан Лептиса с нумидийцами, иначе говоря — с окружающим Лептис коренным ливийским населением. По сообщению этого автора, язык жителей Лептиса испытал заметное воздействие нумидийского языка (*eius civitatis lingua modo convorsa conubio Numidarum*). Судя по термину, употребленному источником, между Лептисом и соседними с ним племенами существовало установление, аналогичное римскому *ius conubii*. Наличие *ius conubii* свидетельствует о прочных, устойчивых и давних дружеских связях Лептиса с ливийцами.

С первых лет своего существования Лептис, несомненно, вел на побережье Большого Сирта разностороннюю и обширную торговлю. Финикийцы не ограничивались только освоением побережья, они старались активно проникнуть в глубь материка, добиваясь при этом значительных успехов. Сравнительно недавно были обнаружены три караванные дороги, одна из которых вела от Лептиса на Мурзук, другая — на Гадамес и третья — на Мизда.¹³⁵ Когда бы ни были построены эти дороги, их на-

¹³¹ Ср.: Sil. It., Pun., III, 255: *Sarranaque Leptis*. О. Мельтцер полагает, что в этом случае перед нами поэтический оборот (O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I. Berlin, 1876, стр. 457).

¹³² E. M e y e r. Geschichte des Altertums, Bd. II. Berlin, 1889, стр. 807.

¹³³ O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 98; D e s s a u. Leptis Magna. P.-W. RE, Halbbd. XXIV, 1925, стб. 2074—2076; St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 362—363.

¹³⁴ B. B a r r i n g e r, Th. H. G a r t e r. Finding a Phoenician colony. Expedition, vol. III, 1960, № 1, стр. 2—10.

¹³⁵ B. P a c e, S. S e r g i, G. C a p u t o. Scavi Sahariani. MA, 1951, стр. 170 сл.

правление было обусловлено направлением торговых путей, проложенных, очевидно, еще в период самостоятельного существования города.

Другим крупным центром, упомянутым в отрывке Саллюстия, был Хадрумет, основанный, согласно Солину (XXVII, 9), Тиром. Сохранившееся у Стефана Византийского (s. v. Ἀδρύμης) предание о том, что основателем города был некто Ἀδρύμης, представляет собой обычную для греческой литературы этиологическую версию. Значительный интерес представляет открытое в Хадрумете древнее святилище, аналогичное карфагенскому святилищу Тиннит. Здесь наиболее древние слои находятся ниже современного уровня моря; к сожалению, краткое сообщение, имеющееся в нашем распоряжении, не дает материала для датировки. Как и в карфагенском святилище Тиннит, здесь найдены урны, закрепленные камнями на почве и содержащие остатки животных, а в древнейших слоях и остатки человеческих жертвоприношений.¹³⁶ Возможно, что святилище было основано в Хадрумете уже в X в. до н. э.

Наконец, третий центр, о котором сообщает Саллюстий, — Гиппон. На Средиземноморском побережье Африки известны два города, носившие это имя, — Гиппон Царский (Sol., XXVII, 5: *Hipponeum Regium postea dictum*), находившийся в устье Вади Сейбуса, и Гиппон Диаррит (ibid.: *Hipponem alterum de interfluenti freto Diarrhyton nuncupatur*), находившийся в районе современной Бизерты. Указание Солина о том, что оба города основаны греческими владетелями, как справедливо замечает Дессау, является «этимологической фантазией».¹³⁷ В ранний период Гиппон Диаррит носил название Ἰππων ἄκρα (Per. Ps.-Scyl., 111; там же и другой вариант: Ἰππὼν πόλις; ср.: Diod., XX, 55, 3); греческая традиция сохранила и сокращенные формы — τὰ Ἰππάρχετα (App., Lib., 11), ἡ τῶν Ἰππακρίτων πόλις (Polyb., I, 82, 8). Моверс предлагал видеть в формах Ἰππων ἄκρα и Ἰππάρχετα грецизированное финикийское 'p' hrt («другой Гиппон»), ссылаясь на приведенные выше слова Солина.¹³⁸ Однако выражение *Hipponem alterum* у Солина не указывает на название города; Солин использовал это числительное при перечислении одноименных городов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Перипле Псевдо-Скилака отмечен только Ἰππων ἄκρα — Гиппон Диаррит, что заставляет усомниться в самом факте существования Гиппона Царского ко времени составления Перипла. Возможно, что Саллюстий в своем перечислении имел в виду именно Диаррит. Однако при нынешнем состоянии источников окончательное решение этого вопроса не представляется возможным.¹³⁹

В первой половине IX в. тирский царь Итоваал, согласно сообщению Меландра Эфесского (Fl. Jos., Ant. Jud., VIII, 324), основал в Ливии колонию Ауза, которую Ст. Гзелль считал возможным локализовать в пункте Аумале (Алжир).¹⁴⁰ Однако, судя по тому, что в других источниках этот город не упоминается, он вряд ли играл в жизни Африки сколько-нибудь заметную роль.

Самой крупной колонией Тира в Северной Африке стал Карфаген. Об основании этого города письменная традиция сохранила два различных варианта предания. Так, Аппиан (App., Lib., 1) сообщал: «Кар-

¹³⁶ BA, 1946—1947—1948—1949, стр. 215—216. Подробный отчет П. Сэнта (Revue Africaine, 1947, стр. 1—80) нам не доступен.

¹³⁷ Dessau. Hippo. P.-W. RE, Halbbd. XVI, 1913, стб. 1721—1722.

¹³⁸ Movers. Die Phönizier, стр. 144, 511.

¹³⁹ Ср.: O. Meltzer. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 95—97, 456; St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 363.

¹⁴⁰ St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 362.

фаген в Ливии основали финикияне за пятьдесят лет до падения Трои; основателями его были Зор (Ζῶρος) и Кархедон (Καρχηδών). Кроме Аппиана, это сообщение имелось у Евдокса Книдского (Scholia ad Eurip., Troad., 220) и у Евсевия (FHG, I, 190). Ст. Гзелль вполне обоснованно отмечал искусственный характер этой версии, восходящей, по словам Евсевия, к Филисту.¹⁴¹ Действительно, в данном случае перед нами типичная этимологическая конструкция: Ζῶρος сопоставляется с названием Тира (sōr, ср.: I Reg., IX, 11; Jes., XXIII, 1, и т. д.); слово же Καρχηδών представляет собой греческое название Карфагена.¹⁴² Датировать основание Карфагена по этим данным также не представляется возможным, хотя бы уже по той причине, что дата падения Трои по Филисту неизвестна. Очевидная недостоверность построения Филиста заставляет признать недостоверными и его хронологические указания.

Другое предание, восходящее, по словам Аппиана, к карфагенским и римским источникам, сообщает об основании Карфагена тирской царевной Дидоной—Элиссой, потерпевшей поражение в борьбе за власть со своим братом Пигмалионом. Помимо уже указанного выше отрывка из Аппиана, где это предание изложено крайне суммарно, оно приведено также у Вергилия (Aen., I, 335—370) и в наиболее полном виде у Юстина (XVIII, 4—6). Элисса как основательница города упомянута также у Солина Полигистора (XXVII, 9) и у Веллея Патеркула (I, 6, 4).

Значительный интерес представляет анонимный отрывок (FHG, I, 197), содержащий предание об Элиссе со ссылкой на Тимей. Приведем его полностью. «Тиосо (Θεῖοςσα). Тимей говорит, что она по финикийски звалась Элиссой и была сестрой Пигмалиона, царя тирийцев; ею, по его словам, был основан Карфаген, находящийся в Ливии. Когда ее муж был убит Пигмалионом, она, собрав имущество на корабль, божалась с некоторыми из граждан и, претерпев много бедствий, была занесена к берегам Ливии, и местными жителями была прозвана Дидоной (Διδώ) за ее длительные скитания.¹⁴³ Основав же указанный город, она отказалась выйти замуж, когда ливийский царь пожелал на ней жениться; побуждаемая согражданами, она, ссылаясь на то, что необходимо произвести священный обряд для освобождения от клятвы, соорудила вблизи от дома большой костер и, возжегши его, бросилась в него из своего дома».¹⁴⁴

¹⁴¹ Ср.: там же, стр. 375.

¹⁴² П. Санта полагает, что в данной легенде нашел свое отражение постулируемый им факт основания Карфагена двумя этническими группами — финикиянами и киприотами-греками. По его мнению, наличие двух этнических групп в составе основателей города доказывается тем обстоятельством, что древнейшие погребения на холме Дермет выполнены по методу труположения и снабжены финикийским инвентарем, тогда как погребения на холме Юноны представляют собой трупосожжения с инвентарем преимущественно критской или северосредиземноморской традиции (P. Cintas. Sépulture punique Paris, 1950, стр. 564—577). Однако следует учесть, что погребения на холме Юноны датируются VII в. (ср.: AA, 1931, стр. 471—472) и связаны, очевидно, с появлением в городе нефиникийского населения через какое-то время после его основания. Письменная традиция также не содержит данных об участии киприотов-греков в основании Карфагена.

¹⁴³ Ср.: App., Lib., I: Διδώ. В одном из поздних греческих словарей это имя переведено как πλανήτις — «блуждающая», перевод с финикийского.

¹⁴⁴ Слово Θεῖοςσα О. Мельцер предлагал заменить на Οἰουσσα (O. Melzer. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 463), тогда как Ст. Гзелль — на Διδώ (St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 380). Обе конъектуры представляются слабо обоснованными. Это слово имеет характерную форму греческого женского имени. К тому же сам текст противопоставляет его финикийскому «Элисса» и ливийскому «Дидона».

Обычно в научной литературе отмечается близость этого варианта предания об основании Карфагена с рассказом Помпея Трога—Юстина; причем, согласно весьма распространенной точке зрения, текст Юстина является воспроизведением труда Тимея, с которым Помпей Трог мог ознакомиться либо непосредственно, либо через посредство неизвестных нам авторов.¹⁴⁵ Однако паряду с несомненным сходством в построении сюжета оба рассказа обнаруживают весьма существенные расхождения. Прежде всего у Юстина ни разу не упоминается имя Дидона, данное, согласно приведенному отрывку, Элиссе ливийцами. У Солина имя Дидона также не упомянуто. Предположить, что Помпей Трог, труд которого конспектировал Юстин, не знал о существовании этого имени, не представляется возможным. Юстин, проявлявший большой интерес ко всем деталям, связанным с происхождением того или иного государства или народа, также должен был обратить внимание на столь важный факт, как переименование основательницы города. Следовательно, остается допустить, что Помпей Трог считал имя Дидона, а значит, и ту версию предания, в которой оно имелось, недостоверной. На недостоверность этого предания намекает, по-видимому, и Веллей Патеркул, когда он говорит, что «некий» автор называет Дидону Элиссой.

Помимо фрагмента Тимея, имя Дидона упоминается у Аппиана, Вергилия,¹⁴⁶ а также у комментаторов последнего. В рассказе Аппиана (Lib., 1) говорится, что ливийцы оказали сопротивление высадке колонистов (ἐξουδύρευον δ' ὑπὸ τῶν Λιβύων), — деталь явно позднего происхождения, поскольку во фрагменте Тимея, цитированном выше, о сопротивлении ливийцев не сказано. Возможно, однако, что эта подробность восходит к римским источникам, использованным Аппианом. Сервий Грамматик (In Aen., IV, 36), давая объяснение имени Дидона (Dido id est virago — «Дидона, т. е. доблестная»), указывает, что оно было дано Дидоне в знак уважения к ее мужеству. Между тем ханаанейские языки не дают оснований для такого толкования.

Вариант Сервия значительно отличается от версии Тимея; по-видимому, источник, которым воспользовался комментатор Вергилия, как-то пытался соединить имя Дидона с тем вариантом предания, в котором оно не упоминалось. Судя по другим ссылкам у Сервия (In Aen., IV, 682), этим источником были труды Катона. Вероятно, и Аппиан, ссылающийся на римскую традицию, имел в виду историческое сочинение Катона. Таким образом, и в той версии, где встречается имя Дидона, могут быть выделены по крайней мере два варианта. В отрывке из Тимея утверждается, что Элисса возвела костер, в который она бросилась, кончая жизнь самоубийством, вблизи от дома, тогда как Юстин (XVIII, 6, 6—7) рассказывает, что костер был разложен на окраине города и что она не бросилась в огонь, а закололась мечом.

Традиция о дате основания города также не отличается единодушием. Хотя Вергилий и не приводит дату основания города, но по его рассказу ясно, что он придерживается хронологии Филиста. Согласно Тимею, на которого ссылается Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom., I, 74), Кар-

---

¹⁴⁵ Такова точка зрения О. Мельцера (O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 114) и Ст. Гзеля (St. G e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 385 сл.). Она же принята и М. Л. Гельцером (О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э. В кн.: Древний мир. М., 1962, стр. 222—223).

¹⁴⁶ Версию Вергилия подробно исследовал О. Россбах (O. R o s s b a c h. Dido. P.-W. RE, Halbbd. IX, 1903, стр. 426—433).

фаген был основан за 38 лет до первой олимпиады, т. е. в 814 г.¹⁴⁷ По сообщению Веллея Патеркула (I, 12, 5), Карфаген просуществовал 677 лет и, следовательно, был основан в 823 г. Такую же дату указывает и Солин. Сервий Грамматик (In Aen., I, 12) сообщает, что город был основан за семьдесят лет до основания Рима, т. е. в 824/3 г. Наконец, Юстин (XVIII, 6, 9) указывает, что Карфаген был основан за 72 года до основания Рима, иными словами в 826/5 г. Таким образом, имеются три даты основания города: 814 г., 824/3 г. и 826/5 г., причем датировка 826/5—824/3 гг., с разницей всего в два года, была в древности общепринятой.

Итак, в предании об основании Карфагена Элиссой можно выделить три варианта: вариант Трога—Юстина (имя Дидона не упоминается, дата основания города — 826/5 г.), вариант Тимея (Элисса получила имя Дидона от ливийцев, дата основания — 814 г.) и вариант Сервия, восходящий, вероятно, к Катону (Элисса получила имя Дидона от сограждан после своей гибели, дата основания — 824/3 г.). Указанные различия позволяют предполагать, что вариант Трога—Юстина и вариант Тимея появились в греко-римской традиции независимо один от другого. Вариант Тимея, несомненно, восходит к рассказам карфагенян. Пользовался ли Тимей трудами карфагенских историков, установить невозможно, но его общее знакомство с пунийской традицией не подлежит, конечно, сомнению.

Сохранившийся у Сервия (In Aen., IV, 682) отрывок из труда Катона обнаруживает явное влияние терминологии Аристотеля: «*И народ, и отцов, и город твой*. Отцов — то есть сенат, город твой — тот, который ты построил. И некоторые в этом месте хотят видеть три соединенные части политики: власть народа, аристократов и царя. Ведь Катон говорит, что тремя этими частями управлялся Карфаген» (*Populumque patresque urbemque tuam*. Patres id est senatum; urbem tuam quam tu extruxisti. Et quidam hoc loco volunt tres partes politicae comprehensas, populi, optimatum, regiae potestatis: Cato enim ait de tribus istis partibus ordinatam fuisse Carthaginem).¹⁴⁸ Как известно, наряду с «Афинской политией» Аристотель и его ученики составили очерки истории и государственного строя всех греческих и важнейших негреческих государств. Среди них была и «Карфагенская политика», составленная, по указанию Афиня (Deipn., XIV, 27), Гиппагором — писателем, сведения о котором античная традиция не сохранила. Судя по термину *politia*, можно полагать, что сведения Катона восходят к труду Гиппагора.

Можно предполагать, что, как и все политики, составленные Аристотелем и его учениками, «Карфагенская политика» состояла из двух частей. По аналогии с «Афинской политией» первая часть должна была представлять собой очерк истории политической борьбы и развития государственного строя карфагенян, а вторая часть — очерк современного автору (середина IV в. до н. э.) государственного строя карфагенян. По-

¹⁴⁷ Эту дату принимает большинство современных исследователей (St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 374; P. Cintas. Céramique punique, стр. 436; B. H. Warmington. Carthage. London, 1960, стр. 20). Ж. Пикар необоснованно утверждает, что датировка 814 г. единогласно принята всеми античными авторами (G. Picard. Le monde de Carthage. Paris, 1956, стр. 19). Н. А. Макин указывает на неточность датировки Тимея, однако никакого решения вопроса не дает, ограничиваясь констатацией того, что Карфаген был основан в конце IX в. (Н. А. Макин и н. Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4, стр. 37).

¹⁴⁸ О значении понятия *politia* в терминологии Аристотеля см.: А. И. Добатур. Социальная и политическая терминология в «Афинской политике» Аристотеля. ВДИ, 1958, № 3, стр. 55—64.

следняя часть дала, вероятно, материал для соответствующего раздела «Политики» Аристотеля (II, 8). К ней, по-видимому, восходит и процитированный выше отрывок из Катона. Поскольку Помпей Трог не имел доступа к трудам карфагенских историков, а сведения Тимея он не использовал, остается допустить, что сравнительно подробный рассказ Юстина по «внутренней» истории Карфагена также прямо или косвенно восходит к первой части сочинения Гиппагора. Но если Катон счел необходимым связать предание, полученное им от Гиппагора, с именем Дидона, то Помпей Трог, видимо, полностью игнорировал Тимея.¹⁴⁹

Обращает на себя внимание также следующее. Для происходящих из Карфагена монет различных эпох очень характерно изображение лошади или лошадиной головы в различных положениях, в том числе с Пикой, а также изображение крылатого коня.¹⁵⁰ Такое пристрастие именно к изображению коня следует поставить, по нашему мнению, в связь с рассказом Юстина (XVIII, 5, 16) о том, что Карфаген был основан на месте, где была найдена голова коня. Эту находку, согласно Юстину, колонисты сочли предзнаменованием будущего могущества и будущей воиственности своего государства.

Заметим, кроме того, что Тимей в приведенном нами выше отрывке изображает гибель Дидоны как простое самоубийство, тогда как, по рассказу Юстина (XVIII, 6, 6—7), Элисса совершила перед самоубийством жертвоприношения. В нашем распоряжении имеется найденное в Карфагене и выполненное в «грецизирующем» стиле надгробие — рельефное изображение женщины, полулежащей на небольшом возвышении и готовящейся к совершению жертвенного возлияния. Согласно наиболее вероятному толкованию этого памятника, предложенному французскими археологами Ж. и С. Шарль-Пикарами, он связан с легендой о жертвоприношении легендарной основательницы Карфагена.¹⁵¹

Все эти материалы позволяют прийти к выводу, что рассказ Помпея Трога—Юстина воспроизводит карфагенскую традицию, значительно отличающуюся от той версии, которая сохранилась у Тимея.

Перед нами, однако, встает вопрос о степени достоверности всех вариантов предания. Другим, не менее важным, является вопрос о том, насколько единогласна карфагенская традиция, нет ли возможности установить какие-то иные пунийские предания, связанные с основанием города.

У Аппиана (Lib., 2) имеется примечательное указание относительно принятой самими карфагенянами системы летосчисления: «на семисотом году от основания города римляне отняли у них (карфагенян, — *И. III.*) Сицилию». Контекст Аппиана не оставляет места для сомнений в том, что и в указанном отрывке имелся в виду Карфаген.¹⁵² Поскольку в данном тексте речь идет о завершении I Пунической войны, 700-й год от основания города соответствует 242 г. до н. э., и, следовательно, ос-

¹⁴⁹ Г. Людеман, однако, без достаточных оснований возводит сообщение Юстина к Тимею (H. L ü d e m a n n. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Böttrop, 1933, стр. 37).

¹⁵⁰ L. M ü l l e r. Numismatique de l'ancienne Afrique, vol. II. Copenhagen, 1861, стр. 74 сл.

¹⁵¹ G. et C. Charles-Picard. La vie quotidienne de Carthage au temps d'Hannibal. Paris, 1959, стр. 36.

¹⁵² Аппиану, несомненно, были хорошо известны принятые римскими историко-графами даты основания Рима в промежутке между 753 и 731 гг. (ср.: А. Зиман. Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896, стр. 357—376), и уже по этой причине он не мог датировать конец I Пунической войны 700-м годом от основания Рима.

нование Карфагена датируется 942 г. С этим указанием Аппиана необходимо сопоставить сообщение П. Сэнта о находке в районе святилища Тиннит древнейшего финикийского храма.¹⁵³ Этот храм, находящийся в материковой скале ниже уровня моря, представляет собой почти квадратное помещение размером 1×1 м. Оно включало небольшой склеп, игравший роль «святого святых», и систему коридоров и переходов, представлявшую собой своеобразный лабиринт. Здесь найдены 7 фрагментов лампы, которая обнаруживает значительное сходство с финикийско-палестинскими лампами XI—X вв. Наряду с этим очень интересны обнаруженные в храме многочисленные фрагменты эгейской вазы протогеометрического стиля, имевшей, судя по реставрации П. Сэнта, высокое и широкое горло. Некоторые детали орнамента, а также характерная витая ручка позволяют, возможно, датировать вазу концом X в.¹⁵⁴ Однако, даже если припять более позднюю датировку вазы, не подлежит сомнению, что храм возник до начала планомерного заселения города. Наиболее вероятно, что его основание следует отнести к X в. Если учесть, что более позднее святилище Тиннит располагалось в районе этого древнейшего храма и, следовательно, имела место определенная преемственность культа, можно полагать, что хронология Аппиана в разобранном нами отрывке восходит к храмовой хронологии святилища Тиннит. Появление такого храма, который был открыт П. Сэнта, еще не означало основания колонии. Подобные храмы финикийцы создавали на освоенных ими морских путях в наиболее важных пунктах, где они могли играть роль своеобразных опорных баз и ориентиров. Неудивительно, что храм был создан в наиболее стратегически важном районе Западного Средиземноморья — в районе Карфагена.

Как показали раскопки святилища Тиннит, планомерная колонизация территории, на которой был расположен Карфаген, началась в конце IX в. Еще в прошлом веке В. А. Крамер высказал предположение, что общепринятая дата основания Карфагена — 814 г. — недостоверна и что наиболее вероятной датой основания города является 825 г. Он исходил из того, что почти все авторы, донесшие до наших дней античную традицию по данному вопросу, принимали датировку 825—823 гг. Кроме того, он указывал, что тирский историк Менандр (в передаче Иосифа Флавия: *Contra Ap.*, I, 18) датировал бегство Элисы седьмым годом правления Пигмалиона, т. е., по мнению Крамера, 826 г. Не ре-

¹⁵³ P. Cintas. *Céramique punique*, стр. 490—502; Leglay. *Nouveautés puniques*. R. Afr., vol. XCVI, стр. 411; A. Julien. *Histoire de l'Afrique du Nord*. Paris, 1951, стр. 64; G. et C. Charles-Picard. *La vie quotidienne de Carthage*. . . , стр. 36 сл. Утверждение Б. Х. Уормингтона об отсутствии финикийских материалов из Карфагена, которые могли бы быть датированы временем до середины VIII в. до н. э. (B. H. Warmingt. *Carthage*, стр. 22), нам представляется слабо обоснованным, поскольку оно покоится на недостоверной, с нашей точки зрения, датировке храма Сэнта (см. прим. 154).

¹⁵⁴ Мы исходим из хронологии Десбороу (V. R. d'A. Desborough. *Proto-Geometric pottery*. Oxford, 1952, стр. 294—295), а также хронологии протокоринфской керамики по Пэйну (H. G. Payne. *Protokorinthische Vasenmalerei*. Berlin, 1933, стр. 10), который датирует ранние протокоринфские геометрические вазы, близкие по орнаменту к рассматриваемому объекту, IX—началом VIII в. Ср. также орнамент ваз, обнаруженных в геометрических погребениях Пирея (Δ. Ρ. Θεοχάρη. *Ἀνασκαφή ἐν Παλαιᾷ Κοκκινῇ Πειραιῶς*. Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας τοῦ ἔτους 1951. Ἀθῆναις, 1952, стр. 116—122). Е. Буме, однако, датирует вазу VIII в. (E. Bouché. *Céramique archaïque d'importation au Musée Lavignerie de Carthage*. CB, 1953, стр. 32). Б. Х. Уормингтон относит материалы храма, открытого П. Сэнта, ко времени не ранее 725 г. до н. э. (B. H. Warmingt. *Carthage*, стр. 23).

шаясь, однако, полностью отбросить датировку 814 г., он считал, что это был «год освящения»,¹⁵⁵ а это вряд ли правильно.

Небольшая работа В. А. Крамера, изданная в Москве, не была замечена в научной литературе того времени. Ссылок на эту работу в больших и чрезвычайно подробных сводах О. Мельтцера и Ст. Гзелля нет. После появления работы Я. Ливера, посвященной хронологии Тира,¹⁵⁶ тезис Крамера можно считать доказанным. Я. Ливер исходил из следующих посылок. Известно, что Карфаген был основан через 15—16 лет после смерти тирского царя Балеазара II (ср.: Fl. Ios., Contra Ap., I, 18), который, согласно данным недавно открытых апналов Салманассара III,¹⁵⁷ вместе с израильским царем Иегу в 841 г. выплачивал дань Ассирии. Если принять дату основания Карфагена, предложенную вариантом Помпея Трога—Юстина, то тогда Балеазар II, правивший, согласно сообщению Иосифа Флавия, 6 лет, находился у власти с 846 по 841 г. Если же принять датировку варианта Тимея, то смерть Балеазара II следовало бы датировать 830—828 гг., что невозможно.

Дата основания Карфагена, таким образом, — 825 г. Эта датировка варианта Помпея Трога—Юстина представляется бесспорной. Однако сравнительно недавно была выдвинута новая точка зрения, согласно которой Карфаген был основан в 673—663 гг., в период борьбы между Ассирией и Египтом, для того чтобы создать новую столицу вместо находившегося под угрозой Тира. Э. О. Форрер, автор этой концепции, считает традиционную дату основания города — 814 г. (о дате 825 г. он даже не упоминает) — датой основания Карфагена на Кипре, ошибочно, по его мнению, перенесенной на североафриканский Карфаген.¹⁵⁸ Это построение находится в вопиющем противоречии с традицией, да и археологический материал не подтверждает, а опровергает фантастические домыслы Форрера.¹⁵⁹

Таким образом, карфагенская традиция в целом не отличается единогласием. В Карфагене существовала, вероятно, храмовая эра святилища Тиннит, согласно которой основание города датировалось серединой X в. Можно утверждать, что различия между вариантами Трога—Юстина и Тимея — это различия между двумя пунийскими версиями, которыми воспользовались в одном случае Гиппагор, а в другом — сицилийский историк. Исследование Я. Ливера показало, что из всех этих вариантов предания наиболее достоверен тот, который положен был в основу рассказа Помпея Трога. Впрочем, сказанное не исключает наличия и в этом варианте предания определенных сказочных элементов.

Как показывает вариант Трога—Юстина (Iust., XVIII, 4, 3—6, 10), основанию Карфагена предшествовала ожесточенная внутрдинастийная борьба в Тире. Для традиции, ведущей свое происхождение от пунийских историков, выражавших к тому же настроения олигархических кругов, чрезвычайно характерно стремление очернить противника ле-

¹⁵⁵ W. A. K r a h m e r. Carthago's wirklicher Gründungsjahr. Moskau, 1871.

¹⁵⁶ J. L i v e r. The chronology of Tyre at the beginning of the First Millennium B. C. IEJ, 1953, № 2, стр. 113—120. Ср.: М. Л. Г е л ь ц е р. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э., стр. 218.

¹⁵⁷ F. S a f a r. A further text of Salmaneser III. Sumer, vol. VI, 1950, № 2, стр. 3—21; E. M i c h e l. Ein neuentdeckter Annalertext Salmanassars III. Die Welt des Orients, 1952, стр. 454—471; 1954, стр. 113—120.

¹⁵⁸ E. O. F o r r e r. Karthago wurde erst 673—633 v. Chr. gegründet. Festschrift Franz Dornseiff zum 65. Geburtstag, 1953, стр. 85—93.

¹⁵⁹ Ср., однако, точку зрения Э. Фрезуля, который присоединяется к гипотезе Э. О. Форрера (E. F r é z o u l s. Une nouvelle hypothèse sur la fondation de Carthage. BCH, 1955, стр. 153—176).

гендарной основательницы Карфагена — тирского царя Пигмалиона, который обвинялся в убийстве мужа Элисы Ахербы с корыстной целью: для захвата принадлежавшего тому имущества. Этот мотив автор предания старательно выдвигал на первый план, в то же время лишь мимоходом сообщая о том, что после смерти царя Муттона власть в Тире была завещана Пигмалиону и Элиссе, но что народ (*populus*) в обход Элисы вручил власть тогда еще малолетнему Пигмалиону. Видимо, развитие событий следует представить себе следующим образом.

В 30-х годах IX в., ко времени смерти царя Муттона, в тирской правящей династии возникли две враждебные группировки, активно стремившиеся к власти. Во главе одной из этих групп находился (по крайней мере номинально) Пигмалион, во главе другой — Элисса и ее муж, жрец Ахерба. Если Пигмалион, как можно было видеть, опирался на демократическое движение, то сторонниками Элисы и Ахербы были представители аристократической верхушки (*senatores* или *principes*), а также жречество. Таким образом, за обоими претендентами стояли определенные социальные круги; внутридинастийная борьба в какой-то степени отражала классовую борьбу в городе.¹⁶⁰ Можно предполагать, что после прихода к власти Пигмалиона Элисса, Ахерба и их сторонники предприняли с целью его свержения какие-то шаги, стоявшие Ахербе жизни. Потерпев поражение, Элисса и ее сторонники предприняли попытку основать новое поселение вдали от Тира; такой колонией и явился Карфаген. Следует отметить, что в основании города приняли участие и кипрские финикийцы. В предании сохранились сведения об обожествлении Элисы после ее смерти (*Iust.*, XVIII, 6, 8). Возможно, что этот культ нашел свое отражение в культе богини Тиннит, имя которой, происходя от корня *tnh* (порода Пи'эль), могло означать «почитаемая», «славная».¹⁶¹

Поселение колонистов было основано на холме Бирса, представляющем собой естественное укрепление, господствующее над местностью. К юго-востоку от Бирсы Лапейр обнаружил стену, выложенную из каменных блоков, расположенных на бетонном фундаменте или на туфе, в котором встречаются необработанные камни. Толщина стены 1 м. Имеющиеся материалы не позволяют датировать постройку стены,¹⁶² однако не исключено, что она была воздвигнута вскоре после основания города. Согласно традиции (*Iust.*, XVIII, 5, 9), это место было куплено финикийцами у ливийцев, заинтересованных в развитии финикийской торговли. Насколько соответствуют действительности сказочные детали этого предания, трудно сказать, но отрицать самый факт покупки данного участка и, следовательно, мирный характер водворения финикийцев на их новой родине представляется невозможным. Юстин (XVIII, 5, 14), правда, отмечает, что за землю, на которой был основан Карфаген, пунийцы впоследствии производили ежегодные выплаты ливийцам (*statuto annuo vectigali pro solo urbis*). Можно полагать, что во взаимоотно-

¹⁶⁰ М. Л. Гельцер в этой связи справедливо отмечает рост влияния демократических слоев населения в Тире в конце IX в. до н. э. (М. Л. Гельцер. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э., стр. 223).

¹⁶¹ Э. Геффнер полагал, что культ Тиннит связан с почитанием Астарты (Э. Геффнер. Небольшая посвятельная стела из Карфагена. *Acta antiqua*, 1952, стр. 411—418). Однако, как показывают теофорные имена и посвятельные надписи, в Карфагене существовал культ Астарты параллельно почитанию Тиннит. О. Россбах также связывает культ Дидоны с почитанием Тиннит (O. Rossbach. *Dido. P.-W. RE*, Halbbd. IX, 1903).

¹⁶² BA, 1932—1933, стр. 408—417.

шениях пунийцев и ливийцев было два этапа: первый этап — покупка Бирсы, где первоначально был основан город, и второй этап — аренда территории, приобретенной в дальнейшем постоянно разраставшимся городом.

Одним из древнейших археологических памятников из Карфагена, помимо уже упомянутого выше храма, является святилище богини Тиннит. Его раскопки производились начиная с 1923 г. американскими и французскими археологическими экспедициями.¹⁶³ Оно было расположено неподалеку от западного побережья торгового порта карфагенян; вероятно, справедливо указание П. Санта о том, что строители сознательно стремились расположить его в непосредственной близости от древнейшего храма.¹⁶⁴ Выбор места для основания Карфагена опирался, следовательно, на определенную традицию.

Святилище Тиннит представляет собой своеобразное поле погребений, где обнаружены урны, содержащие пепел, а также остатки захоронений детей и мелких животных. Характерно, что погребения взрослых здесь не обнаружены. Вероятнее всего, здесь было не кладбище,¹⁶⁵ а своеобразный священный участок — тофет, где приносились жертвы, в том числе и человеческие, сопровождавшиеся позднее соответствующими посвятельными стелами.¹⁶⁶ Древнейший слой святилища Тиннит датируется IX—VIII вв. до н. э. Посвящения здесь расположены без какого-либо определенного плана, на расстоянии примерно метра одно от другого. Они представляют собой, как правило, урны высотой в среднем 25 см, помещенные в выемках, выдолбленных в материковой скале. По-видимому, для защиты от повреждений они окружались необработанными камнями, хотя Келси склонен был думать, что эти камни являлись предметом культа, заимствованного будто бы у коренного населения (ср. St. Byz., s. v. Δοῦλον παλῆς).

В первом слое святилища Тиннит обнаружены урны трех типов.¹⁶⁷ Наиболее распространены амфоры яйцевидной формы с вертикальными и горизонтальными ручками. Они украшались двумя горизонтальными полосами красного цвета, соединенными иногда вертикальными черными линиями. Орнаментировка концентрическими кругами и прямыми или зигзагообразными вертикальными линиями вообще характерна для пунийской керамики VIII в.¹⁶⁸ Урны другого типа представляют собой вазы с высоким горлом и крышкой, несколько напоминающие по форме русский крестьянский жбан. Ручки у этих ваз отсутствуют, орнамент не отличается от орнамента амфор. Как амфоры, так и вазы перед раскраской

¹⁶³ F. W. Kelsey. Excavations at Carthage 1925. New York, 1926.

¹⁶⁴ P. Cintas. Céramique punique, стр. 504—505.

¹⁶⁵ Таково мнение фон Биссинга (W. v. Bissing. Karthago und seine griechische und italische Beziehungen, стр. 91).

¹⁶⁶ Согласно некоторым пунийским надписям (см., например: CRAI, 1946, стр. 384 сл.), человеческие жертвы обозначались термином *mlk*, вероятно связанным первоначально с именем древнего ханаанейского божества Молоха, но постепенно превратившимся в обозначение человеческих жертвоприношений вообще. Полное отрицание существования божества Молох (O. Eissfeldt. *Molk als Opferbegriff im Punischen und Hebräischen*. Berlin, 1935), равно как и огульное отрицание существования в поздний период термина *mlk*, не связанного с этим божеством (W. Kornfeld. *Der Moloch*. WZKM, 1948/52, стр. 287—313), представляется нам малоубедительным (И. Ш. Шифман. Пунийский архив из эль-Хофра. ВДИ, 1962, № 4, стр. 133).

¹⁶⁷ D. B. Harden. Punic urns from the precinct of Tanit. AJA, 1927, стр. 299. В работах П. Санта отмечается длительное сохранение ранних форм керамики в пунийской Испании и Марокко (P. Cintas. 1) Céramique punique, стр. 506—509; 2) Contribution a l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954).

¹⁶⁸ P. Cintas. Céramique punique, стр. 393 и каталог.

покрывались белой глазурью. Белой глазурью покрывались и урны третьюго типа — низкие одноручные вазы с широким горлом, лишенные орнамента.

В исследовании, посвященном пунийской керамике, П. Сэнта указывает на значительное сходство карфагенской геометрической керамики IX—VIII вв. с керамикой некоторых центров Финикии и Палестины, в том числе Угарита, Мегиддо и т. д.¹⁶⁹ В угаритских погребениях, начиная приблизительно с 1600 г., встречаются керамические изделия — кувшины, светильники, которые можно назвать прототипами соответствующих карфагенских памятников. Сходство можно наблюдать даже в геометрическом орнаменте угаритских сосудов XIV—XIII вв.¹⁷⁰ Таким образом, можно утверждать, что местное керамическое производство опиралось в Карфагене на давнюю финикийскую традицию.

Другими материалами о развитии ремесленного производства в Карфагене в конце IX и в VIII в. мы не располагаем. Тем не менее несомненно, что город уже в ранний период своего существования был крупным торгово-ремесленным центром. Правда, находка здесь кипрских ваз IX в.¹⁷¹ может быть поставлена в связь с тем, что, согласно легенде, финикийцы с Кипра приняли участие в основании города. Но находка в святилище Тиннит протокоринфской вазы¹⁷² свидетельствует о развитии во второй половине VIII в. торговых связей Карфагена с греческим миром. Очевидно, уже в VIII в. существовали торговые связи Карфагена с Египтом, Этрурией и внутренними районами Африки.

В нашем распоряжении имеются лишь краткие и отрывочные сведения о внутренней жизни финикийских колоний на раннем этапе их существования. Можно предполагать, что основными занятиями колонистов были ремесло и торговля. Получали ли колонисты землю на новой родине, установить невозможно. Географическое положение таких колоний, как Мотия и Гадес, история основания Карфагена заставляют усомниться в наличии там сельских территорий и земледельческого населения.

О государственном строе финикийских колоний мы осведомлены очень плохо. Вероятно, у власти в городах, основанных с целью закрепления на торговых путях или, как Карфаген, эмигрантами-аристократами, стояла крупнорабовладельческая торгово-ремесленная олигархия.

Административно финикийские колонии в отличие от греческих были подчинены метрополии. Так, известно, что Утика обязана была выплачивать Тиру определенную денежную подать и при попытке уклониться от уплаты была усмирена специальной экспедицией (Fl. Jos., Ant. Iud., VIII, 146). Как показывает надпись CIS, I, 5 (VIII в. до н. э.), правителем

¹⁶⁹ Там же, стр. 447—477. В. Ф. Олбрайт отмечает сходство древнейшей керамики из святилища Тиннит с раскрашенной керамикой Мегиддо IVB (X в. до н. э.). См.: W. F. Albright. The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960, стр. 123.

¹⁷⁰ Ср.: C.-F. A. Schaeffer. Ugaritica, vol. II. 1949, стр. 121 сл., рис. 53. В. фон Биссинг указывает, что аналогию карфагенским вазам дает керамика VIII—VII вв. из Феры, Элевсина и Мегары Гиблейской. В этом факте он усматривает подтверждение влияния, которое Эгейский бассейн оказывал на Карфаген (W. v. Bissin g. Karthago und seine griechische und italische Beziehungen, стр. 98—99). Возможно, однако, что близость стиля объясняется развитием финикийской торговли в Эгейском бассейне.

¹⁷¹ Ch. Clermont-Ganneau. Recueil d'archéologie orientale, vol. V. Paris, 1902, стр. 313—322.

¹⁷² AA, 1931, стр. 471—472.

кипрского Карфагена было лицо, носившее титул *skn* и являвшееся одновременно «рабом» (*'bd*) царя «сидонян» (имеется в виду тирский царь Хирам). Это указание свидетельствует о подчиненном положении правителя кипрского Карфагена — чиновника тирского царя. Как показал И. Н. Винников, термин *skn* «обозначал высшего чиновника, который наряду с царем принимал участие в управлении государством и в руках которого была сосредоточена, по преимуществу, судебная власть».¹⁷³

Карфаген должен был занимать среди финикийских колоний особое место. Его основатели находились в конфликте с властями метрополии, поэтому естественно предположить, что город с первого дня своего существования был независимым.¹⁷⁴

Каков был государственный строй Карфагена в этот ранний период его истории, не вполне ясно. У Вергилия (Аен., IV, 296) Элисса — основательница города — названа царицей. У него же находим и намек на существование в Карфагене сената и народного собрания (Аен., IV, 682: *populumque patresque urbemque tuam*; ср. уже цитированный выше комментарий Сервия *ad locum*).

Если царская власть какое-то время в Карфагене действительно существовала, то ни продолжительность ее существования, ни ее prerogatives, ни ее характер установить по имеющимся данным невозможно. Во всяком случае власть династии Магонидов существенно отличалась от древней царской власти. Возможно, Элисса именовалась царицей как основательница города, представительница древней царской династии.¹⁷⁵

В дальнейшем, примерно до середины VI в., высшую власть сосредоточивала в своих руках Коллегия десяти — *decem principes* (Iust., XVIII, 6, 11; 7, 17). Вероятно, эта коллегия возникла из совещательного органа, имевшегося при царице. Ее члены, согласно легенде, отправились к царю макситан для решения вопроса о его браке с Элиссой, к ним же обращалась Элисса, отказываясь от брака. Но при каких обстоятельствах они захватили власть, источники не сообщают.¹⁷⁶

Важным органом олигархической диктатуры был в Карфагене Совет старейшин (Polyb., VI, 51, 1—2). Древность этого учреждения доказывается приведенными выше словами Вергилия об аристократическом элементе (*patres*) в государственном строе Карфагена. Члены совета носили, по-видимому, титул *gb* — «великий», засвидетельствованный в многочисленных надписях. Этот титул по наследству не передавался (ср.: CIS, III, 3588, 3610; в этих надписях сын лица, носящего титул *gb*, сам не является таковым); следовательно, членство в совете не было наслед-

---

¹⁷³ И. Н. Винников. Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении. ВДИ, 1952, № 4, стр. 143—144.

¹⁷⁴ Поэтому не может быть признано обоснованным мнение Г. Людемана о завоевании Карфагеном независимости только около 600 г. (H. L ü d e m a n n. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos, стр. 35). Предположение М. Л. Гельпера о поддержке, оказанной, как он считает, колонистам со стороны Тира, также представляется нам маловероятным (М. Л. Г е л ь п е р. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э., стр. 224).

¹⁷⁵ М. Л. Гельпер полагает, что царская власть в Карфагене отсутствовала уже на раннем этапе его истории; приведенные нами материалы он не рассматривает (М. Л. Г е л ь п е р. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э., стр. 224).

¹⁷⁶ Возможно, что этот орган Полибий называет *γερονσία* (I, 21, 6; 18, 2) в отличие от Совета старейшин, который носит у него названия *το γεροντίον* (VI, 51, 1), *ἡ σύγκλητος* (X, 18, 2). Однако терминология Полибия неопределенна; в частности, не вполне ясно, какой орган власти он называет *το συνέδριον* (I, 31, 8). Аристотель (Polit., 1272b) под словом *γερονσία* имеет в виду, несомненно, Совет старейшин.

ственным. Как подчеркивает Аристотель, магистраты в Карфагене выбирались по принципу знатности и богатства (οὐ γὰρ μόνον ἀριστίνδην, ἀλλὰ καὶ πλουτίνδην), однако порядок комплектования совета неизвестен.

Ничего не сообщают источники и о той роли, которую играло в жизни раннего Карфагена народное собрание. Приведенные выше слова Вергилия показывают только, что оно, несомненно, собиралось. В этой связи нелишне отметить, что пунийская армия до середины VI в. до н. э. являлась народным ополчением (Iust., XVIII, 7). Это, возможно, свидетельствует о значительной роли плебса в жизни города.

Можно предполагать, что и другие финикийские колонии имели аналогичные органы управления, деятельность которых могла осуществляться под контролем наместника, назначаемого метрополией.

Глава вторая

ОБЪЕДИНЕНИЕ ФИНИКИЙСКИХ КОЛОНИЙ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

I

Основывая колонии в отдельных пунктах Пиренейского полуострова, финикийцы натолкнулись на длительное и активное сопротивление со стороны Тартесса. Это сопротивление легко объяснить: создание финикийских колоний ставило под угрозу положение Тартесса как крупнейшего обладателя месторождений драгоценных металлов. Не подлежит сомнению, что постепенно ушли в прошлое времена, когда коренное население Пиренейского полуострова не умело использовать драгоценный металл и не знало ему цены. Большую роль в этом сыграла финикийская торговля. Вряд ли Тартесс был склонен без борьбы уступить финикийцам свое положение монополиста в Западном Средиземноморье. Источники не дают никаких оснований для того, чтобы вслед за А. В. Мишулиным постулировать какие-то договорные отношения между Гадессом и Тартессом.¹ Многократные попытки обосноваться в районе Гадеса, основание Ликса не на европейском, а на африканском побережье Гибралтарского пролива свидетельствуют, по всей видимости, о том, что тартесситы оказывали колонистам-финикийцам упорное и на первых порах небезуспешное сопротивление.

Основание Гадеса было серьезным успехом финикийцев и одновременно серьезным поражением тартесситов в борьбе за рынки. После возникновения этой колонии борьба неизбежно должна была принять значительно более острый характер, чем прежде. К сожалению, источники не дают возможности восстановить цельную картину тартесско-финикийских отношений в X—VIII вв., но даже некоторые отрывочные сведения, дошедшие до нас, чрезвычайно показательны. В частности, у Макробия сохранилось известие (Sat., I, 20, 12) о нападении тартесситов на Гадес. Он пишет: «Когда Ферон, царь Ближней Испании (rex Hispaniae citerioris), охваченный яростью, вел борьбу морскими силами с целью захвата храма Геркулеса, гадитане выступили навстречу, плывя на длинных судах, и, когда произошло сражение, причем до тех пор битва велась без перевеса для одной из сторон, внезапно царские суда были обращены в бегство и в то же время, охваченные неожиданным огнем, сгорели. Очень немногие из врагов, которые остались в живых, говорили, что им явились львы, стоявшие на носках гадесских кораблей, и что их корабли были внезапно сожжены направленными на них лучами, такими, как их изображают вокруг головы солнца». Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с поздней по происхождению версией предания; очень харак-

¹ А. В. Мишулин. Античная Испания. М.—Л., 1952, стр. 227.

терен такой анахронизм, как *rex Hispaniae citerioris* вместо ожидаемого *rex Tartessis*.² Несомненен также сказочный характер отдельных деталей легенды, сохранившейся у Макробия. Однако не подлежит сомнению и то обстоятельство, что в основе предания лежит воспоминание о реальных исторических событиях — о продолжительной, упорной и безрезультатной войне Тартесса с Гадесом, о морском походе тартесситов против Гадеса и о разгроме тартесского флота. Происхождение этого предания не вполне ясно. Быть может, то обстоятельство, что в тексте тартесситы названы «врагами» (*hostes*), свидетельствует о гадитанском происхождении предания; последнее подтверждается, возможно, и тем, что гадитане в легенде выступают как сторона, к которой явным образом благоволит божество.

На длительность борьбы между Тартессом и Гадесом указывает и Юстин (XIV, 5, 2), отмечающий также, что Гадесу оказывали помощь карфагеняне. Следовательно, нет оснований, как это делает А. В. Мишулин, приписывать морскому сражению у Гадеса решающую роль в установлении финикийского господства на юге Пиренейского полуострова.³

Видимо, между Гадесом и Тартессом происходила целая серия войн, ведущихся с переменным успехом, но не приводивших, однако, к полному уничтожению ни одного из противников. Сказанное не противоречит тому, что Тартесс, очевидно в результате наступления гадитан, оказался в чрезвычайно стесненном положении.

Выше мы говорили, что Исайя в своем пророчестве о Тире обращается к «дочери Таршиша»: «Переходи ('ihri) на землю твою, как река, дочь Таршиша, нет препоны более» (XXIII, 10). В этом достаточно неясном тексте привлекают внимание следующие особенности. Глагол 'āḇag имеет основное значение «переходить»; таким образом, в тексте явно говорится не об освобождении от чужеземного господства, но о вторжении извне. Обращает на себя внимание и эпитет «как река» (kaḇe'or); слово uḇ'or применяется, как правило, к Нилу; в данном случае оно должно подчеркнуть стремительность вторжения «дочери Таршиша» в ее страну. То слово, которое нами переведено вслед за русским синодальным переводом как «препона» (mēzāḥ), встречается в Библии еще только два раза, и в обоих случаях оно означает «пояс» (Ps, CIX, 19; Job, XII, 21). Представляется сомнительным, чтобы такой образ мог быть употреблен библейским автором, если бы речь шла о покорении Тартесса—Таршиша гадитанами или другими выходцами из Тира. Вероятнее другое, именно то, что финикийцы срывали развитие тартесской торговли, изолировали Тартесс от внешнего мира, прибегая к своеобразной блокаде. Не случайно Геродот (IV, 152) характеризует Тартесс как малопосещаемую гавань. То обстоятельство, что «дочь Таршиша» должна «переходить» на свою землю, свидетельствует о независимости Тартесса от финикийских захватчиков, хотя в то же время это говорит и о потере Тартессом какой-то части территории.

Исследуемый текст Исайи, однако, не содержит сведений о полном порабощении гадитанами Тартесса. Не свидетельствует об этом и тот отрывок из Страбона (III, 13), который обычно привлекается для обосно-

---

² А. Шультен достаточно убедительно показал, что Ферон, упомянутый в тексте, является царем Тартесса, поэтому мы не останавливаемся специально на этом вопросе (A. Schulten. Tartessos. Hamburg, 1950, стр. 37).

³ Ср.: А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 227. Нет также данных, которые подтвердили бы тезис Р. Хакфорта о том, что около 800 г. Тартесс стал данником Тира (Cambridge Ancient History, vol. IV. Oxford, 1926, стр. 354).

вания теории о покорении Гадесом Тартесса.⁴ В этом тексте действительно говорится о подчинении финикиянам населения Иберии: «ибо они так прочно стали (ἐγένοντο) подвластными финикиянам, что большинство городов в Турдетании и ближайших поселений ныне заселено ими (финикиянами, — *И. Ш.*)». В тексте Страбона явно имеется в виду полное завершение финикийско-тартесской борьбы, окончательное подчинение иберийских племен финикийским колонистам, которое связано уже с наступлением Карфагена. Не случайно Страбоном употреблена форма ἐγένοντο и имеется указание на современное автору положение (νῦν).

Некоторые данные свидетельствуют, что сфера борьбы тартесситов с финикиянами, возможно, и не ограничивалась только территорией южной Испании. У Павсания (*Descr. Graec.*, X, 17, 4) сохранился рассказ об основании Норы на острове Сардиния иберами. Поскольку археологически присутствие иберов в Норе не засвидетельствовано, приходится признать, что в этой части предание не соответствует реальным историческим фактам. Сомнения в исторической достоверности предания подкрепляются еще и тем, что легендарный основатель города носит имя Νόραξ; таким образом, палицо явно этиологическая конструкция. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют и безоговорочно отбросить данные Павсания. Мы имеем в виду известную надпись из Норы (*CIS*, I, 144).

Эта надпись была обнаружена на территории Норы в 1773 г. и в настоящее время находится в музее Кальяри. Стела изготовлена из песчаника местного происхождения, высота ее 1,05 м, ширина 0,57 м. Высота отдельных букв примерно 0,12 м. Многочисленные издатели и комментаторы текста⁵ в своих попытках добиться понимания его содержания исходили из некоторых предвзятых положений. В частности, большинство исследователей полагало, что камень обломан только сверху, но не обломан снизу и с боков. Исходя из мысли, что надпись представляла собой посвятельную стелу, они, дополняя текст сверху строкой, состоящей из двух букв, дали тексту следующее толкование:

[ms]	[Ст]
bt rš š	олп Роша, который
ngd šh'	Нагида, который жил
bšrdn š	в Сардинии. За-
lmh' š l	вершил то, что относилось к
nšb' m	постройке, Ма-
lktn bn[r]	лакйатон сын [Ро-]
š b[n] ngd	ша сы[на] Нагида,
lpsy	лефсиец

Этот вариант чтения был принят в сборниках М. Лидзбарского, Дж. А. Кука, а также в Корпусе семитских надписей.

Такое толкование надписи вызывает ряд недоумений. В частности, согласно этому варианту, относительное местоимение «который» на про-

⁴ Ср.: A. Schulten. Tartessos, passim.

⁵ *CIS*, I, 144 (там же вся предшествующая литература); M. Lidzbarsky. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, Bd. I. Weimar, 1898, стр. 427; G. A. Cooke. A text-book of North-Semitic inscriptions. Oxford, 1903, стр. 110—111; W. F. Albright. New light on the early history of the Phoenician colonizations. *BASOR*, № 83, 1941; A. Dupont-Sommer. *CRAI*, 1948, стр. 14; A. Mentz. Beiträge zur Deutung der Phönizischen Inschriften. Leipzig, 1944, стр. 20 сл.; A. van den Branden. L'inscription phénicienne de Nora (*CIS*, I, 144). *Al-Machriq*, 1962, стр. 283—292.

тяжении девяти строк встречается в двух различных формах — 'š и š. Финикийский язык знает обе эти формы, но трудно предположить, чтобы они обе вошли в такую короткую надпись одновременно. Слово h' не может иметь значения «быть», «находиться», так как если воспринимать его как глагол, то следовало бы ожидать иного консонантного состава: hwh или hūh. Если же предположить, что перед нами не глагол, а местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода, употребленное в качестве связки, то придется учесть, что использование местоименной связки с предложной конструкцией ни для финикийского, ни для родственного ему еврейского языка не засвидетельствовано.⁶ Вызывает некоторые сомнения и написание nšb'. По мысли издателя, конечный 'алеф употреблен здесь в качестве mater lectionis, что маловероятно для столь раннего текста.

А. Дюпон-Сомме, отказавшись от попыток восстановить недостающие строки, предложил следующее чтение текста:

bt rš š	Храм мыса
ngr šh'	Ногара, который
bšrdn š	в Сардинии. М-
lm h' šl	пр ему. Ми-
m šr 'm	р Тиру, матери
lkt nrn[k]	Китиона, Нарна[ка].
šbn ngr	То, что построил Ногар
lpmy	для Пумаи

Однако и интерпретация А. Дюпон-Сомме грешит против законов фонетики и синтаксиса. Слово ngr автор понимает как имя собственное — Пора. Однако куда же в процессе развития этого имени исчезла корневая согласная, не ясно. О слове h' и возможностях его интерпретации уже говорилось выше. Слова šlm h' šlm šr не могут обозначать «мир ему, мир Тиру» из-за отсутствия необходимого в данном случае предлога 'ly. Эти сочетания можно было бы понять как «покоится он, покоится Тир», но эту возможность А. Дюпон-Сомме не учитывает. Не более приемлемо и близкое к этому толкование текста, предложенное А. ван ден Бранденом.

А. Ментц, читая ту же надпись, обнаружил в ней упоминания правителя Хааба, назначенного в Нору пришельцами из Испании, чье имя он сопоставлял с именем легендарного основателя Тартесского государства Хабида. Согласно его интерпретации, надпись содержит рассказ об изгнании Хааба в Тартесс и о последующем восстановлении его власти тартесским царем. Однако и в толковании текста Ментцем имеются явные натяжки. В частности, последние слова он читает как ngd lp my и переводит как «владыка входа в море». Но слово nāgīd — «военный предводитель», оратор», происходящее от глагола ngd — «быть впереди», «предводительствовать», не может означать владетеля, как это предполагает Ментц. Без достаточных оснований Ментц сближает греческое Ἰβηρες с финикийско-еврейским 'ibrīm — в обычном толковании «люди с той стороны», — пытаясь доказать, что иберы, о которых идет речь у Павсания, — не кто иные, как заморские финикияне, гадитане. Несмотря на всю соблазнительность такого толкования, его приходится отвергнуть: слишком хорошо известно наименование Ἰβηρες как обозначение коренного населения Иберийского полуострова. К тому же и при-

⁶ C. Brockelmann. 1) Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Bd. II. Berlin, 1911, стр. 102 сл.; 2) Hebräische Syntax. Neukirchen, 1956, стр. 26—27.

пятое автором толкование слова 'ihrim далеко не общепринято в настоящее время.

В. Ф. Олбрайт предлагает дополнить надпись (все ее строки) слева рядом знаков. Он читает:

btršš [.....w]	В [из?] Тартесс [.....и]
ngrš h'[dm h' lšt?]	будет изгнан этот че[ловек на год(?)]
hšrdn [.....h']	из Сардинии [.....этот че-]
dm h'sš l[? .....bn]	ловек, у которого не[т.....или]
msb' m[hnt wbn mm]	начальник от[ряда, или ца-]
lkt wbn [skn (?) w 'm y]	рь, или [правитель(?). И если вер-]
šb wngr[š h'dm h']	нется, то будет изгна[н человек этот]
bymy	на всю его жизнь

Эту интерпретацию также нельзя признать удовлетворительной. Отрицание l' в финикийском языке не было употребительным; в известных нам финикийских текстах оно до сих пор не засвидетельствовано. Предлог bn не может иметь значения «или»; в еврейском языке он встречается только в значении «между». Сами по себе восстановления Олбрайта произвольны, а предложенное им понимание данного текста как фрагмента декрета, написанного наподобие Гортиских законов на ряде каменных блоков,⁷ не доказано.

Основной недостаток предложенных толкований, вариантов чтения и переводов заключается в полной произвольности положенных в основу понимания текста гипотез и в недостаточной точности чтения отдельных знаков, ясно читаемых в надписи.

В нашем распоряжении отсутствуют достаточно надежные воспроизведения памятника. Однако и те, что имеются, позволяют утверждать, что перед нами — фрагмент текста, обломанный со всех сторон. Поэтому нет никаких оснований думать, что надпись представляет в своем нынешнем состоянии связный текст, поддающийся последовательному прочтению справа налево и сверху вниз. Вероятнее всего, этот камень представляет собой отрывок из середины надписи, и, следовательно, у каждой строки отсутствуют начало и конец. Отсутствие огласовок, словоразделителей и стандартных формул не позволяет достоверно определить и значение отдельных сочетаний знаков, а также охарактеризовать с достаточной точностью содержание надписи: была ли она посвянительной, надгробной, строительной или иной. Поэтому всякие попытки восстановления недостающих частей текста представляют собой до открытия других памятников, которые позволили бы более достоверно понять смысл надписи, недоказуемые гипотезы.

Возможно, что в первой строке надписи читается слово tršš. Не исключено, следовательно, что Нора находилась в каких-то отношениях с Тартессом, нашедших свое отражение в тексте надписи. Но это означало бы, что в предании Павсания имелось определенное историческое зерно, а именно что легенда об основании Норы иберами связана с преданием о господстве в этом городе тартесситов. Традиция Павсания, игнорирующая факт основания Норы финикийцами, восходит к антифиникийской, возможно к иберийско-тартесской или фокейской традиции. Однако господство Тартесса, если оно имело место в действительности, продолжалось в Норе недолго. Во всяком случае ко времени греческой колониза-

⁷ W. F. Albright. The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960. стр. 122—123.

ции Сицилии Нора уже представляла собой независимый город-государство.

Итак, общая расстановка политических сил в Западном Средиземноморье в конце II и начале I тысячелетия может быть охарактеризована примерно следующим образом. В южной Испании борьбу за источники сырья и за рынки вели два враждующих лагеря. К одному принадлежали финикийские колонисты, в другом находился Тартесс. Интересно, что в античной письменной традиции, повествующей о борьбе финикийцев с иберами, упоминается только Гадес и отсутствуют какие-либо упоминания о других колониях на юге Испании — Малаке, Секси и Абдере, несомненно затронутых этой борьбой, тем более что после их основания Тартесс оказался в своеобразном кольце финикийских колоний (не это ли имел в виду Исайя, говоря: «нет препоны (*mēzah* — «пояс») более?»). Позволительно поэтому предположить, что Гадес играл по отношению к другим финикийским колониям роль гегемона.

Борьба между тартесситами и финикийцами не ограничивалась районом южной Испании. Каков был действительный размах этой борьбы, при нынешнем состоянии источников установить невозможно.

К VIII в. до н. э. положение финикийских колоний в Западном Средиземноморье существенно изменилось. В результате захвата Ассирией Финикии и Кипра⁸ финикийские города на западе оказались отрезанными от своих метрополий. Это обстоятельство имело для западных финикийцев определенное положительное значение. Поскольку метрополии потеряли возможность осуществлять свой суверенитет, как это имело место прежде, западные финикийцы обрели политическую самостоятельность. Но в то же время потеря поддержки со стороны метрополий значительно ухудшала их положение в борьбе с противником. Уже многократно цитировавшийся нами отрывок из пророчества Исайи, обращенного к Тиру, показывает, что современники именно так расценивали известие о падении Тира. Тир в представлении Исайи — это тот фундамент, на котором зиждется финикийское господство в южной Испании. Гибель Тира, следовательно, должна была привести к неизбежному крушению владычества финикийцев в этом районе.

Эти ожидания современников оказались необоснованными. Финикийские поселенцы на западе Средиземноморья оказались достаточно сильными, чтобы полностью удержать все ими захваченное и после катастрофы, постигшей собственно Финикию.

На Пиренейском полуострове финикийским колониям удалось, преодолевая сопротивление Тартесса, уже к началу VIII в. до н. э. установить прочные торговые связи с местным населением. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы знаменитого клада из Алиседы (испанская провинция Касерес). Здесь были найдены главным образом мелкие золотые украшения, в том числе золотая диадема, украшенная стилизованными изображениями цветов и шарообразными подвесками, дужка с присоединенными к ней кольцами, пара серег, украшенных изображениями лотоса и пальм. Очень интересен своеобразный пояс с золотой пряжкой и золотой чеканкой. В орнаментальном оформлении этого пояса имеются мо-

---

⁸ М. Л. Гельцер. Заметки по истории Финикии VIII в. до н. э. Палестинский сборник, № 3, 1958, стр. 58—70. Мы, однако, не можем согласиться с предложенным М. Л. Гельцером пониманием слова *mēzah* — «пристань», которое не находит подтверждения в других текстах Библии, где употреблено это слово.

тивы, несомненно возникшие под влиянием месопотамского искусства, например борьба человека с поднявшимся на задние лапы львом. Крылатый лев, вычеканенный на этом поясе, также находит свои аналогии в произведениях вавилонского изобразительного искусства. Кроме этого, могут быть отмечены фигурки ястреба, кольцо с подвесками в виде сплюснутых желудей (несомненно, местный иберийский мотив), печати со скарабеями, а также значительный фонд керамики, в котором особый интерес представляет копическая ваза с египетской иероглифической надписью.⁹

Клад из Алиседы представляет собой сложный комплекс памятников разных эпох, наиболее поздние из которых датируются, по-видимому, III в. до н. э.¹⁰ Среди них, как справедливо отмечал А. В. Мишулин, надо полагать, имеются изделия, выполненные иберийскими мастерами, воспринявшими как финикийские мотивы орнамента, так и (через посредство финикиян) стили Египта, Месопотамии, а также, возможно, и Эгейского бассейна. А. В. Мишулин особо отмечает наличие эгейских мотивов в орнаментах Алиседы.¹¹

Однако сказанное не исключает, что древнейшие материалы из Алиседы могли изготовляться финикийскими ремесленниками и доставляться пиберам финикийскими купцами. Испанские археологи, в частности, отмечают, что некоторые вазы из Алиседы, датируемые VIII в. до н. э., находят себе аналогию в финикийской керамике Кипра и, видимо, доставлены оттуда.¹² Восточной является и манера изготовления вазовых ручек в виде стилизованных ладоней, встречающихся также в кладе из Алиседы, где изделия этого рода датируются VII—VI вв. Как полагает Е. С. Диас, изучавший указанные памятники, они импортировались из Кипра или непосредственно из Финикии через Гадес в Испанию.¹³ Доставка этих изделий через порт Майнаку маловероятна.

Таковы те сведения о финикийском импорте в Испанию в VIII в., которыми мы располагаем. О финикийском экспорте из этого района мы знаем значительно меньше, главным образом по данным письменных источников, правда значительно более поздних. Библейский пророк Иеремия (X, 9) говорит о доставке из Тартесса «сплюснутого», т. е., очевидно, чеканного, серебра (*kāsār mēquqā*). Но пророческая деятельность Иеремии датируется концом VII—началом VI в. до н. э.¹⁴ У еще более позднего автора, Иезекиила (XXVII, 12), торговля Тартесса с Тиром характеризуется несколько подробнее: «Таршиш (Тартесс, — *И. III.*) продает тебе огромные богатства; серебро, железо, олово и свинец дают прибыли твои». Эти цитаты из Библии показывают, что связи восточных финикиян с западносредиземноморским миром были восстановлены достаточно быстро, возможно уже в VII в. Но само слово «Тарпиш», вероятно, употреблялось не для обозначения определенного государства, а для обозначения географического района, соответствующего южной Испании. При наличии враждебных отношений между Тартессом и финикийскими коло-

⁹ А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 86—88 (там же и история вопроса); *Ars Hispaniae*, vol. I. Madrid, 1947, стр. 157 сл.

¹⁰ *Ars Hispaniae*, vol. I, стр. 157.

¹¹ А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 88—90.

¹² А. В. Freijeiro. Estudios de objetos Fenicios y Orientalizantes en la Peninsula. АЕА, № 93—94, 1956, стр. 3—51.

¹³ Е. С. Диас. Los recipientes rituales metallicos llamados «braserillos punicos». АЕА, № 93—94, 1956, стр. 52—84.

¹⁴ S. R. Driver. An introduction to the literature of the Old Testament. New York, 1956, стр. 247—249; O. Eissfeldt. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1956, стр. 420—421.

ниями в Испании трудно представить себе, чтобы торговля финикийян с Тартесским государством могла принести им значительные прибыли.

Если это предположение справедливо, то имеющиеся материалы позволяют сделать следующие выводы. Основным предметом вывоза финикийян из Испании по-прежнему оставался драгоценный металл. Наряду с торговыми связями на Пиренейском полуострове финикийяне, видимо, начали завязывать определенные контакты и за его пределами. В частности, указание на привоз олова «из Тарпиша», вероятно, свидетельствует о том, что финикийяне вели торговлю уже и в Британии, бывшей крупнейшим поставщиком олова.

Находка в кладе из Алиседы финикийских изделий VIII в. позволяет отнести к этому времени установление торговых связей финикийян с иберийскими племенами, о которых свидетельствуют библейские авторы. Можно с полным основанием утверждать, что указанные в библейских текстах товары вывозились из Испании и местными финикийскими поселенцами. Очень характерно указание Иеремии о доставке «из Тарпиша» обработанного металла. Вероятно, металл подвергался предварительной обработке в Гадесе, бывшем важнейшим центром финикийской торговли в указанном районе.¹⁵

На положение финикийян в Сицилии существенное влияние оказало появление в Западном Средиземноморье в конце IX—начале VIII в. греческих купцов, о чем свидетельствует археологический материал. Так, в Конпо Невигата обнаружен фрагмент греческой протогеометрической вазы, в погребениях Канале найдена геометрическая греческая керамика IX в. Доколониационные связи с Коринфом, Аргосом, Кикладами и Критом засвидетельствованы для острова Ортигия.¹⁶ В особенности же оживленной стала греческая торговля в VIII в., когда греческие ремесленники усвоили модный в то время восточный, или ковровый,¹⁷ стиль росписи керамики и начали подражать ему, стремясь постепенно вытеснить с рынка финикийскую продукцию. Керамика «ориентализирующего» стиля обнаружена в сиккульских поселениях острова Ортигия, Тременцано, Финочекито, Кастелуччо и т. д.¹⁸

Первые греческие колонии в восточной Сицилии появляются в середине VIII в., когда халкидяне основали Наксос, Катану, Леонтины и сделали попытку утвердиться на острове Ортигия. В 736/5 г. на Ортигии была создана коринфская колония Сиракузы, а в конце VIII в. участие в колониационном движении стали принимать и Мегары, основавшие Мегару Гиблейскую. VII век в Сицилии начался основанием около 690 г.

¹⁵ Сообщение I Reg., X, 22, вероятно, не имеет непосредственного отношения к иберийско-финикийской торговле, поскольку в Библии выражение 'ōnī taršīš — «тарпишский корабль» часто обозначает корабль дальнего плавания, безотносительно к конкретному району его плавания.

¹⁶ A. B l a k e w a y. Prolegomena to the study of Greek commerce with Italy, Sicily and France in the eighth and seventh centuries B. C. ABSA, 1935, стр. 170—208. С. Хоукес датирует протогеометрический стиль временем около 1000 г., а геометрический — 950—750 гг. (C. F. C. H a w k e s. Chronology of the Bronze and Early Iron Age, Greek, Italian and Transalpine. ACIPPM, 1952, стр. 260). Попытка А. Окерштрема датировать появление греческих геометрических изделий в Италии концом VIII—началом VII в. (A. Å k e r s t r ö m. Der Geometrische Stil in Italien. Leipzig, 1943, стр. 67, 87 сл.; ср. также: G. S ä f l u n d. Über den Ursprung der Etrusker. Historia, 1957, стр. 15 сл.) не может быть принята (Л. А. Е л ь н и ц к и й. Этруски и греки. ВДИ, 1948, № 1, стр. 133—138).

¹⁷ Термин «ковровый стиль» предложен В. Д. Блаватским (История античной расписной керамики. М., 1953).

¹⁸ G. K a r o. Orient und Hellas in archaischer Zeit. MDAI, 1921, стр. 106—156; F. J. D u n b a b i n. The western Greeks. Oxford, 1948, стр. 3—5.

родосцами и критянами Гелы,¹⁹ которая несколько позже основала в свою очередь Акрагант. В 644 г. Сиракузы захватили Акры и Касмены, а в 599 г. — Камарину. Жители Мессаны, возникшей на базе старинного пиратского становища, основали в середине VII в. Гимеру. Тогда же появился и Селинунт.²⁰

Сицилийские финикияне не препятствовали закреплению греков в восточной Сицилии, видимо не будучи сколько-нибудь серьезно заинтересованными в этом районе. Более того, находка в древнейшем некрополе Мотии протокоринфских ваз²¹ свидетельствует, что в первой половине VII в.²² между сицилийскими финикиянами и греками существовал определенный торговый контакт. Однако во второй половине VII в. в Мотии происходят два одинаковых по важности события: на месте старинных захоронений воздвигается крепостная стена, очевидно для защиты города от возможного нападения извне, а некрополь переносится в Бирджи, непосредственно на территорию Сицилии, что вызвано было, вероятно, расширением города, увеличением численности его населения. Оба события должны быть поставлены в связь с теми явлениями, о которых сообщает Фукидид (VI, 2, 6): «Когда же многочисленные эллины начали совершать морские походы, оставив большую часть острова, <финикияне> стали жить, объединив (*ἑνωκίσαντες*) Мотию, Солунт и Панорм, в близости от элимов, доверяя союзу с элимами, а также потому, что оттуда Карфаген имел кратчайший морской путь в Сицилию». В этом месте, восходящем, как показал О. Бем, к «Сицилийской истории» Антиоха Сиракузского (ср. также: Paus., X, 11, 3 — со ссылкой на Антиоха),²³ ясно прослеживаются три момента. Употребленное Фукидидом слово *ἑνωκίσαντες* определенно показывает, что бывшие прежде независимыми колонии финикиян теперь объединились в один государственный организм.²⁴ Во главе этого объединения, возможно, стояла Мотия. Косвенным указанием на это может служить укрепление и расширение города. Новое государство, судя по этим же событиям в жизни Мотии, возникло во второй половине VII в. Его создание, очевидно, было вызвано основанием Гимеры и Селинунта, в чем сицилийские финикияне могли усмотреть угрозу своему положению в западной Сицилии и на путях из Передней Азии в Испанию. Сицилийское государство финикиян заключило военный союз (*ἑμφραχία*) с элимами, имевший, очевидно, явную антигреческую направленность. Наконец, сицилийские финикияне рассчитывали на помощь расположенного неподалеку Карфагена. Однако Фуки-

¹⁹ Подробно см.: И. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 192—194.

²⁰ Очерк греческой колонизации Сицилии мы находим у Фукидида (VI, 2 сл.).

²¹ J. I. S. Whitaker. *Motya, a Phoenician colony in Sicily*. London, 1921, стр. 260.

²² Мы принимаем датировки С. Хоукеса (C. F. C. Hawkes. *Chronology of the Bronze Age*, стр. 260).

²³ O. Boehm. *Fontes rerum Sicularum quibus Thucydides usus sit*. Ludwigslust, 1875.

²⁴ Такова же точка зрения Ст. Гзелля (St. Gsell. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I. Paris, 1913, стр. 407). Фукидид употребляет глаголы *ἑνωκίζω* и *ἑνωχάτω κίζω* в тех случаях, когда он хочет подчеркнуть, что из различных поселений или групп поселенцев возникает единый государственный организм. Ср., например, текст (Thuc., II, 15), где речь идет об объединении Аттики Тесеем и где для обозначения этого процесса употреблен глагол *ἑνωκίζω*. В «Археологии Сицилии», кроме разбираемого отрывка, мы встречаем указанные глаголы еще дважды (VI, 4, 2 и 5, 1). В обоих случаях речь идет о том, что различными группами колонистов создается один полис, следовательно один государственный организм. Таково же значение глагола *ἑνωκίζω* и в более поздних текстах.

дид, обычно очень точный, ничего не сообщает о союзе сицилийских финикиян с Карфагеном. Отсюда можно сделать вывод, что сицилийско-финикийское государство было самостоятельным и в какой-либо зависимости от Карфагена тогда не находилось.

Можно думать, что создание нового финикийского государства в западной Сицилии приостановило продвижение греков в этот район. Во всяком случае источники ничего не сообщают о каких-либо попытках греков обосноваться в западной Сицилии во второй половине VII в.²⁵

Хуже всего мы осведомлены о ранней истории финикийян в Северной Африке. Судя по рассказу Юстина, можно предполагать, что уже в момент основания Карфагена возник тесный союз между этим последним и Утикой. Юстин, в частности, сообщает, что «послы жителей Утики также доставили «основателям Карфагена» дары, как родственникам по крови, и уговаривали «их» основать свой город там, где будет указано место жребием» (XVIII, 5, 12). В источниках, однако, не указываются причины этого гостеприимства, которые, по-видимому, следует искать в положении Утики в конце IX в. Обращает на себя внимание, что Саллюстий (Bell. Iugurth., XIX, 1), перечисляя наиболее значительные колонии, основанные финикийцами в Северной Африке до конца IX в., не упоминает Утику. Думается, что такое умолчание не случайно. Оно может свидетельствовать о сравнительно незначительной роли, которую Утика, оттесненная более мощными соперниками, играла в жизни указанного района. Немалую роль в ухудшении ее положения должно было сыграть поражение при столкновении с метрополией. Утика могла рассчитывать с помощью Карфагена улучшить свое положение, тем более что его основатели также находились в резко враждебных отношениях с метрополией.

Возможно, существовал тесный союз Большого Лентиса, Эи и Сабраты²⁶ — финикийских колоний, находившихся на берегу залива Большой Сирт. Создание этого союза могло быть вызвано появлением в Кирене во второй половине VII в. греческих колонистов,²⁷ что, несомненно, представляло прямую угрозу существованию и благосостоянию финикийских колоний, находившихся неподалеку.

Однако греческая колонизация в Северной Африке отнюдь не ограничивалась территорией Кирены. Греки предпринимали попытки обосноваться и непосредственно в районе финикийского господства на территории Африки. У Стефана Византийского (s. v. Κίβοc) сохранилось со ссылкой на Гекатея Милетского следующее указание: «Кибос (Κίβοc), город ионийцев в финикийской Ливии». Указать точное положение этой колонии источник не дает возможности, поэтому существующая в литературе точка зрения, согласно которой Кибос находился к западу от Карфагена,²⁸ не может быть признана в достаточной степени обоснованной. Так как Гекатей, живший во второй половине VI—начале V в., упоминает о Кибосе как о городе, реально существовавшем ко времени написания его Περὶ ἡνίκης, можно утверждать, что эта колония ионийцев

²⁵ Нам представляются необоснованными утверждения об отсутствии до начала VI в. враждебных отношений между западными финикийцами и греками (B. H. W a r m i n g t o n. Carthage. London, 1960, стр. 35).

²⁶ Ср.: E. S p e c k. Handelsgeschichte des Altertums, Bd. III, Teil 1. Leipzig, 1905, стр. 34.

²⁷ Подробно см.: К. М. К о л о б о в а. Из истории раннегреческого общества, стр. 194—198.

²⁸ H. T r e i d l e r. Eine alte ionische Kolonisation in numidischen Afrika. Historia, 1959, № 3, стр. 263—266. Автор преувеличивает размах греческой экспансии в северо-западную Африку. Не обосновано мнение автора и о том, что финикийцы «терпели» греков на своей территории.

была основана во всяком случае до конца VI в. О взаимоотношениях ливийцев и финикиян с ионийскими поселенцами источник не дает сведений, но можно предполагать, что в Африке, как и в западной Сицилии, греки были встречены недоброжелательно и что здесь были приняты все меры к организации отпора грекам.

Правда, финикияне не сумели воспрепятствовать основанию Кибоса, но в дальнейшем грекам не удалось создать на территории Северной Африки ни одной колонии,²⁹ а те попытки, которые греками предпринимались, не достигали своей цели вследствие активного сопротивления финикиян. Судя по тому, что, кроме как у Гекатея, Кибос в иных источниках не упоминается, можно думать, что в V в. Кибос был уничтожен, по-видимому, карфагенянами.

Необходимость ведения общими силами борьбы против греков создавала предпосылки для создания объединения финикийских городов и в Северной Африке. Во главе этого объединения естественно должен был встать крупнейший финикийский центр в Африке — Карфаген.

II

Первые сведения об активной политике Карфагена вне пределов Африки относятся к середине VII в., когда была основана карфагенская колония на Питиусских островах. К тому времени Карфаген был одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Западного Средиземноморья, что в значительной степени объяснялось его благоприятным стратегическим положением.

В инвентаре наиболее древних погребений на холме Бордж-Джедид, которые датируются обычно VII—VI вв., обнаружены разнообразные золотые, серебряные, бронзовые и стеклянные украшения — кольца, бусы, серьги, а также керамические изделия — вазы различных типов.³⁰ В инвентаре погребений VII—VI вв., обнаруженных Ш. Соманем в районе к юго-западу от Бирсы,³¹ найдены бронзовое зеркало с ручкой из слоновой кости, сакральный топорик, украшения и керамика. Ш. Сомань отмечает следующие типы керамических изделий: одноручные ойнохой с высоким горлом, шарообразным корпусом и ручкой во всю высоту горла; одноручные ойнохой с широким низким горлом, цилиндрическим корпусом и ручкой до половины высоты горла; одноручные ойнохой с высоким горлом, цилиндрическим корпусом и ручкой до середины горла; двуручные шарообразные вазы с крышкой и низким горлом; двуручные вазы с крышкой и цилиндрическим корпусом, сужающимся кверху; острокопечные двуручные вазы; низкие одноручные вазы с широким горлом. Некоторые виды этой керамической продукции обнаружены также и в фундаментах святилища Тиннит. Керамические фонды второго слоя святилища Тиннит позволяют проследить эволюцию стиля пунийской керамики в сторону ухудшения ее качества и нарушения симметричности.³² По

²⁹ Сообщение Диодора (XX, 57) об эллинском населении Месхелы не означает, что этот город уже в VII—VI вв. был греческой колонией. Предание об основании этого города «в древности греками, пришедшими из Трои», явно неисторично. Легенда о колонизации Кирены (Herod., IV, 150) показывает, что греки до VII в. не знали точного местоположения Ливии.

³⁰ Delattre. Carthage. Necropole punique de la colline de St.-Louis. Lyon, 1896.

³¹ BA, 1932—1933, стр. 83—90. Ср.: P. Cintas. Céramique punique. Paris, 1950, стр. 79, 87, 89, 97 и таблицы.

³² D. B. Halden. Punic urns from the precinct of Tanit at Carthage. AJA, 1927, № 3, стр. 302—305.

указанию Гордона, для VII в. характерно наличие двуручных ваз яйцевидной формы с высоким горлом. Их орнамент представлял собой ряд черных горизонтальных полос, соединенных между собой красными или пурпурными вертикальными линиями. Около 600 г. появляются неорнаментированные цилиндрические вазы с небольшими ручками у горла.

В пунических надписях, дошедших до нас, упоминаются такие ремесла, как изготовление саркофагов, обработка золота, серебра, меди, изготовление деревянных повозок, гребней, щипцов, ткачество, портняжное ремесло и врачевание (CIS, I, 326—332, 338, 340, 342, 344, 345, 346, 354; III, 4873, 4877, 4883, 4884, 4886). Хотя эти надписи не поддаются точной датировке, все же не подлежит сомнению, что большинство этих ремесел, если не все, процветало в Карфагене уже в ранний период его существования, в VIII—VII вв.

Приведенные данные свидетельствуют в общем о высоком уровне развития ремесленного производства в Карфагене.

К VII в. Карфаген имел уже прочные и разносторонние связи со всеми областями средиземноморского мира. Не подлежит сомнению его тесный контакт с метрополией, о котором свидетельствует, в частности, ежегодное участие карфагян в празднествах, посвященных Мелькарту, в Тире, а также посылка в Тир части военной добычи (Q. Curt., IV, 2, 10; Arr., Anab., II, 24, 5; Just., XVIII, 7, 7; Diod., XIII, 108; Polyb., XXXI, 12). Весьма показательна находка в погребениях некрополя Дуимес (VII—VI вв.) сирийской цилиндрической печати начала II тысячелетия до н. э. и цилиндрической печати ахеменидского времени, датированной, возможно, периодом правления Дария или Ксеркса.³³ Последняя находка позволяет говорить о наличии каких-то связей Карфагена с Персидской державой, хотя, разумеется, вряд ли она может свидетельствовать о политической зависимости Карфагена от Персии. Вероятно, речь должна идти о наличии торговли между Карфагеном и областями, входившими в состав Персидской державы, может быть через посредство финикийских купцов.

Во втором слое святилища Типшит³⁴ и в карфагенских некрополях³⁵ найдены многочисленные изделия египетской работы — скаральные топоры с рисунками в египетском стиле, скарабей из египетского фаянса или стеатита, который вообще был наиболее распространенным материалом, применявшимся при изготовлении скарабеев,³⁶ и амулеты. Скарабей, найденный в Карфагене, были покрыты эмалью. На скарабеех имеются имена фараонов XXVI династии — Псамметиха I³⁷ и Псамметиха II, что позволяет датировать некоторые находки первой половиной VII в. По имеются имена и более древних правителей Египта — Хефрена, Микерина, Тутмоса III и Петубастиса. Найдены также печать гиксосского фараона Мааibre (вторая половина XVII в. до н. э.) и погребальная статуэтка фараона Нехо II.³⁸ Наряду с этим на скарабеех встречаются

³³ P. A m i e t. Cylindres-sceaux orientaux trouvées à Carthage. CB, 1955, стр. 11—16.

³⁴ Kh. de P r o r o k. The excavations of the sanctuary of Tanit at Carthage. Annual Report of the Smithsonian Institution, 1925, стр. 572.

³⁵ J. V e r c o u t t e r. Les objets égyptiens et égyptisants du mobilier funéraire carthaginoise. Paris, 1945.

³⁶ А. П у к а с. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 253—254.

³⁷ Ср.: М. М o o r e. Carthage of the Phoenicians in the light of modern excavations New York, 1905, стр. 35—37, 46.

³⁸ J. V e r c o u t t e r. 1) Empreintes des sceaux égyptiens à Carthage. CB, 1952, стр. 37—45; 2) Une statuette funéraire de Necho II trouvée à Carthage. CB, 1955, стр. 23—28.

имена богов — Иисды, Амона, Ра и Хопсу, имена частных лиц — Пето-сириса, Имаху и др., а также магические формулы. На амулетах и скарабеях имеются изображения богов Хатор, Осириса, Пта, Бэса, Гора, Анубиса, Ра и Иисды.

Все эти находки не дают, конечно, исчерпывающего представления об объеме и характере карфагено-египетских и карфагено-переднеазиатских торговых связей, что связано, несомненно, со спецификой самих археологических комплексов — погребений, в которых они обнаружены. Однако они свидетельствуют о прочности и длительности этих связей и о том значительном культурном влиянии, которое Египет оказывал на Карфаген.

В Эгейском бассейне в VII—VI вв. Карфаген, судя по данным керамики, имел определенные контакты с Коринфом (или его колониями), Кикладскими островами, Ионией и Афинами, а также с Родосом. В погребениях VII в. на холме Юноны найдены коринфские вазы и ойнохон.³⁹ Как показывает исследование Е. Буше,⁴⁰ среди хранящихся в музее Лавигери (Карфаген) керамических коринфских изделий из некрополей Бирсы, Дуимес и Ард эль-Туиби могут быть выделены так называемые «пузатые» арибаллы (740—730 гг.), появляющиеся в начале VII в. яйцевидные и грушевидные арибаллы, исчезающие около третьей четверти VII в. В последней четверти VII в. отмечается возникновение «переходного» стиля, последние экземпляры которого датируются временем около 550 г. Конец VIII в. датируются хранящиеся в том же музее кикладские кубки. Значительный интерес представляют ионийская чернолаковая ваза, датируемая первой половиной VI в., и аттическая чернофигурная ойнохон.⁴¹⁻⁴³

Весь этот археологический материал представляет значительные трудности при его истолковании. Находка того или иного памятника, особенно если мы имеем дело с единичными находками, еще не дает оснований утверждать, что Карфаген имел торговые связи непосредственно с Афинами или Кикладскими островами, хотя это и не исключено. Вполне возможно, что кикладские или афинские изделия были доставлены в Карфаген финикийскими или коринфскими купцами. Однако в целом не подлежит сомнению, что систематическая торговля карфагян с Эгейским бассейном началась в середине VIII в. и с тех пор уже не прекращалась.

Значительное место в жизни Карфагена занимала торговля с Этрурией. Этрурские вазы бесчисленного встречаются в погребениях Карфагена VII—VI вв.⁴⁴ По своему стилю, как отмечает Е. Буше, они также датируются указанным временем.⁴⁵ В самой Этрурии, в частности в Популони, найдены значительные фонды финикийских изделий, среди которых, несомненно, должна быть и карфагенская продукция.⁴⁶ Однако при анализе этих памятников возникает ряд трудностей. Прежде всего, в целом ряде случаев оказывается невозможным отличить финикий-

³⁹ AA, 1931, стр. 471—472.

⁴⁰ E. Bouché. Céramique archaïque d'importation au Musée Lavignerie de Carthage. CB, 1953, стр. 11—12. Ср.: H. G. Payne. Necrocorinthia. Oxford, 1931, стр. 187 сл.

⁴¹⁻⁴³ E. Bouché. Céramique archaïque d'importation au Musée Lavignerie de Carthage, стр. 34.

⁴⁴ Публикации см.: BA, 1918, стр. 297 сл., 307 сл.; 1925, стр. CLII; 1927, стр. 451, 455.

⁴⁵ E. Bouché. Céramique archaïque d'importation au Musée Lavignerie de Carthage, стр. 34.

⁴⁶ Freiherr v. Duhn. Italische Gräberkunde, Bd. I. Heidelberg, 1924, стр. 283.

ские памятники от их египетских прототипов. Кроме того, не ясно, какие из памятников карфагенского, а какие ближневосточного происхождения. Наконец, не известно, кто доставил в Этрурию эти материалы — финикийцы, карфагеняне, этруски, греки или египтяне. В частности, как полагают, многочисленные находки финикийских изделий «египтизирующего» стиля — скарабеев, амулетов Осириса, статуэток Бэса, стеклянных бус — в погребениях Тарквиний, Цере, Визенции, Ветулонии, Волатерр, Рима, Пренесте, Капуи, Норбы, Суэссулы свидетельствуют о том, что азиатские финикийцы в VIII—VII вв. поддерживали связь с итальянскими рынками.⁴⁷ Если эта точка зрения справедлива, то тогда Карфаген и другие финикийские города Западного Средиземноморья выступали как конкурирующие центры в итальянской торговле. Но сравнительно недавно была выдвинута и иная точка зрения. В. фон Биссинг, в частности, высказал предположение, что найденные в Черветери сосуды, из которых один изображает обезьяну, поедающую какой-то фрукт, а другой — преклоненную лиц женщину, могли быть доставлены в Этрурию через Карфаген.⁴⁸ Современное состояние источников не позволяет окончательно решить этот вопрос, однако наличие длительных и прочных торговых связей Этрурии с Карфагеном вряд ли может быть оспариваемо.

Рост карфагенской торговли, чрезвычайно благоприятное стратегическое и географическое положение привлекали в город многочисленное разнородное и разноязычное население. Чрезвычайно показательным в этом отношении свидетельством таблички из слоновой кости, найденной в 1898 г. в одном из погребений холма св. Моника и имеющей этрусскую надпись (CIE, 5552): *mi ruinel karðazie kzφ...na*. Палеографически надпись может быть датирована, вероятно, VII или началом VI в.; в особенности характерны архаические написания букв *m* и *n*.⁴⁹ Как показал Э. Бенвенист, здесь перед нами генетивная конструкция с характерной частицей *mi*.⁵⁰ Таким образом, перевод той части текста, которая поддается истолкованию, должен быть: «Я — Руинела, карфагенянина». Владелец таблички был этруск, называвший себя карфагенянином, возможно получивший карфагенское гражданство.

Особый интерес представляет в табличке имя собственное *karðaz. Встречающееся у некоторых римских авторов *Carthada* (Solin, 27, 10; Serv., In Aen., I, 366; Isid., Etym. magn., I, 30) является, несомненно, латинской передачей финикийского *qrt hdšt*, но отнюдь не самостоятельной формой. Латинизированная форма *Carthada*, которой соответствует греческое *Καρθηδών*, явно свидетельствует о выпадении в живой пунийской речи окончания *-št*. С учетом сказанного может быть принято предположение Э. Бенвениста, поддержанное И. Фридрихом,⁵¹ о том, что этруское *karðaz восходит к форме *Carthada*. Однако было бы неправильным воз-

⁴⁷ U. Kahrstedt. *Phoenikischer Handel an der italischen Westküste*. Klio, 1912, стр. 461—473.

⁴⁸ W. v. Bissing. *Karthago und seine griechischen und italischen Beziehungen* SE, vol. VII, 1933, стр. 100.

⁴⁹ M. Pallotino. *Elementi di lingua etrusca*. Firenze, 1936, стр. 17—18.

⁵⁰ E. Benveniste. *La tablette d'ivoire de Carthage*. SE, vol. VII, 1933, стр. 245—249. Чтение *ruinel*, предложенное Э. Бенвенистом, неприемлемо, так как знак < в этруском алфавите имеет значение *r* (M. Pallotino. *Elementi di lingua etrusca*, стр. 17—18). См. об этой надписи: И. И. Залесский. *Этруски и Карфаген*. В кн.: Древний мир. М., 1962, стр. 521.

⁵¹ J. Friedrich. *Zum Namen von Karthago*. *Revue des études indoeuropéennes*, vol. III, 1943, № 1, стр. 20—29. За возможность ознакомиться с этой работой автор приносит свою благодарность проф. И. Н. Випникову. Арабская форма *qarṭāḡana*

водить латинское Carthago непосредственно к Carthada или к реконструируемой И. Фридрихом форме *qarthadon.⁵² Быть может, латинская форма восходит к этрусскому *karθaz с переходом этрусского z в латинское g. Недостаточная изученность этрусского языка не позволяет установить те фонетические закономерности, которые в данном случае проявились. Заметим, однако, что в ряде греческих диалектов также наблюдается соответствие позднего γ < δ архаическому ζ.⁵³ Если сказанное справедливо, то можно признать вероятным, что сведения о Карфагене и карфагенская продукция могли распространяться в Центральной Италии через Этрурию.

Раскопки многочисленных погребений на территории Карфагена показывают, что в VII в. до н. э. город значительно расширился, очевидно за счет притока ремесленников и торговцев. Показателем роста карфагенской торговли является и расширение искусственной гавани — котопа — путем постройки специального котона для размещения военных судов.⁵⁴

Все сказанное делает очевидным, что Карфаген не мог остаться в стороне от той активной борьбы за рынки, которая развернулась в Западном Средиземноморье в VIII—VII вв. Первые его действия в этом направлении обнаруживают прямое стремление к захвату Пиренейского полуострова. Активно вмешавшись в борьбу финикийян с Тартессом на подступах к Испании, Карфаген сумел добиться значительных успехов в этом районе.

Песомненно крупным его достижением была высылка колонии на Питиусские острова. Как сообщает Диодор (V, 16, 2—3), здесь через 160 лет после основания Карфагена, иначе говоря в середине VII в., была основана пунийская колония Эбес. Эта датировка восходит к рассказу Тимея, который, как мы видели, пользуется недостаточно достоверным вариантом хронологии. Поэтому, по данным дошедшей до нас традиции, возможна только приблизительная датировка основания Эбеса. Согласно описанию Диодора, основанный карфагенянами город представлял собой крупный центр финикийской торговли: Эбес «имеет и хорошие гавани, и стены больших размеров, и много хорошо построенных домов. Населяют же его различные варвары, в большинстве финикийяне». Уже рассказ Диодора исключает сомнения А. В. Мишулина в реальном существовании города;⁵⁵ археологический же материал, известный в настоящее время, в общем подтверждает сообщение Диодора. В частности, на острове Ибисса, само название которого, вероятно, является видоизмененной

(I b n K h o r d a d b e h. Kitab al Masalik wal-Mamalik. Ed. M. J. de Goeje. Lugdini Batavorum, 1889, стр. 87), о которой упоминает в своей работе И. Фридрих, видимо, восходит не к латино-испанскому Cartagena, как он считает, а к арамейским qarṭaginā (Lev., r. set., 27, 170^d) или qarṭaginī (Men., 110^a), происходящим от латинского Carthago—Carthaginis. Нам представляются необоснованными попытки видеть в тех изменениях, которые претерпевал топоним qrt ḥdšt в Северной Африке, влияние арамейского языка (F. Altheim, R. Stiel. Die Aramäische Sprache unter den Achaimeniden, Lief. 2. Frankfurt am Main, s. a., стр. 223—232), тем более что в дошедших до нас памятниках арамейского языка формы, близкие к Carthada, не засвидетельствованы.

⁵² Подобная реконструкция не обоснована. В греческом языке Carthada приняло форму чисто греческую — Καρχηδών, с переходом конечного ā в ō и его палатализацией, а также с выпадением t на стыке трех согласных.

⁵³ С. Я. Л у р ь е. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 50 сл.

⁵⁴ Ср.: O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I. Berlin, 1876, стр. 153—220; St. G e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. II. Paris, 1918, стр. 87 сл.; AA, 1931, стр. 471—472.

⁵⁵ А. В. М и ш у л и н. Античная Испания, стр. 234—235.

формой пунийского имени, исследован некрополь Пуиг д'Эс-Молинс, содержащий более пяти тысяч захоронений. Эти захоронения представляли собой сводчатые камеры, доступ в которые открывался через шахты. Здесь были обнаружены характерные для пунийских погребений антропоморфные саркофаги. Интересно, что наряду с индивидуальными здесь имели место и коллективные захоронения; в одном погребении находят до двадцати трупов. Среди инвентаря погребений найдены глиняные статуэтки. Некоторые из них представляют изображения мужчин с бородой, по-видимому связанные с культом Ваалхаммона. Однако большинство статуэток — женские фигурки с голубкой в руке. Предполагают, что в данном случае перед нами изображения Астарты. Имеются и статуэтки, выполненные в стиле символического изображения Тиннит. Керамический фонд Пуиг д'Эс-Молинс составляют несколько краснофигурных лекифов, стеклянные амфоры, а также большое количество карфагенских ваз, часть которых не имеет орнамента, а часть украшена характерным пунийским орнаментом в виде волнообразных горизонтальных полос. Значительный интерес представляет найденная здесь шарообразная ваза с совершенно необычной для пунийской керамики росписью — изображением восходящего солнца и распускающих свои лепестки цветов. Найдено здесь и некоторое количество монет, в том числе гадесской и эбесской чеканки. Некрополь Пуиг д'Эс-Молинс использовался в течение нескольких сот лет; наиболее древние погребения, как полагают, могут быть датированы началом VI в.⁵⁶

Как сообщает А. Гарсия-и-Бельидо, неподалеку от некрополя, в районе Пуиг д'Эн-Валльс, обнаружены остатки поселения — зданий, цистерн и т. д., а также подземного храма.⁵⁷ Мы не располагаем подробными публикациями этого археологического комплекса, однако даже в настоящий момент ясно, что некрополь Пуиг д'Эс-Молинс и поселение Пуиг д'Эн-Валльс представляют собой единый археологический памятник, который должен быть отождествлен с диодоровским Эбессом.

Очень интересен также депозит Исла Илана, где найдены архаические терракотовые статуэтки — схематические мужские изображения. Предполагают, что эти статуэтки могут быть датированы VII в.; на возможность такой датировки указывают северосирийские параллели.⁵⁸

В античной традиции сохранилось указание на вхождение Эбесса и Балсарских островов в систему владений Тартесса (Serv. In Aen., VII, 662). С этим указанием следует сопоставить сообщение Библии (Ps., LXXI, 10), где упомянуты «цари Таршиша и островов» (*mal'ākē taršīš we'yūm*) и где речь идет явно об одном государстве. Правда, в соответствующем тексте Септуагинты говорится: βασιλεῖς Θαρσὶς καὶ αἱ νῆσοι («цари Таршиша и острова»); это последнее чтение, однако, является, как нам кажется, результатом недоразумения. Мнение А. Шультена, который полагал, что источник не мог иметь в виду собственно Балеарские острова из-за их удаленности от Тартесса и что речь идет о трех

⁵⁶ Публикация Вивеса-и-Эскудеро (A. Vives y Escudero. La necropoli de Ibiza, 1917) нам недоступна. Описания см.: J. Roca. Les terracuites cartagineses d'Eivissa. Barcelona, 1938; A. de Castiño. Ibiza. RLV, Bd. VI, 1926, стр. 9—11; Ars Hispaniae, vol. I. Madrid, 1947, стр. 143 сл. За возможность использования книги Х. Рока мы приносим благодарность проф. П. Бошу-Гимперу.

⁵⁷ Ars Hispaniae, vol. I, стр. 145.

⁵⁸ P. Bosch-Gimpera. Fragen der Chronologie der phönizischen Kolonisation in Spanien. Klio, 1928, стр. 251. Однако попытка автора доказать, что Эбесс был основан до финикийской колонизации Испании, находится в вопиющем противоречии с источниками. Ср. также: A. Schulten. Tartessos, стр. 72; Ars Hispaniae, vol. I, стр. 150.

островах в устье реки Бетиса,⁵⁹ вряд ли обоснованно. Обладая значительным флотом и будучи в состоянии вести морскую войну с Гадесом, Тартессом, конечно, мог установить свое господство и на сравнительно более удаленных от Испании островах. Но если это так, то основание карфагенской колонии в Эбессе следует рассматривать как выступление Карфагена против Тартесса, может быть в союзе с Гадесом.

Эбесс упоминается в одной из посвячительных надписей из Карфагена (CIS, I, 266), которая гласит:

l rbt l nt pn b'l	Великой Тиннит, украшению Ваала
wl'dn lb'l hmn 'š ndr	и господу Ваалхаммону то, что посвятил]
[h nb'l bn bd'strt bn	[Ха]ннибаал сын Боданитарта сына
[mšn r 'š b'm ybšm	[Мацна]ра, человека в общине Ибусситов

Отождествление общины *yb'm* с колонией Эбесс сомнений не вызывает; слово *yb'* в финикийско-пуническом языке означает «сухой» ($\sqrt{yb'}$). Финикийское слово 'm («народ») в пунийских надписях обычно значит «община». Так, в ряде пунийских надписей упоминается 'm qrtb'd't — «народ карфагенян», т. е. община карфагенин (CIS, I, 270). Аналогичное словоупотребление мы встречаем и на монетах пунийско-сицилийской чеканки, на которых обычна легенда 'm m'hnt — «община военного лагеря».⁶⁰ Мацпар, упомянутый в надписи, как-то связан с данной общиной, он — «человек в общине Ибусситов». Возможен и другой перевод — «тот, который в общине Ибусситов», по сути дела это не меняет. Окончательно решить вопрос о том, каково было отношение Мацпара к общине, на данном этапе изучения вопроса не представляется возможным. Не исключено, что он был просто членом общины Ибусситов. Однако возможно и иное толкование. Посвячительные надписи в честь богини Тиннит и Ваалхаммона представляли собой официальные документы, для которых характерны следующие особенности: авторы этих надписей стремились запечатлеть в них свою родословную, которая, как правило, охватывала несколько поколений (в нашем случае перечисление доведено до второго поколения, что, вероятно, свидетельствует о сравнительной незначительности рода); посвящители, кроме того, стремились запечатлеть в тексте общественное положение каждого своего предка в существовавших тогда официальных терминах. Обе эти отличительные черты наблюдаются и в рассматриваемом тексте. Таким образом, можно предполагать, что выражение «человек в общине» (соответственно и «который в общине») представляло собой официальный титул, характеризовавший общественное или служебное положение данного лица. Когда речь шла о членах общины — гражданах, в пунийских текстах обычно употреблялась форма имени принадлежности, аналогичная арабской писбе (ср., например: CIS, 4323: *hmqtly* — «муктеец»), либо термин *b'l* — «хозяин», «гражданин» (ср., например: RES, I, 163—164: *b'l hmktrm* — «гражданин Мактара»; аналогичное словоупотребление имеется и в Библии, см., например: Iud., IX, 2 сл.) Поселенцы-метэки обозначались в пунийских надписях термином *mšb* (RES, I, 237; ср. в Библии термин *ger* (Gen., XIII, 48) и аналогичный пунийскому термин *tōšāb* (Gen., XIII, 45, $\sqrt{y b}$), употребляемый, однако, сравнительно редко). Отсюда может следовать, что выражение 'š b'm, не обозначает ни гражданина общины, ни поселенца-метэка. Быть может, посвящитель являлся должностным лицом — резидентом карфагенского

⁵⁹ A. Schulten. Tartessos, стр. 40.

⁶⁰ B. V. Head. Historia nummorum. Oxford, 1911, стр. 877.

правительства в колонии. Косвенным подтверждением этого является то обстоятельство, что надпись была найдена в Карфагене; это, возможно, указывает на карфагенское гражданство посвяtitеля. Если высказанное нами предположение справедливо, то отсюда можно было бы сделать вывод, что карфагенские колонии были административно подчинены своей метрополии.

Создание базы в Эбессе позволило пунийцам предпринять наступление и непосредственно на юг Пиренейского полуострова. У Юстина (XLIV, 5, 2—3) имеется сообщение об удачной войне, которую карфагеняне вели здесь в союзе с Гадесом: «Так как соседние народы Испании мешали основанию нового города (Гадеса, — *И. III.*) и, кроме того, беспокоили гадитан войной, карфагеняне послали помощь родственникам по крови. Там счастливой экспедицией они и гадитан освободили от насилий, и большую часть области (*provinciae*) подчинили своей власти».⁶¹ Несомненно, что подобная экспедиция могла быть осуществлена только после основания Эбесса, следовательно во второй половине VII в. до н. э.⁶² Те условия, в которых Гадес находился буквально с первого дня своего существования, показывают, что наиболее вероятным противником карфагено-гадесской коалиции был Тартесс. Возможно, в тот период Гадес потерпел определенный урон в борьбе со своим извечным противником. Как видим, экспедиция карфагенян добилась осуществления сразу трех целей: Гадес был избавлен на некоторое время от угрозы со стороны своего старого конкурента; Тартесс был ослаблен и потерял часть своей территории, которая попала под власть Карфагена; последний получил возможность обосноваться на ближних подступах к драгоценным иберийским металлам, непосредственно на территории Пиренейского полуострова. Однако здесь Карфаген столкнулся еще с одним противником — Гадесом, который так недавно выступал в роли его союзника.

В источниках имеется сообщение об осаде и взятии карфагенянами Гадеса, причем с этим событием связывалось изобретение тарапа, предназначавшегося для разрушения крепостных стен: «Упоминается, что раньше всего для осадных работ были изобретены „бараны“. А было это так. Карфагеняне для осады Гадеса разбили лагерь. И, захватив сначала укрепление, они попытались его разрушить. Но так как они не имели для разрушения железных орудий, они взяли бревно и, поддерживая его руками и непрерывно ударяя его головной частью по верху стены, сбрасывали верхние ряды камней. И так постепенно, ряд за рядом они разрушили всю крепость. После этого пекий тирский ремесленник по имени Пифрасмен, вдохновленный этим опытом и изобретением, установил вертикальный столб, к нему приделал другой, поперечный, наподобие весов, и, то отводя назад, то ударяя, сильными ударами разрушил стену гадитан» (*Vitruv., De arch., X, 13, 1—2*). В этом предании имеется ряд маловероятных подробностей. В частности, вряд ли финикийцы были изобретателями тарапа. Известно, что тарап применялся уже ассирийцами во время их осадных работ.⁶³ Не исключено, что тирийцы участвовали в походе Карфагена против Гадеса, хотя «грецизация» имени тирского ремесленника, изобретателя тарапа, свидетельствует о том, что традиция

⁶¹ В рукописях встречается чтение *maioem* и *maioem iniuriam*. В последнем случае, однако, текст теряет смысл.

⁶² Ср.: A. Schulten. Tartessos, стр. 41. Автор относит сообщение Юстина ко времени основания Гадеса.

⁶³ И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Плотровский, Н. Флитнер. Очерки по истории техники древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 120—123.

о борьбе Карфагена с Гадесом подвергалась обработке в греческой литературе и поэтому не вполне достоверна. Единственно бесспорным указанием Витрувия в данном отрывке следует признать, видимо, сообщение об осаде карфагенянами Гадеса.

В литературе имелись попытки истолковать сообщение Витрувия как сообщение об освобождении Гадеса от тартесского господства. Согласно одной точке зрения, гадитапе и карфагеняне, имея единое этническое происхождение, легко могли договориться между собой, и в связи с этим, как утверждают, Гадес добровольно перешел под власть Карфагена.⁶⁴ Согласно другой точке зрения, в сообщении Витрувия имеется в виду не Гадес, а Тартесс. Сторонники этого мнения ссылаются на то, что в поздних текстах Гадес часто отождествляется с Тартессом.⁶⁵ Обе указанные точки зрения должны быть отвергнуты.

Для Гадеса проникновение карфагенян на территорию Испании представляло смертельную угрозу его монопольному положению в международной торговле драгоценными металлами. Трудно допустить, чтобы этническая связь, если она и ощущалась, могла оказаться сильнее этих экономических противоречий. Во всяком случае этническая близость к Карфагену не помешала, как известно, Гадесу, Утике и ряду других финикийских поселений в Западном Средиземноморье перейти на сторону Рима во время Пунических войн. Что же касается тезиса о смешении наименований, то следует иметь в виду, что древние, помимо Гадеса, смешивали Тартесс и с Картией (Plin., Nat. hist., 3, 7; App., Iber., 2, 63; Mela, 2, 96; Paus., 6, 19, 3), а также с рядом иных пунктов вне пределов Испании. Любопытно, что у Плиния встречаются обе основные версии (ср.: Plin., Nat. hist., 4, 120: «Гадес. . . наши называют Тартессом»), причем не ясно, какой из двух версий автор отдает предпочтение. Другим немаловажным обстоятельством является, как указывает и А. Шульцен, то, что смешение Гадеса с Тартессом встречается впервые у римских авторов I в. до н. э. (Cic., Ad Att., 7, 9, 11; Sall. Hist., 2, 5). Ясно, что подобные отождествления были следствием полного или частичного забвения пунийской или тартесско-турдетанской традиции.⁶⁶ В нашем распоряжении нет каких-либо данных, которые позволяли бы утверждать, что, говоря о Гадесе, источник имеет в виду Тартесс. Можно предполагать, что источником, к которому восходит сообщение Витрувия, было обработанное греками пунийское предание, в котором такое отождествление было фактически невозможным.

Все сказанное заставляет признать вероятным, что в рассказе Витрувия речь идет об осаде карфагенянами Гадеса, причем не исключена возможность применения во время осадных работ тарана. Обращает на себя внимание ожесточенность осады и штурма города, а также то, что карфагеняне полностью разрушили укрепления Гадеса. Такие разрушения были бы не нужны, если бы Карфаген освобождал Гадес, но они вполне объяснимы, если учесть, что пунийцы стремились лишить Гадес всякой способности к дальнейшему сопротивлению, ослабить и обескровить его. Датировать падение Гадеса следует, видимо, также второй половиной или концом VII в. до н. э.

Захватив Гадес, Карфаген, несомненно, подчинил себе и другие финикийские колонии на юге Испании. Однако мы не располагаем данными,

⁶⁴ Ср.: А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 254—255.

⁶⁵ А. Schulten. Tartessos, стр. 74, 91 сл.

⁶⁶ Ср.: А. М. De Guardán. Gades como heredera de Tartessos en amonedaciones conmemorativas del praefectus classis. AEA, № 103, 1961, стр. 53—89.

которые позволили бы датировать VII в. основание в Испании собственно карфагенских колоний. Археологические материалы Барии в устье реки Альмансор — обычные пунийские погребения, в которых найдены, в частности, культовые статуэтки Тиннит и разрисованные страусовые яйца, а также цистерны для приготовления гарума и засолки рыбы, — датируются обычно временем не раньше V в. до н. э.⁶⁷ Но основание колоний в конце VII или в VI в. весьма вероятно.

В течение продолжительного времени Тартесс боролся против финикийян в полном одиночестве, не имея сколько-нибудь серьезных союзников. Насколько мы осведомлены, почти все выступления тартесситов против финикийян заканчивались неудачей. Можно предполагать, что территория Тартесса значительно уменьшилась в своих размерах, он оказался почти отрезанным финикийскими колониями от средиземноморского мира.

Неудивительно, что правители Тартесса с большой радостью услышали о появлении у берегов Испании фокейских купцов, в которых они увидели врагов карфагенян и, следовательно, своих естественных союзников. Геродот (I, 163) рассказывает, что, «прибыв в Тартесс, они (фокейцы, — *И. III.*) стали союзниками (προσφίλεις) царя тартесситов по имени Аргантоний». Сообщение Геродота о том, что царь Тартесса предложил фокейцам «заселить часть его земли, где пожелают», свидетельствует о глубокой заинтересованности Тартесса в фокейской колонизации, а также о том, что Тартесс поддерживал фокейцев при основании колоний. Геродот рассказывает и о помощи, которая была оказана Тартессом в укреплении Фокеи, в подготовке ее к обороне против мидийского нашествия. Последний факт свидетельствует о прочности и разносторонности заключенного союза.

Первая фокейская колония, Массалия, была основана около 600 г. до н. э. (ср. Solin, II, 52; Liv., V, 34; Iust., XVIII, 3) неподалеку от устья реки Родан. У Фукидида (I, 13) имеется краткое, но важное указание, посвященное древней истории этого города: «Фокейцы, живущие в Массалии, побеждали в морских сражениях карфагенян».⁶⁸ О столкновениях карфагенян с основателями Массалии упоминает и Павсаний (X, 8, 6), который ставит захват фокейцами земель в Лигурии в прямую связь с поражением карфагенян: «Имея более сильный флот, чем карфагеняне, они (фокейцы, — *И. III.*) захватили землю, которою владеют». Юстин (XLIII, 5, 12) рассказывает, что предлогом к конфликту между карфагенянами и массалиотами послужил захват рыбачьих судов; правда, из его изложения невозможно установить, чьи именно суда и кто захватил, а также не ясно, имеет ли Юстин в виду те события, о которых рассказывает Павсаний, или иные. Юстин сообщает о частых поражениях, которые массалийцы наносили карфагенскому войску. Это предполагает определенную длительность событий и соответствует сообщению Фукидида. Особенно важно, что Юстин говорит о союзе массалиотов с «испанцами», под которыми Помпей Трог или его источник, быть может, имели в виду Тартесс.⁶⁹

⁶⁷ А. В. М и ш у л и н. Античная Испания, стр. 231; R. M e n e n d e z P i d a l. Historia de España, vol. I, pt. 2. Madrid, 1952, стр. 355.

⁶⁸ А. Сони обоснованно полагал, что в отрывке Фукидида речь идет о событиях, имевших место около 600 г. (А. С о н и у. De Massiliensium rebus quaestiones. Petropolis, 1887, стр. 5—8). Мнение Хр. Розе, отрицающего достоверность сообщения Фукидида, не доказано (Chr. R o s e. Ein Emblem bei Thukydides. Jahrbucher für klassische Philologie, 1887, стр. 257—268).

⁶⁹ Н. Бош-Гимпера не учитывает приведенные материалы (P. B o s c h - G i m p e r a. The Phokaians in the Far West. The Classical Quarterly, 1944, № 1—2, стр. 53 сл.).

Все эти данные позволяют реконструировать в общих чертах ход событий, однако недостаточная ясность источников не позволяет сделать более точные выводы. Видимо, фокейцы появились у берегов Лигурии тогда, когда карфагенянами уже были установлены более или менее прочные торговые связи с местным населением. Находка в районе Массалии знаменитого тарифа жертвоприношений местного финикийского храма, а также открытие в районе Авиньона финикийского погребения с соответствующей надписью⁷⁰ косвенно свидетельствуют, хотя сами тексты и датируются обычно IV в. до н. э., о давней и глубокой заинтересованности карфагенян в лигурийских делах. Согласно храмовому тарифу жертвоприношений, финикийская община в Массалии имела своих эпонимных магистратов — суфетов и, видимо, в своей внутренней жизни была независима от греческого полиса. О давних связях карфагенян с лигурийцами свидетельствует, вероятно, и факт вербовки в Лигурии наемников в пунийскую армию уже в начале V в. (ср.: Herod., VII, 165). Карфагену пришлось столкнуться с коалицией двух крупных морских держав, которая имела численное превосходство на море. После ряда поражений карфагеняне, видимо, надолго были вытеснены из Лигурии. Не вполне ясна роль этрусков в этих событиях. Они вряд ли оставались равнодушными наблюдателями военных действий, непосредственно затрагивавших сферу их торговых интересов.⁷¹

Как бы то ни было, разгромленный в результате военных действий, Карфаген оказался вынужденным примириться с появлением на лигурийской территории нового соперника, а также с колонизацией Массалией восточного побережья Пиренейского полуострова, в непосредственной близости от финикийских городов. Так, Майпака — греческая колония — находилась на расстоянии 1 км от финикийской Малаки (ср.: Av., Ora mar., 426 сл.; Per. Ps.-Scymn., 145). Кроме нее, фокейцами были основаны Алонис южнее мыса Hao (St. Byz., s. v. Ἀλώνις), Гемероскопейон (St. Byz., s. v. Ἡμεροσκοπεῖον; Strabo, III, 159, 161; Av., Ora mar., 476) и др.⁷² Самый факт основания греческой колонии в непосредственной близости от финикийской свидетельствует об очень тяжелом поражении карфагенян, а также об остроте конкурентной борьбы в этом районе.

К концу VII в. карфагеняне теряют и свои итальянские рынки. Как показал У. Карштедт, массовый ввоз финикийских изделий в Италию во второй половине VII в. прекращается и такое положение длилось, по всей видимости, до второй половины VI в.⁷³ Надо думать, положение особенно обострилось после основания на острове Корсика города Алалия, что произошло, как рассказывает Геродот (I, 165), за двадцать лет до захвата Фокеи персами, т. е. в первой половине VI в.⁷⁴ Согласно сообщению Геродота (I, 166), фокейцы занимались грабежом соседей и, вероятно, полностью дезорганизовали морскую торговлю на подступах к Италии.

О политике карфагенян в Сицилии в указанный период (VII—VI вв.) мы осведомлены значительно хуже. В нашем распоряжении имеется лишь

⁷⁰ M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, стр. 428—429; G.-A. Cooke. A text-book of North-Semitic inscriptions, стр. 112—122.

⁷¹ Н. Н. Залесский. Этруски в Лигурии. ВДИ, 1958, № 1, стр. 71.

⁷² Подробно см.: А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 235—247; Ars Hispaniae, vol. I, стр. 165—195.

⁷³ U. Kahrstedt. Phoenikischer Handel an der italischen Westküste, стр. 463—464.

⁷⁴ Ср.: St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 414.

краткое упоминание об удачных войнах, которые карфагеняне в течение продолжительного времени вели в Сицилии (Iust., XVIII, 7, 1). Во главе пунийской армии стоял полководец Малх.⁷⁵ В данном случае это, несомненно, имя собственное (CIS, III, 4849), а не прозвище, как предполагалось ранее. Косвенное указание даты экспедиции Малха имеется у Орозия (IV, 6), который говорит об одновременности деятельности Малха и Кира. Учитывая, что завоевание Киром Мидии и основание им Персидской державы датируются временем около 550 г., а захват им Вавилона — 538 г., можно предположить, что походы Малха должны были происходить в промежутке между этими датами и во всяком случае задолго до битвы при Алалии (535 г.). Нам представляется наиболее вероятной датировка походов Малха серединой VI в. — 60—50 гг.⁷⁶

Источники не сообщают каких-либо сведений о противниках, с которыми Малх столкнулся в Сицилии. Наиболее вероятно, что интервенция карфагенян была вызвана угрозой со стороны тирапа Акраганта и Гимеры Фаларида,⁷⁷ хотя какая-либо традиция о столкновениях между ними отсутствует. Походы Малха имели своим последствием создание в Сицилии зоны карфагенского господства (*cuius auspiciis et Siciliae partem domuerant*); по-видимому, под власть Карфагена попало и сицилийское государство финикийцев. Согласно первому договору Карфагена с Римом, римляне могли вести торговлю в финикийских городах Сицилии без надзора со стороны карфагенских властей (Polyb., III, 22). Вероятно, такое положение создалось вследствие уступок со стороны карфагенян сицилийским финикийцам.

Поход Малха в Сардинию оказался менее удачным. Значительная часть его армии погибла в сражении с сардами — наиболее вероятным его противником здесь. Это поражение имело для карфагенян настолько большое значение, что полководец и оставшаяся часть его армии были приговорены к изгнанию (Iust., XVIII, 7, 1—2). О причинах войны в Сардинии можно только догадываться. Возможно, что экспедиция Малха имела своей задачей обеспечение безопасности финикийских колоний от нападений сардов. Не исключено, что какое-то участие в событиях приняли и фокейцы из Алалии.

Неудача Малха способствовала укреплению положения фокейцев на подступах к Италии. Она поставила под угрозу и финикийские колонии в прилегающих к Италии районах Средиземноморского бассейна. Во внутренней жизни Карфагена она привела к резкому обострению внутриполитической борьбы.

Согласно рассказу Юстина (XVIII, 7, 3 сл.), который в этом вопросе является нашим единственным источником, после поражения в Сардинии Малх вместе со своими войсками был приговорен к изгнанию. В этом факте

⁷⁵ Конъектура Фосса.

⁷⁶ Ср.: G. G l o t z. *Histoire grecque*, vol. I. Paris, 1925, стр. 191; St. G s e l l. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 431; Н. Н. З а л е с к и й. *Этрусски и Карфаген*, стр. 522. Работа П. Мелони, посвященная хронологии походов Малха (P. M e l o n i. *La cronologia delle campagne di Malco*. Studi Sardi, vol. VII, 1947, стр. 105 сл.), нам недоступна. Т. Дж. Данбэбин полагает, что жертвоприношение Малха в Тире могло быть совершено только до взятия Тира Навуходоносором II в 573 г. и, следовательно, его походы должны быть датированы более ранним временем (T. J. D u n b a b i n. *The western Greeks*. Oxford, 1948, стр. 333). Однако, учитывая, что Тир после своего перехода под власть Навуходоносора II сумел быстро возобновить свои торговые связи, а также принимая во внимание указание Орозия, гипотезу Данбэбина приходится признать недостаточно обоснованной, хотя такая возможность и не исключена.

⁷⁷ T. J. D u n b a b i n. *The western Greeks*, стр. 333.

следует видеть, возможно, результат интриг со стороны враждебных Малху политических группировок. Воины во главе с полководцем отказались подчиниться решению своего правительства. Согласно преданию, Малх направил в Карфаген послов, которые должны были просьбами и угрозами добиться отмены принятого решения. Но посольство не увенчалось успехом. Получив отказ, Малх осадил свой родной город и взял его штурмом. Созвав народное собрание (*contio*), он добился решения о казни высших магистратов и установил свою власть над городом. Юстин говорит даже о введении Малхом собственного законодательства (*urbem legibus suis reddidit*). Но власть Малха была непрочной. Политические противники обвинили его в стремлении к царской власти. В этом сообщении Юстина, возможно, имеет место анахронизм, поскольку такие политические обвинения были характерны для Рима I в. до н. э. Однако не исключено, что и в данном случае рассказ Помпея Трога—Юстина воспроизводит непосредственно рассказ Гиппагора, восходящий к пунийской традиции. Но тогда следовало бы сделать вывод, что ликвидация в Карфагене царской власти сопровождалась борьбой между различными политическими группировками и что стремление к царской власти, которая могла представляться олицетворением враждебной народу тирании, встречало в Карфагене резкое сопротивление. Как бы то ни было, из рассказа Юстина определенно следует, что Малх был обвинен в стремлении к установлению своей единоличной власти, свергнут и казнен.

Созыв народного собрания явно свидетельствует о попытке Малха опереться в борьбе со своими политическими противниками на народные массы. Не следует также забывать, что солдаты Малха были карфагенскими гражданами. В Карфагене, очевидно, существовало значительное движение, направленное против господства олигархии, — движение, которым Малх пытался воспользоваться в своих целях. Убийство десяти правителей с санкции народного собрания, а также введение в Карфагене законов Малха свидетельствуют в защиту нашего предположения. К сожалению, мы не осведомлены о характере законодательной деятельности Малха. Однако из изложения Юстина ясно, что говорить о демократическом характере переворота нет оснований. Скорее речь идет о столкновении внутри олигархической верхушки, причем одна из враждовавших группировок прибегла к поддержке народных масс.

Социальная база диктатуры Малха оказалась непрочной. Неудачливый полководец не сумел сплотить вокруг себя на сколько-нибудь длительное время народные массы, чем и объясняется недолговечность его диктатуры.⁷⁸

Преемником Малха источник называет Магона, довершившего создание Карфагенской державы (*Iust.*, XVIII, 7, 19) и, вероятно, принимавшего активное участие в низвержении своего предшественника и в подавлении антиолигархического движения народных масс.⁷⁹

---

⁷⁸ Г. Людеман считает многие детали предания о Малхе, в частности рассказ о его военных успехах в Сицилии и Африке, недостоверными (*H. Lüdemann. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Böttrop, 1933, стр. 37—40*). Он, несомненно, прав, когда видит в рассказе следы литературной обработки в духе греческой риторике (в частности, эпизод казни Картагона). Однако какие-либо данные, опровергающие сообщение Юстина, пока отсутствуют. Более того, обычная достоверность рассказов Юстина, касающихся истории Карфагена, свидетельствует, по нашему мнению, в пользу достоверности и этой части его повествования.

⁷⁹ Попытка Г. Людемана отождествить Магона с Галлионом — руководителем пунийской экспедиции за Геракловы Столпы (*H. Lüdemann. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos, стр. 40—41*) — представляется необоснованной.

III

Придя к власти, Магон провел целый ряд важных в политическом отношении реформ. Из них Юстин (XIX, 1, 1) особо отмечает упорядочение военной организации. Обычно полагают, что под этим источник имеет в виду создание в Карфагене наемного войска, значительно превосходившего по своей численности и боевым качествам гражданское ополчение.⁸⁰ Это мнение можно признать наиболее обоснованным. Действительно, в дальнейшем мы встречаемся только с наемными войсками карфагян; отряды, составленные из граждан города, играли сравнительно незначительную роль. Создание такого войска, связанного не с государством, а лично с полководцем (*imperator*), каковым являлся Магон, дало в руки последнего мощное оружие захвата власти, которым Малх не располагал. Наемная армия стала в Карфагене важной политической силой. Правители города вынуждены были с нею считаться. Не случайно и после свержения власти Магонидов в середине V в. пунийские полководцы, пытаясь захватить власть, старались использовать прежде всего наемные войска. Уместно напомнить и о значительной роли наемников в восстании 241—239 гг. В то же время нельзя не отметить, что реформа Магона носила явно антидемократический характер. Создание наемной армии с основным контингентом из иностранцев — иберов, лигуров и других — отстраняло карфагенский плебс от несения военной службы и тем самым ограничивало для него возможность влияния на государственные дела.

По-видимому, после прихода к власти Магона был заключен и союз карфагян с этрусками, о котором сообщают Геродот (I, 165) и Аристотель (*Polit.*, III, 5, 10). Последний в своем изложении выделяет три типа договоров Карфагена с этрускими городами: договоры о торговле (*συνθήκαι περὶ τῶν εἰσαγογῶν*), договоры о недопущении противозаконных действий против другой договаривающейся стороны (*συνθόλα περὶ τοῦ μὴ ἀδικεῖν*), а также письменные соглашения о военном союзе (*γραφαὶ περὶ συμμάχιας*).

Безусловно, появление столь детализованных соглашений предполагает сравнительно длительный период дружественных сношений. Нет оснований предполагать, что соглашение карфагян с этрусками, заключенное до битвы при Алалии, включало все условия позднейшего договора Карфагена с Римом и все детальные специальные соглашения, известные по рассказу Аристотеля. Союз, заключенный Магоном с этрусками, носил чисто военный характер (*Herod.*, I, 166; *Pind.*, *Pyth.*, I, 72).⁸¹

Таким образом, можно утверждать, что в середине VI в. складывается карфагено-этрusco-иберский союз, явно враждебный по своим целям фокейско-тартесской коалиции. Пойти на союз с Карфагеном заставила этрусков, очевидно, угроза побережью Италии со стороны фокейцев, прежде всего со стороны Алалии. Некоторые данные Геродота (VII, 166) позволяют предполагать, что Магон путем династического брака обеспечил себе поддержку или по крайней мере благожелательный нейтралитет со стороны Сиракуз, которые также могли быть заинтересованы в уничтожении фокейских конкурентов.

То сообщение Геродота (VII, 165), на которое ссылается Людеман и где пунийский полководец Гамилькар, павший в битве при Гимере, назван сыном Ганнона, основано на изустной и, очевидно, неточной традиции.

⁸⁰ St. Gsell. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 421.

⁸¹ Ср.: И. И. Залеский. Этрусски и Карфаген, стр. 522—523. Автор не выделяет в своем изложении этапов развития карфагено-этрusco-иберских договорных отношений, что, с нашей точки зрения, вряд ли правильно.

Союз с этрусками позволил карфагенскому правительству добиться определенного перелома в борьбе за средиземноморские рынки. В морской битве при Алалии (535 г.) союзники, обладавшие значительным численным превосходством (по сведениям Геродота (I, 166), они выставили 120 судов — по 60 от этрусков и пунийцев — против 60 фокейских), полностью разгромили фокейский флот. Сорок кораблей греков были потоплены и только двадцать сумели скрыться в Алалию. Битва носила столь ожесточенный характер, что все пленные, захваченные этрусками и карфагенянами, были перебиты. Потерпев поражение, фокейцы не решились вести дальнейшую борьбу на подступах к Центральной Италии. Покинув Корсику, они переселились в Регий. Это позволило восстановить в полном объеме карфагено-этрусскую торговлю,⁸² что явилось одним из важнейших результатов битвы при Алалии.

Разгром фокейцев позволил карфагенянам начать активное наступление и в Сардинии. Базой этого наступления служила, видимо, Нора. Может быть, с потребностями ведения длительной борьбы против сардов связана постройка от Норы в глубь острова мощной дороги, шириной примерно в 4 м; высота ее над материком составляла около 0.5 м.⁸³ После разгрома фокейцев карфагеняне основали в Сардинии свои колонии — Каралис (совр. Кальяри) и Сулх (совр. Сульчи; ср.: Paus., Descr. Graec., X, 17, 9). Как показали раскопки А. Тарамелли, Каралис первоначально был основан на мысе Сан-Элиа. Видимо, новый и быстро растущий центр, оттеснив Нору на задний план, занял на острове первенствующее положение.⁸⁴

Однако основание колоний далеко не обеспечивало карфагенянам полного господства на острове. Еще в конце VI—начале V в. карфагеняне вели продолжительную и тяжелую войну здесь, причем один из Магонидов, руководивших этими операциями, — Гасдрубал погиб, оставив командование своему брату Гамилькару (Iust., XIX, 3—6). Об ожесточенности борьбы свидетельствует запустение в указанный период сардских поселений, в том числе и таких крупных, как Ангелу Рую.⁸⁵ Сарды уходили в труднодоступные горные районы центральной части острова; по всей видимости, окончательно подчинить их своей власти карфагенянам так и не удалось.

Наконец, битва при Алалии позволила карфагенянам изолировать Тартесс и повести успешное наступление на юг Испании. Пунийские изделия последней трети VI в., находимые не только в финикийской, но и в греческой зоне влияния (некрополь эль-Молар),⁸⁶ свидетельствуют об удачных попытках Карфагена расширить сферу своей торговли в Испании, об активизации его политики, направленной на вытеснение греков с Пиренейского полуострова. Вероятно, вскоре после битвы при Алалии Карфаген принял меры к уничтожению Тартесса, своего наиболее опасного противника в этом районе. В нашем распоряжении отсутствуют данные, которые позволили бы более или менее точно датировать гибель Тартесса, однако А. Шульцен, несомненно, прав, принимая как *terminus*

⁸² Ср.: U. K a h r s t e d t. *Phoenikischer Handel an der italischen Westküste* стр. 461—473.

⁸³ G. P a t r o n i. *Nora, colonia fenicia in Sardegna*. MA, 1905, стр. 120.

⁸⁴ A. T a r a m e l l i. *La necropoli punica di predio Ibba a S. Avendrace*. MA, 1912, стр. 45—46.

⁸⁵ Freiherr von D u h n. *Italische Gräberkunde*, Bd. I. Heidelberg, 1924, стр. 111—112.

⁸⁶ P. B o s c h - G i m p e r a. *Una guerra fra cartaginesi e greci in Spagna*. *Rivista di filologia classica*, 1950, стр. 315.

ante quem 510/9 г. — дату заключения первого договора Карфагена с Римом. В противном случае было бы беспредметным запрещение римлянам плавать за мыс Палос — Прекрасный мыс договора.⁸⁷ Но поскольку этот договор не первый в своем роде и далеко не единственный договор Карфагена с его итальянскими контрагентами, можно предположить, что Тартесс был разрушен в конце 30-х — начале 20-х годов VI в., вскоре после битвы при Алалии. В том варианте библейского текста, который был положен в основу греческого перевода Семидесяти — Септуагинты, нашел косвенное отражение факт падения Тартесса, а также то обстоятельство, что Карфаген после этого занял в жизни Западного Средиземноморья место, ранее принадлежавшее Тартессу. В пророчестве Исаии (XXIII, 1 сл.) Тиру повсеместно, где в масоретском тексте Библии речь идет о Тартессе, в Септуагинте упоминается Карфаген. Сказанное позволяет установить и *terminus post quem* возникновения этого памятника в изводе Септуагинты — не ранее конца VI в. до н. э.

Разгром фокейцев в битве при Алалии, явное преобладание карфагенян в западной части Средиземноморского бассейна поставили союзников — этрусков и пунийцев — перед необходимостью более детально регламентировать свои взаимоотношения для того, чтобы карфагеняне не нарушали целостности Италии, не создавали там своих колоний и чтобы не терпела ущерба торговая монополия карфагенян. Образцом договоров, которые карфагеняне заключали с городами, находившимися в сфере этруского владычества,⁸⁸ является, как полагают некоторые,⁸⁹ первый договор Карфагена с Римом, дошедший до наших дней в изложении Полибия (III, 22, 4—11). Полибий датирует его консульством Люция Юния Брута и Марка Горация — первым консульством после установления в Риме республики, иначе говоря временем за 30 лет до вторжения Ксеркса в Грецию (Polyb., III, 22, 1—2). Таким образом, договор может быть датирован 510/9 г. до н. э.⁹⁰ Эта датировка, восходящая к римской традиции, несомненно, вполне достоверна. Текст договора, приводимый Полибием, переписан, судя по его собственным словам, с официального документа — надписи. Любопытно, что греческий историк сумел отметить и архаичность языка латинского оригинала, весьма затруднявшую понимание текста (Polyb., III, 22, 3). Сказанное исключает всякие сомнения в подлинности договора, текст которого мы воспроизводим ниже: «На следующих условиях быть дружбе между римлянами и союзниками римлян и карфагенянами и союзниками карфагенян. Ни римлянам, ни карфагенянам не плавать за Прекрасный мыс, если они не будут припущены бурей или врагами. Если же кто-нибудь силой будет занесен, то да не будет ему позволено ни покупать что-либо, ни брать что-либо, кроме того, что необходимо для ремонта судна или для жертвоприношений, и в течение пяти дней пусть он удалится. Тем же, кто прибудет ради торговли,

⁸⁷ A. Schulten. Tartessos, стр. 73.

⁸⁸ Существование договора, регулировавшего взаимоотношения Карфагена с Римом, позволяет предположить, что эти соглашения карфагеняне заключали не с этруским Двенадцатиградием в целом, но с отдельными городами, входившими в него. Н. Н. Залесский (Этруски и Карфаген, стр. 523) оставил этот вопрос нерешенным.

⁸⁹ Таково мнение Ф. Уолбанка (F. W. Walbank. A historical commentary on Polybius, vol. 1. Oxford, 1957, стр. 342—343), который в этой связи отмечает указание Дионисия Галикарнасского (I, 28, 2) о том, что многие историки считали Рим этруским городом.

⁹⁰ L. Wickert. Zu den Karthagerverträgen. Klio, 1938, стр. 349—358; R. L. Beacumont. The date of the First Treaty between Rome and Carthage. JRS, 1939, стр. 86. Ср.: A. Aumard. Les deux premiers traités entre Rome et Carthage. REA, 1957. № 3—4, стр. 277.

да не будет никакого расчета, кроме как в присутствии глашатая или писца. То же, что будет продано в их присутствии, да будет оплачено под государственной гарантией продавцу — то, что будет продано либо в Ливии, либо в Сардинии. Если же кто-нибудь из римлян прибудет в Сицилию, которой управляют карфагеняне, то да будет одинаковым «с карфагенянами» все, что касается римлян. Карфагеняне же пусть не притесняют народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркентов, тарракинитов и никакой другой народ из латинян, которые подвластны «римлянам». Если же какие-нибудь «пароды» не являются подвластными, то пусть они (карфагеняне, — *И. III.*) не приближаются к городам, если же захватят, то пусть передадут римлянам в целости. Пусть они не основывают крепости в Лациуме. Если же как враги они войдут в страну, то пусть не перепочуют в стране».

Как видим, договор резко распадается на две части, первая из которых содержит обязательства римлян, а вторая — обязательства карфагенян. Для Рима в конце VI в., который не располагал флотом и не вел сколько-нибудь значительной торговли, запрещение плавать за Прекрасный мыс и регламентация торговли в Африке, Сицилии и Сардинии не имели практического значения. Введение таких условий заметно отражалось на интересах тех, кто в действительности вел торговлю с карфагенянами, прежде всего на интересах этрусков. Из сказанного ясно, что образцом договора карфагенян с Римом послужили их договоры с этрускими городами. Необходимость урегулировать взаимоотношения с Римом после свержения этруской царской династии и выхода Рима из сферы этруского влияния заставила карфагенян, поскольку они были заинтересованы в торговле с Центральной Италией, пойти на заключение такого соглашения. Рим в свою очередь был заинтересован в обеспечении безопасности Лациума от пиратских вторжений пунийских купцов. Бросается в глаза то обстоятельство, что в договоре не говорится о союзе римлян с карфагенянами, в котором стороны, очевидно, не были заинтересованы.

Содержание первого договора Карфагена с Римом в общем соответствует приведенному выше краткому сообщению Аристотеля о договорах между этрусками и пунийцами. Римляне (а значит, и этруски) не должны были плавать в некоторые районы карфагенских владений и во всяком случае не должны были совершать там какие-либо закупки. Уже в древности вопрос о местонахождении Прекрасного мыса не был ясен. Полибий (II, 23, 1) помещал его в непосредственной близости от Карфагена, на североафриканском побережье. Как полагают некоторые исследователи, этот мыс следует идентифицировать с мысом Сиди Али эль-Мекки; предлагались в литературе и иные локализации — мыс эль-Абиад и мыс Бон.⁹¹ Однако Л. Виккерт⁹² представил убедительные доказательства того, что Прекрасный мыс должен быть отождествлен с мысом Палос на Пиренейском полуострове: только в этом случае становится понятным запрещение плавать к югу от него (Polyb., III, 23, 2). Это выделение сферы карфагенского влияния на средиземноморском рынке, зоны монопольной пунийской торговли, несомненно, восходит ко времени после

⁹¹ Ср.: R. L. Beaumont. The date of the First Treaty between Rome and Carthage, стр. 76 (там же и литература в конце); St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 457. Ф. Уолбанк локализовал Прекрасный мыс у мыса Фарина (F. W. Walbank. A historical commentary on Polybius, стр. 341—342).

⁹² L. Wickert. Zu den Karthagerverträgen. Klio, 1938, стр. 352—358. Ср.: А. В. Мишулин. Античная Испания, стр. 260—261. Из локализации Л. Виккерта исходит и Н. Н. Залесский в своем кратком анализе договора (Н. Н. Залесский. Этруски и Карфаген, стр. 524).

гибели Тартесса. В противном случае вопрос о карфагенской монополии не мог бы быть поставлен в официальном документе. Обращает на себя внимание и строгий контроль карфагенян за римской (а следовательно, этрусской и вообще чужеземной) торговлей в Сардинии и Африке, постепенно приведший к упадку итало-африканской торговли и экономической изоляции Карфагена в Западном Средиземноморье.⁹³ Исключение составляла только Сицилия, где римляне (как, вероятно, и этруски) имели право вести торговлю на одинаковых с карфагенянами условиях. Характерно, что в договоре и сообщении Аристотеля не говорится о возможности вывоза этрусками товаров из подвластных Карфагену областей; это остается целиком монополией пунийских купцов.

Очень показательны и обязательства Карфагена не вторгаться на территорию Лациума и не строить там крепостей, которые могли бы стать опорной базой пунийской колонизации и реальной угрозой независимости Рима. Эта оговорка также должна была появиться в договорах Карфагена с италийскими городами вскоре после битвы при Алалии, когда морское могущество пунийцев не могло не внушать серьезных опасений прибрежным италийским городам. Интересно, что, захватив независимые от Рима города Лациума, карфагеняне обязывались не оставлять им независимость, но передавать их под власть Рима. Таким образом, Лациум в конце VI в. рассматривался Римом как его владение, вне зависимости от того, шла ли речь о подвластных ему городах или нет (ср.: Polyb., III, 23, 6).

Захватом Тартесса завершается процесс создания морской державы карфагенян; договоры пунийцев с италиками закрепили границы и структуру этой державы международно-правовыми актами. Дальнейшие столкновения карфагенян с греками в конце VI в. у побережья Испании и в Сицилии, вплоть до битвы при Гимере (около 480 г.), не изменили соотношения сил или границ между греческой и карфагенской сферами влияния. Эта граница не изменилась даже после битвы при Гимере, когда экспансия карфагенян в Сицилии и Италии была на длительное время приостановлена. До нас дошли сведения, однако, о попытках греческих колонистов обосноваться в пределах финикийско-карфагенской сферы влияния. Обе эти попытки связаны с именем спартанского царевича Дориэя.

Нашим основным источником по вопросу об экспедициях Дориэя является рассказ Геродота (V, 42—48), использовавшего предания западных греков. Геродот, в частности, ссылается на рассказы жителей Сибариса и Кротона. Кроме того, им была использована спартанская и дельфийская традиции. Краткое сообщение Диодора (V, 33, 3), судя по контексту (легенда о походах Геракла в Сицилию, рассказанная со ссылкой на Тимея; ср.: IV, 22, 6), восходит к труду Тимея и, следовательно, к местной сицилийской традиции.⁹⁴ Видимо, к указанным двум источникам восходят и рассказ Павсания (III, 3, 9 сл.; 16,4), и краткое упоминание у Юстина, где, однако, перепутаны имена и вместо Дориэя назван его брат Леонид.

Плавание Дориэя в Сицилию было вторым в серии экспедиций, принятых этим спартанским царевичем в конце VI в. Показательна пастой-

⁹³ Ср.: Н. Н. З а л е с с к и й. Этруски и Карфаген, стр. 524—525.

⁹⁴ Поэтому неправ Низе, полагавший, что сведения Диодора не имеют самостоятельного значения (N i e s e. Doriéus. P.-W. RE, Halbbd. X, 1905, стб. 1558—1560). Обзор источников см. также: О. М е л т з е р. Geschichte der Kartager, Bd. I, стр. 489, 492—493.

чивость, с которой Дориэй пытался обосноваться в сфере карфагенского господства — в Африке (во время первой экспедиции) и в Сицилии (во время второй экспедиции). Уже это обстоятельство показывает, что походы Дориэя должны рассматриваться не только как следствие его личных неудач в борьбе за царскую власть в Спарте, но и как проявление определенной последовательной политики греческих полисов, направленной на вытеснение карфагенян из Западного Средиземноморья, прежде всего из Сицилии. В частности, Геродот (V, 42) рассказывает, что перед отплытием в Африку Дориэй не обратился к Дельфийскому оракулу за указанием, в какой стране должна быть основана колония. В словах Геродота явно ощущается намек на то, что Дельфы, стоявшие в главе общегреческого колониационного движения, явно считали нежелательной колонизацию Дориэем Северной Африки. Этот намек становится еще более очевиден, когда в дальнейшем мы узнаем, что советники Дориэя настойчиво убеждали его основать колонию в районе финикийского господства в Сицилии, поблизости от горы Эрикс, и что Дельфийский оракул одобрил этот план. (Herod., V, 43).

Основание Дориэем вблизи Эрикса колонии, названной Гераклеей, было воспринято финикийцами, в том числе и карфагенянами, как явная угроза их господству. У Диодора (IV, 23, 3) прямо говорится о том, что в финикийских городах существовало опасение, что, «став более сильной, чем Карфаген, она (Гераклея, — И. III.) отнимет у карфагенян господствующее положение».⁹⁵ Не удивительно, что Карфаген ответил на основание Гераклеи войной, бросив против новой греческой колонии значительные воинские силы. Можно предполагать, что, помимо Карфагена, в походе на Гераклею принимали участие и финикийские города Сицилии, заинтересованные в уничтожении своего столь близкого соперника. Союзником Карфагена была и Эгеста (Herod., V, 46). Из этого сообщения вытекает, между прочим, что, установив свое господство в Сицилии, карфагеняне оставили в неприкосновенности старинный союз финикийцев и элимов. В результате продолжительной и упорной борьбы (Iust., XIX, 1, 9). пунийцам удалось разгромить Дориэя и разрушить основанную им колонию.

В источниках сохранилось указание на битву при Артемисии у берегов Испании, в которой массалиоты одержали победу над карфагенянами, применив прием *διέκπλος* — прорыв через строй кораблей противника.⁹⁶ Многие детали, связанные с непосредственной причиной столк-

⁹⁵ Сказанное показывает, что мнение О. Мельцера о «риторической окраске» и, следовательно, недостоверности сообщения Диодора (O. Meitzer. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 492) вряд ли может быть безоговорочно принято.

⁹⁶ Единственный источник по этому вопросу — фрагмент исторического труда Сосила: см.: B i l a b e l. Die kleine Historikerfragmente auf Papyrus. 1922, № 10; J a k o b y. Fragmente Griechischen Historiker, Bd. II A. Berlin, 1926, стр. 903—906. II. Бош-Гимпера полагает возможным связывать фрагмент Сосила с отрывками из Юстина и Фукидида, рассказывающими о войнах массалиотов с Карфагеном (P. B o s c h - G i m p e r a. Una guerra fra cartaginesi e greci in Spagna, стр. 313—325). Однако сличком общее сообщение Фукидида невозможно отнести к определенному историческому событию. Сообщение Юстина о союзе массалиотов с «испанцами» делает невозможным построение II. Боша-Гимпера, поскольку под «испанцами» источник мог иметь в виду только тартесситов. Датировка битвы при Артемисии 493—490 гг. возможна, однако не исключено, что битва произошла в конце VI в. Гераклд Миласский, командовавший, согласно источнику, войсками массалиотов, по другим сведениям (Herod., V, 121) участвовал в ионийском восстании против персидского господства. Однако Гераклд мог участвовать в битве при Артемисии не только после восстания, но и до него (ср.: U. W i l c k e n. Ein Sossylus Fragment. Hermes, 1905, стр. 103). По мнению Якоби, в отрывке Сосила речь идет о неизвестном столкновении во время ионийского восстания у ионийского Артемисия (J a k o b y. Fragmente Griechischen Historiker.

новения, продолжительностью и результатами войны, невозможно определить. Однако можно признать вероятным, что столкновение карфагян с массалиотами произошло вскоре после битвы при Алалии. Одним из этапов этой борьбы, видимо, было разрушение карфагянами Майнаки. Судя по тому, что южная Испания в дальнейшем продолжала находиться под карфагенским господством, можно предполагать, что и после победы при Артемисии массалиотам не удалось сколько-нибудь существенно нарушить пунийскую монополию в этом районе.

Вторжение персидских войск в Грецию в начале V в. существенно изменило положение финикийских и греческих поселений Западного Средиземноморья. Создалась реальная база для союза между Персидской державой и Карфагеном с целью одновременного удара по Сицилии с запада и по балканской Греции с востока. Препятствием для такого союза были притязания персидских царей на власть над Карфагеном.

Как рассказывает Геродот (III, 17 и 19), впервые с подобными притязаниями выступил Камбиз (около 520 г.). После покорения Египта он пытался направить свой флот на овладение Карфагеном. Однако в силу того, что финикийцы отказались выполнить приказ царя, мотивируя свой отказ клятвами, запрещавшими вести войну «против своих детей», поход не состоялся, благодаря чему карфагяне избежали персидского рабства. Можно предполагать, что финикийские информаторы Геродота преувеличили роль Финикии в провале морской экспедиции Камбиза. Вряд ли финикийские города Передней Азии могли решиться на открытое сопротивление Камбизу, равносильное прямому объявлению войны. Подлинные причины отказа персидского царя от первоначально намеченного плана неизвестны; вероятно, здесь сыграли свою роль и недостаточная подготовленность войск к далекому походу, и — что еще более существенно — начинавшиеся волнения в самой Персии, приведшие впоследствии к гибели Камбиза.

Около 500 г. Персия вторично выступает с претензией на власть над Карфагеном. Юстин (XIX, 10—13) рассказывает: «Пока шла эта война (имеется в виду война между Карфагеном и Дорием, — *И. Ш.*), в Карфаген прибыли послы царя Дария, принесшие указ, которым запрещалось пунийцам приносить человеческие жертвы и питаться собачьим мясом; царь приказал также сжигать трупы мертвых, а не хоронить их в земле; послы требовали также помощи против Греции, которой Дарий собирался объявить войну. Карфагяне, отказав в помощи из-за непрерывных войн с соседями, прочему охотно повиновались, чтобы не казалось, что они во всем неуступчивы». В этом рассказе, несомненно, много сказочных деталей, не соответствующих иным, прежде всего археологическим, материалам. На протяжении всей своей истории карфагяне практиковали и человеческие жертвоприношения, и труположение. Кроме того, как известно, персы никогда не вмешивались в религиозные дела подвластных им народов. Происхождение легенды в настоящее время определить невозможно, однако ее антикарфагенская направленность представляется очевидной.

Тем не менее кажется весьма вероятным, что Дарий мог пытаться включить в свою армию и пунийские контингенты, выступив в роли верховного владыки Карфагена. Последнее находится целиком в русле той политики, которую пытался проводить Камбиз. Отказ в посылке войск, какими бы предложениями он ни был прикрыт, означал непризнание Карфагеном сувере-

---

Vd. ИС, 1926, стр. 605). Но тогда непонятно, почему историк включил этот рассказ в книгу, посвященную походам Ганнибала, и к тому же связал его с военными действиями массалиотов против Карфагена во время II Пунической войны.

нитета Дария над ним, а так как персидский царь, занятый войной в Греции, не располагал достаточными средствами для осуществления своих притязаний, то ему пришлось примириться с фактом. В дальнейшем политика Персии по отношению к Карфагену существенно изменилась.

Как сообщает Диодор (XI, 1, 4), около 480 г., накануне нового похода в Грецию, Ксеркс «направил послов к карфагенянам с требованием» о ведении совместных действий и условился с ними, что он будет воевать против греков, живущих в Греции, а карфагеняне в то же время готовят большую армию и будут воевать против греков, живущих в районе Сицилии и Италии». Аналогичные сведения мы находим и в схолиях к Пиндару (Scholia ad Pind., Pyth., I, 146) со ссылкой на Эфора — историка, к трудам которого восходит, вероятно, и процитированный отрывок.⁹⁷ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Геродот не упоминает о союзе между карфагенянами и персами, связывая поход карфагенян в Сицилию только с внутрисицилийскими конфликтами. В различных вариантах предания отражены различные стороны одного и того же события. Политическая обстановка конца 80-х годов V в. делает понятной общую заинтересованность Персии и Карфагена в совместных действиях, поэтому молчание Геродота, который мог быть неосведомлен о всех аспектах внешней политики обоих государств, само по себе не является достаточно веским аргументом против версий Диодора и Эфора. В то же время вполне объяснимо молчание Диодора или его источника о столкновениях между греческими городами Сицилии: сицилийские историки стремились убедить своих читателей в единстве западных греков перед лицом нашествия «варваров», хотя и у Диодора имеются указания на враждебное отношение некоторых сицилийских городов к гегемонии Сиракуз. Все сказанное позволяет, несмотря на спорность и сложность вопроса, высказать предположение о том, что договор о совместных действиях, о котором сообщает Диодор, в действительности существовал и что для сомнений в достоверности сицилийской традиции, дошедшей до нас в монументальном творении Диодора, нет достаточных оснований.⁹⁸

Характерно, что персы на этот раз отказались от требования о присылке вспомогательных войск и, следовательно, в свою очередь признали суверенитет и независимость Карфагена. Показательно, что в персидских надписях времени Ахеменидов Карфаген при перечислении подвластных персам территорий не упоминается. Термин *κοινπραγία* (совместные действия), употребленный Диодором, определенно указывает, что Карфаген являлся равноправной стороной в договоре с персами и что при заключении договора речь шла о согласовании внешней политики обоих государств при сохранении свободы и самостоятельности действий каждого из них. Из рассказа Диодора можно даже сделать вывод, что речь шла о разделе

⁹⁷ O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 500—501.

⁹⁸ У Эфора мы читаем: «От персов и финикии прибыли к карфагенянам послы, предлагая так много кораблей, сколько потребуется (*πρόστασσοντες ὡς πλείστον δέοι σκαφόν*), и направиться в Сицилию, и уничтожить тех из греков, которые замыслили плыть к Пелопоннесу». Понимая глагол *πρόστασσω* как «приказывать», некоторые исследователи полагали, что он свидетельствует о политической зависимости Карфагена от Персии (ср.: O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 214; G. B u s o l t, Griechische Geschichte, Bd. II. Gotha, 1896, стр. 259). Между тем в данном контексте этот глагол не может иметь указанное выше производное значение; таким образом, сообщение Эфора не противоречит рассказу Диодора. Возможно, схолиаст использовал тот отрывок из сочинения Эфора, в котором говорится о начальном этапе переговоров, т. е. отрывок, не вошедший в изложение Диодора, рассказывающего только об их конечном результате. Ср.: M. P f a l z. Persien und Karthago. Leipzig, 1869.

сфер влияния, который в общем соответствовал положению, сложившемуся в Средиземноморском бассейне в конце 80-х годов V в.

В самой Сицилии к этому времени возникли две враждебные группировки, борющиеся за власть над островом. В одну из них входили Сиракузы, находившиеся под властью тирана Гелона, и Акрагант, где власть принадлежала Ферону. Союзники были тесно связаны родственными узами: Ферон был женат на дочери Полизела, брата Гелона, тогда как Гелон был женат на дочери Ферона (Schol. ad Pind., Ol. II, inscr., 28). Им противостояли Гимера, которой управлял тиран Терилл, и Занклы, завоеванные зятем Терилла Анаксиласом. Как следует из рассказа Диодора (XI, 21,4), к последнему союзу примкнул и Селинунт. Опасаясь постоянной угрозы со стороны Сиракуз и Акраганта, союзники постарались обеспечить себе поддержку пунийцев путем установления личных связей с родом Магонидов. Геродот рассказывает (VII, 165), что Терилл имел договор о гостеприимстве (ξενιότης) с Гамилькарсом Магонидом, впоследствии карфагенским стратегом в битве при Гимере, и что Анаксилас отдал Гамилькару своих детей в качестве залога верности. В результате любое столкновение между двумя враждебными группировками превращалось в благоприятный предлог для вмешательства Карфагена. Последний выжидал только удобного случая для того, чтобы начать борьбу за овладение всей Сицилией, тем более что он мог быть уверен в поддержке со стороны Персии.

Около 480 г. Ферон лишил власти Терилла, который обратился за помощью к Гамилькару. Последний не замедлил вмешаться в конфликт. Во главе громадной наемной армии⁹⁹ он высадился у Папорма и оттуда направился к Гимере. На помощь Ферону пришел Гелон, которому удалось, используя военную хитрость, напасть на пунийцев врасплох и нанести им сокрушительный удар. Случайно узнав, что Гамилькар собирается принести жертву морскому божееству и что к нему в этот день прибудет из Селинунта отряд всадников, Гелон выслал своих всадников к месту жертвоприношения с заданием убить пунийского военачальника и уничтожить карфагенский флот. Приблизившись к ничего не подозревавшим карфагенянам, которые сначала приняли сиракузцев за селинунтий, всадники Гелона уничтожили небольшой отряд, сопровождавший Гамилькара, и подожгли пунийские корабли. Погиб и сам Гамилькар, убитый всадниками (Diod., XI, 22, 1); впоследствии победители не могли найти его труп, а карфагеняне рассказывали, что их полководец бросился в жертвенный костер (Herod., VII, 166—167). Затем нападением на пунийский лагерь Гелон довершил разгром деморализованной, хотя и упорно сопротивлявшейся, карфагенской армии.¹⁰⁰

В античной традиции битва при Гимере (около 480 г.) обычно сравнивалась с битвой при Саламине (ср.: Herod., VII, 166) и при Платеях (Diod., XI, 23, 1), обеспечившими независимость Греции. Обычно традиция приурочивала даже дату сражения при Гимере к дате одной из

⁹⁹ Согласно Диодору (XI, 20, 2), она состояла из 300 тысяч пехотинцев, более 200 боевых судов и 3 тысяч мелких судов для перевозки грузов. Эти цифры недостоверны, так как они сконструированы по данным о составе персидского войска, вторгшегося в Грецию: 300 тысяч пехотинцев и 3 тысячи мелких судов (G. B u s o l t. Griechische Geschichte, стр. 263). Однако, вопреки мнению Бузольта (там же, стр. 264—265), в целом традиция Диодора о битве при Гимере несомненно достоверна и не противоречит рассказу Геродота.

¹⁰⁰ Рассказ Полиена (Strat., I, 27, 1—2) явно недостоверен. Карфагенским полководцем назван Гимилькон, о котором рассказывается, что он был убит выстрелом из лука, — версия, отсутствующая у Геродота и Диодора.

этих двух битв. Действительно, нашествие карфагенян на Сицилию в результате их поражения при Гимере было приостановлено на длительное время. Тем не менее Карфаген был достаточно силен, чтобы в полном объеме сохранить свою власть над обширными территориями Западного Средиземноморья, вести значительную по своим масштабам завоевательную политику в Африке и даже высылать колонии на побережье Атлантического океана.

Глава третья

ЗАВОЕВАНИЕ КАРФАГЕНЯНАМИ АФРИКИ И КОЛОНИЗАЦИЯ АТЛАНТИЧЕСКОГО БАССЕЙНА

К VII—VI вв. до н. э. в жизни ливийских племен — непосредственных соседей финикийских и греческих колонистов в Северной Африке — произошли значительные изменения. Об этих изменениях мы можем судить по «Ливийскому логосу» Геродота (IV, 168—199) — древнейшему, полностью сохранившемуся географическому и этнографическому описанию территории и коренного населения Северной Африки. Сам Геродот в Северной Африке не бывал и воспользовался доступными ему литературными материалами, прежде всего *Περιγῆσις* Гекатея Милетского. Сохранившиеся фрагменты труда Гекатея позволяют установить наличие у Геродота текстуальных заимствований из него. Так, Геродот (IV, 194) сообщает о гизантах (Γίζαντες), что у них «много меда вырабатывают (κατεργάζονται) пчелы, однако еще больше, говорят, изготовляют демиурги (δημιουργοὺς ἀνδρας)». Согласно заметке, имеющейся в словаре Стефана Византийского, о Зигантиде, полисе Ливии, писал и Гекатей; со ссылкой на Евдокса Книдского словарь приводит следующий рассказ о жителях этого города: «Они, собирая цветы, изготовляют мед так, чтобы не пропало ни капли меда, остающегося после пчел» (St. Byz., s. v. Ζυγαντίς). В рассказе Евдокса имеются подробности, которые отсутствуют у Геродота; следовательно, оба варианта независимы один от другого.

В то же время явное их сходство показывает, что восходят они к одному источнику, которым может быть только повествование Гекатея. Приведенная Геродотом в рассказе о гизантах ссылка на источники (λέγεται) является, несомненно, ссылкой на Гекатея, в чем убеждает и близость этниконов: Ζόγαντες у Гекатея и Γίζαντες у Геродота. Правда, говоря о войнах псизлов против южного ветра, Геродот ссылается на рассказ ливийцев (IV, 173), что может свидетельствовать об использовании писателем и изустной ливийской традиции.¹

То обстоятельство, что составленное Гекатеем описание Ливии известно лишь по кратким фрагментам, собранным во «Fragmenta Historiarum Graecorum» (I, стр. 23—24), не позволяет полностью судить об этой части его труда и о Ливии, какой она предстала перед греческим наблюдателем. Тем не менее отдельные сообщения Гекатея представляют значительный интерес. В частности, у Гекатея упоминались «полисы Ливии» (обычное обозначение πόλις Λιβύης; таковы Αὔσιγδα, Ζήβυττις, Μέγασα, Ζυγαντίς, Δούλων πόλις, Μῶλις, Μέλιττα, Ἰαγξούατις см.: St. Byz., s. vv.), среди которых отмечались и полисы, населенные непосредственно ливийцами (Μέλιττα и Ἰαγξούατις характеризуются как πόλις Λιβύων). Показательно, что в других случаях словарь, ссылаясь на Гекатея,

¹ Подробно об отношении Геродота к Гекатею см.: H. Diels. Herodot und Hekataios. Hermes, 1887, стр. 420 сл.; С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота. В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 312 сл.

тея, иначе обозначает отдельные пункты на территории Ливии, например *Κυβός σῆμα, τόπος Λιβύης* (St. Byz., s. v.). Таким образом, представляется несомненным, что у ливийцев ко времени написания труда Гекатея уже существовали поселения городского типа, хотя, разумеется, вряд ли можно говорить о развитии в Ливии полисного строя, аналогичного строю греческих городов-государств. Согласно этим же фрагментам, можно установить, что к VII—VI вв. земледелие в Ливии уже отделилось от скотоводства. В частности, Гекатей отмечал наличие здесь кочевых скотоводческих племен (*Μάλτες οἱ Λιβύης νομάδες*, см.: St. Byz., s. v.) и земледельческих поселений. Стефан Византийский цитирует следующее сообщение Гекатея о городе Мегаса: «из нее — хлебоеды (*Σιτοφάγοι*) и пахари (*Ἀροτῆρες*)». Явно связано с земледелием и пчеловодство зигантов (соответственно и гизантов), о котором рассказывалось выше.

Чрезвычайно интересен рассказ Гекатея о городе рабов — *Δούλων πόλις* (St. Byz., s. v.): «И если раб приносил в город камень, то он становился свободным, хотя бы и был чужеземцем (*ξένος*)». Данный текст, по-видимому, отражает неизвестный по другим источникам ливийский обряд манумиссии путем посвящения божеству обработанных камней. Если это предположение справедливо, то возможно постулировать значительное развитие у ливийских племен рабства, причем в качестве рабов выступали не только соплеменники, но и чужеземцы; оговорка *καὶ ξένος ἤ* очень характерна. Поставкой рабов ливийцам, как показывает уже цитированный выше отрывок из «Одиссеи», занимались финикийяне.

Описание Геродота² позволяет установить, что отдельные народности и племена Ливии в VII—VI вв. находились на различных ступенях общественного развития — от крайне примитивных первобытных обществ до этнических групп, в которых уже сформировался классовый строй. Однако почти повсеместно в Ливии, судя по рассказу галикарнассского историка, сохранялся либо полигамный брак, либо его пережитки. Наиболее высокой ступени развития достигли — опять-таки по Геродоту — ливийские племена, непосредственно соприкасавшиеся с классовыми обществами. Не случайно Геродот отмечает, что адирмахиды, жившие вблизи Египта, пользовались египетскими законами (IV, 168), а асбисты — племя, обитавшее на границах Кирены, — подражали законодательству Кирены, видимо в его наиболее существенных чертах (IV, 170). Принятие законов классовых обществ, несомненно, свидетельствует о том, что и в названных племенах шел по крайней мере процесс становления классов. В значительной степени ускорило процесс разложения родового строя развитие египетско-ливийской и кирено-ливийской торговли, содействовавшее развитию частнособственнических отношений.³ Можно предполагать, что аналогичным было положение и в районах, расположенных в непосредственной близости от Карфагена и других финикийских колоний, где обитало земледельческое (Herod., IV, 191) племя макситан, хотя в нашем распоряжении нет сведений о заимствовании макситами каких-либо финикийских обычаев.

Источники дают слишком отрывочные и недостаточно определенные сведения о взаимоотношениях карфагенян с ливийцами, как они сложились после основания города. Это обстоятельство объясняется тем, что греческих и римских историков, у которых мы черпаем наши сведения, ин-

² Ср.: St. Gsell. Herodote. Alger, 1915.

³ О роли товарного производства в становлении классового общества см.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, Госполитиздат, М., 1961, стр. 165—169.

тересовала прежде всего политика Карфагена в Средиземноморском бассейне, его взаимоотношения с греками и римлянами. Однако не подлежит сомнению, что и на территории Африки Карфаген пытался вести активную наступательную политику. Исключительную роль в ее проведении сыграло основание колоний.

Основанием колоний карфагенское правительство стремилось добиться осуществления сразу трех целей. В области внутренней политики — предотвратить выступления народных масс, направленные против олигархической верхушки (Arist., Pol., II, 8, 9). Колонии на средиземноморском и атлантическом побережье Африки давали также возможность карфагенскому купечеству захватывать важные торговые пути к исключительно ценным источникам сырья. Не случайно приморские колонии карфагеняни располагались на прибрежных островах, полуостровах и в пунктах, пригодных для создания гаваней.⁴ Наряду с этим пунийцы основывали свои поселения и в глубине материка. Очень характерно положение таких колоний, обычно находившихся на высоких холмах с крутыми скатами, что создавало благоприятные условия для обороны и нападения. Наиболее ярким примером такого поселения была Цирта — впоследствии столица нумидийских царей.⁵ Подобные колонии, кроме того, способствовали установлению и закреплению власти карфагенян над окружающим город коренным населением. Последнее обстоятельство существенно отличало карфагенскую колонизацию от финикийской — ее непосредственной предшественницы. Насколько можно судить, финикийцы не ставили перед собой задачи подчинить своей власти колонизируемую территорию. Они довольствовались созданием своих торговых факторий и городов, призванных быть опорными пунктами в развитии торговли. Карфагеняне же, сохраняя и прежнюю политическую линию, одновременно пытались использовать свои колонии для подчинения ливийцев, для захвата территориальных владений в Африке. Последнее сближает политику Карфагена с политикой некоторых полисов в Сицилии, также порабо- щавших окружавшее их коренное население.⁶

Литературная традиция почти не сохранила упоминаний о карфагенских колониях в Африке. Можно, однако, предполагать, что названные в словаре Стефана Византийского «города вокруг Карфагена» (πόλεις περὶ Καρχηδόνα) — Канфилия (Κανθηλία, см.: St. Byz. s. v.) и Гибела (Γβέλη, см.: St. Byz., s. v.), впервые упомянутые Гекатеем, на которого ссылается составитель словаря, были пунийскими колониями.

В настоящее время остатки пунийских поселений обнаружены в следующих пунктах на побережье Туниса: Бу Грара, Габес, Рас Канудия, Ксур Эссаф, Салакта, Махдия, эль-Алия, Рас Димас, Лемта, мыс Боп, Максула, Радас, Ферривиль (Сиди Йахья), Кани, Ла Галита. Вдали от моря, на территории Туниса, пунийские поселения существовали в пунктах Смират, эль-Кениссия, Сиди эль-Хани, Гурса, Загуан, Тебурсук, Беджа, Матер, Тебурба. На побережье Алжира пунийскими были Филиппвиль, Колло, Джиджелли, Алжир, Типаса, Гурайя, а внутри страны — уже упомянутая выше Цирта и ряд других, пока еще слабо изученных пунктов.⁷ То обстоятельство, что в середине VII в. карфагеняне смогли

⁴ P. Cintas. Contribution a l'etude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954, стр. 10—13.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ К. М. К о л о б о в а. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 185—187.

⁷ P. Cintas, Céramique punique. Paris, 1950, стр. 11—12, 45—51. Там же указаны важнейшие публикации. Ср. также: St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. II. Paris, 1918, стр. 153—154.

основать свою колонию на острове Эбесс, показывает, что колонизация ими североафриканского побережья началась во всяком случае не позже VII в. до н. э. Значительный интерес в этой связи представляют археологические изыскания в Диджелли, где были обнаружены погребения, которые Ж. Алькье и П. Алькье, первоначально склонны были датировать III—II вв.⁸ Позже М. Астрюк высказала правдоподобное предположение, что некоторые погребения следует датировать VII—VI вв.⁹ В особенности характерно наличие в одной из гробниц массивного серебряного кольца, аналогичного по форме кольцам, находимым в карфагенских погребениях указанного времени.¹⁰ Из местной керамики должны быть отмечены вазы с высоким и широким горлом, напоминающие по стилю вазы первого слоя святилища Тинлит. В карфагенских некрополях такие вазы встречаются только в погребениях, датируемых обычно VII—VI вв., хотя наличие их позволяет и самые погребения датировать, быть может, VIII в. М. Астрюк отмечает далее, что подобные же вазы найдены Ш. Гокле и Ст. Гзеллем в Гурае. Таким образом, есть некоторые основания полагать, что названные колонии возникли в конце VIII в., хотя М. Астрюк вслед за Ст. Гзеллем датирует их серединой IV в.¹¹

Юстин (XVIII, 7, 2) кратко сообщает, что в середине VI в. карфагеняне под командованием Малха вели против ливийцев победоносную войну. Более подробно ни о причинах, ни о ходе этой борьбы мы не осведомлены. Возможно, что она была вызвана нежеланием карфагенян выплачивать ливийцам арендную плату за городскую землю, а также стремлением к созданию своих опорных баз в глубине Ливии. Определение *magnas* — «великие», которое Юстин применяет к этим войнам (*magnas res*), позволяет, как нам кажется, утверждать, что война Малха в Африке закончилась для карфагенян успешно. Характерно, что в тексте Юстина завоевание части Сицилии и *magnas res* в Африке противопоставлены неудачным войнам этого полководца в Сардинии. Однако каковы были конкретные результаты войны, сказать трудно. Судя по дальнейшему рассказу Юстина (XIX, 1, 3—4), карфагеняне прекратили выплату *vestigal pro solo urbis*, что впоследствии рассматривалось ливийцами как нарушение их прав. В дальнейшем соседи Карфагена — макситане (ὁπὸ Μαχέων τε Λιβύων) фигурируют в рассказе Геродота (V, 42) как союзники Карфагена в борьбе против Дориэя. Вероятно, воспользовавшись обострением внутренней борьбы в Карфагене в период восстания Малха и свержения его диктатуры, они восстановили свою независимость и заставили карфагенян считаться со своей силой и политическим влиянием.

В конце VI в. карфагеняне сумели завершить борьбу с Киреной за раздел африканской территории и установление точной границы между обоими государствами. Вероятно, как один из эпизодов этой длительной (ср.: Sallust., Bell. Jug., LXXIX, 3) войны следует рассматривать попытку Дориэя обосноваться на североафриканском побережье. Не случайно, согласно сообщению Геродота (V, 42), путь в Африку указывали Дориэю граждане Феры — метрополии Кирены.¹² Дориэй основал свою колонию в устье реки Киноп (совр. вад. Умирре), в 26 км восточнее Лептиса. Основание греческой колонии в такой непосредственной близости от фикий-

⁸ J. et P. Alquier. Tombes pheniciennes a Djidjelli. R. Arch., 1930, стр. 1—17.

⁹ M. Astruc. Nouvelles fouilles a Djidjelli. R. Afr., 1937, стр. 199—253.

¹⁰ Астрюк ссылается на материалы, опубликованные Ш. Гокле (Ch. Gaukler, Necropoles puniques de Carthage, vol. I—II. Paris, 1917), которые нам недоступны.

¹¹ G. G. Lapeyre, A. Pellegrin. Carthage punique. Paris, 1942, стр. 49—50. Основные материалы из Гураи датируются этими авторами II—I вв.

¹² A. v. Stauffenberg. Doriens. Historia, 1960, № 2, стр. 183.

ской было воспринято как прямая угроза существованию Лептиса и возглавлявшегося им союза. На третий год пребывания в Африке греческие колонисты были изганы карфагенянами и союзными с ними макситанами.¹³ Это вмешательство Карфагена, о котором рассказывает Геродот, могло последовать только после соответствующей просьбы Лептиса и, очевидно, привело к потере политической самостоятельности последнего.¹⁴

Источники не дают возможности проследить дальнейшее развитие отношений между Киреной и Карфагеном. Этиологическая легенда о братьях Филенах, имеющая, несомненно, позднее происхождение, указывает только, что одно из столкновений между обоими государствами закончилось установлением границы в районе Филеновых Алтарей (Salust., Bell. Iug., LXXIX: aras Philaenorum; Per. Ps.-Scyl., 109: Φιλαίνου βωμοί),¹⁵ т. е. в местности Муктар на побережье Большого Сирта.¹⁶ Источники не позволяют датировать это событие, однако можно считать весьма вероятным, что оно произошло вскоре после изгнания Доризя — в конце VI в.¹⁷

Область карфагенского господства в Северной Африке окончательно сложилась в первой половине V в., когда были покорены пунийцами соседние ливийские племена. Первоначально обстоятельства складывались для карфагенян неблагоприятно. Воспользовавшись тем, что Магониды вели тяжелую войну в Сардинии, ливийцы потребовали от Карфагена уплаты *vestigal pro solo urbis* за длительный срок. Не имея в своем распоряжении достаточных сил, карфагеняне предпочли уступить (Iust., XIX, 1, 3—5). Но после битвы при Гимере, сумел принудить ливийцев отказаться от взимания этих платежей.¹⁸ Судя по тому, что уже в конце V в. в пунийской армии имелись ливийцы, набравшиеся по системе принудительной мобилизации (ср.: Diod., XIII, 44, 1; 54, 1; 80, 3; здесь упоминается как *terminus technicus* глагол *καταγρίφω*), в результате продолжительных войн создается подвластная Карфагену провинция Ливия.

В политической жизни Карфагена значительное место занимала борьба за проникновение на побережье Атлантического океана, прежде всего на африканское побережье, где карфагеняне рассчитывали установить себе безраздельное господство над обширным рынком, почти недоступным для конкурентов. Главным средством для достижения этой цели должно было

¹³ O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I. Berlin, 1876, стр. 183—184; St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord., vol. I. Paris, 1913, стр. 449—450.

¹⁴ Дессау датирует вхождение Лептиса в Карфагенскую державу VI в. (D e s s a u. Leptis Magna. P.-W. RE, Halbbd. XXIV, 1925).

¹⁵ Ст. Гзелль полагал, указывая на греческую этимологию имени (ср.: Solin., 27,8: a laudis cupidine), что легенда о Филенах имеет греческое происхождение (St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I. Paris, 1913, стр. 453 сл.). Однако более правдоподобно, что имя Philaeni происходит от корня palā — «отделять». В Библии (I Sam., XXI, 3; II Reg., VI, 8; Ruth, IV, 1) от этого корня происходит помен derivativum pelōni — «некий», соответствующий, как полагают, греческому Φιλαίνος и латинскому Philaenus (O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 491). Хотя это соответствие и не доказано, представляется тем не менее несомненной связь имени Φιλαίνος с западносемитским palā. Это имя могло быть образовано от основы Πη-эль названного глагола с помощью хорошо известного суффикса -n. Упоминание этого имени в одном случае в единственном, а в другом — во множественном числе свидетельствует, вероятно, о существовании двух вариантов предания.

¹⁶ Ch. T i s s o t. Geographie comparée de la province romaine d'Afrique, vol. I. Paris, 1884, стр. 222—230.

¹⁷ Датировка V в., принятая Н. А. Машкиным (Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4, стр. 36), представляется маловероятной.

¹⁸ St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 463.

послужить создание колоний, которые, кроме того, могли поглотить значительную часть беспоконных плебейских элементов, угрожавших правящей верхушке Карфагена.

Греческая рукописная традиция сохранила до наших дней своеобразный документ¹⁹ — так называемый Перипл Ганнона, представляющий собой, согласно заголовку рукописи, отчет о плавании отряда карфагенских мореходов за Геракловы Столпы, выставленный для всеобщего обозрения в храме Кроноса (Ваалхаммона).²⁰ Ниже следует его перевод:

Ганнона, царя карфагенян, перипл ливийских земель,²¹ находящихся за Геракловыми Столпами, тот, который он посвятил в храме Кроноса и который сообщает следующее.

1. Постановили карфагеняне, чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы и основывал города ливиифиникиян. И он отплыл, ведя шестьдесят пентеконтер,²² и множество мужчин и женщин, числом в тридцать тысяч, и везя хлеб и другие припасы.

2. Когда, плывя, мы миновали Столпы и за ними проплыли двухдневный морской путь (πλοῦν δυοῖν ἡμέρων), мы основали (ἐκτίσαμεν) первый город, который назвали Фимиатирион;²³ около него имеется большая равнина.

3. Плывя оттуда на запад, мы соединились у Солупта, ливийского мыса, густо поросшего деревьями.

4. Соорудив там храм Посейдона,²⁴ мы снова двигались на восток в течение полудня, пока не прибыли в залив, густо поросший высоким тростником; там было много слонов и других пасущихся животных.

5. Уйдя от залива на расстояние однодневного морского пути, мы основали (κατοικήσαμεν) города на берегу моря, называемые Карийская Стена (Καριχὸν τε τεῖχος),²⁵ Гитт,²⁷ Акра,²⁸ Мелитта²⁹ и Арамбис.

¹⁹ Публикацию см.: GGM, стр. 1—14. Ср.: D. B. H a r d e n. The Phoenicians on the West Coast of Africa. Antiquity, № 87, 1948, стр. 42 сл.

²⁰ отождествление Кроноса с Ваалхаммоном представляется несомненным; ср. греческую надпись № 3 из эль-Хофра (A. B e r t i e r, R. C h a r l i e r. Le sanctuaire punique d'El-Hofra a Constantine. Paris, 1955, стр. 168—169).

²¹ Буквально «частей земли» (τῆς γῆς μέρων).

²² Если принять цифры Перипла как достоверные, пассажировместимость каждого судна составит 500 человек, что вполне возможно, так как в древности были известны суда вместимостью до 600 человек. Грузоподъемность подобных судов должна была достигать 262 т. Таковы были крупнейшие суда, известные ко времени Фукидида (ср.: А. В. Б о л д ы р е в и Я. М. Б о р о в с к и й. Техника мореходства. В кн.: Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, стр. 332 сл.).

²³ Το Φυματήριον — кадилъница (ср.: Herod., IV, 162; Athen., Deipnosoph., 5, 197). Ср.: Per. Ps.-Scyl., 112: «После Ликса река Крабис и город финикиян по имени Фимиатирия (Φυματήρια); St. Byz., s. v. Φυματήρια: «Фимиатирия, город Ливии. Этникон-фимиатирие»).

²⁴ Per. Ps.-Scyl., 112: «От Фимиатириона «плавание совершается» к мысу Солунт, который, поднимаясь, далеко выдается в море. Вся эта страна в Ливии — самая славная и святая. На вершине находится большой алтарь, посвященный Посейдону. На алтаре вырезаны изображения людей, львов, дельфинов; говорят, что это сделал Дедал».

²⁵ Мнение К. Фишера (C. Th. F i s c h e r. De Hannonis Carthaginiensi periplo. 1893, стр. 14—16; ср. также комментарий Мюллера: GGM, vol. I, стр. 3—4), что глагол κατοικήσαμεν означает в данном случае «заселять уже существующие города», в противоположность ἐκτίσαμεν (ср. § 2 Перипла), не основательно. Ср.: Plato, De Rep., 2, 370; Isocr., 129; ср. также § 8 Перипла).

²⁶ St. Byz., s. v. Καριχὸν τεῖχος: «Карийская стена, город Ливии. К югу от Геракловых Столпов, как «сообщает» Эфор в пятой «книге». Данное название представляет собой, видимо, пример греческой народной этимологии неизвестного нам семитского наименования. Семитский корень определить на нынешнем уровне изученности финикийского языка не представляется возможным.

²⁷ Ср.: ἡ Γίττα — город в Палестине (Polyb., XVI, 41).

²⁸ «Акра — «вершина» (Eurip., Troad., 1827; Paus., I, 1, 15; Herod., IV, 99), «крепость» (Plut., Cor., 18; Xenoph., Hell., IV, 4, 15). Города с таким названием имеются в Сицилии (Thuc., VI, 5; VII, 7—8), Этолии (Polyb., V, 13, 3).

²⁹ Μελίττα — «пчела»; ср., однако, Μελίτη — финикийская колония Мальта (Diod., V, 12).

6. Плывя оттуда, мы прибыли к большой реке Ликс³⁰ (Λίξον), текущей из Ливии. Вокруг нее пасут скот кочевники-ликситы. У них мы оставались до тех пор, пока не стали друзьями.

7. Выше них жили эфиопы негостеприимные, по-звериному обитая в стране, пересеченной высокими горами, с которых, говорят, течет Ликс; а вблизи гор живут <как говорят> совершенно другие люди (ἄνθρωποι ἄλλοιομόρφους) — троглодиты; ликситы рассказывают, что в беге (ἐν δρόμοις) они побеждали лошадей.

8. Взяв у них (ликситов, — И. Ш.) переводчиков, мы плыли мимо пустыни на юг два дня, а оттуда <совершили> снова на восток дневное плавание (ἡμέρας δρόμον). Там мы папли посредине какого-то залива (τινός κόλπου) небольшой остров, имевший окружность в пять стадий; на нем мы основали (κατοικήσαμεν) колонию, назвав ее Керной.³¹ Мы определили по пройденному пути (ἐκ τοῦ περιήλου), что она лежит по прямой линии к Карфагену (καθ'εὖθι καίεσθαι Καρχηδόνας): ведь морской путь от Карфагена до Столпов был равен пути оттуда до Керны.

9. Оттуда мы прибыли в озеро, плывя по некоей большой реке, название которой Хретис; на этом озере имеются три острова, большие по размеру, чем Керна. От них, проделав дневное плавание, мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди, швыряясь камнями, наносили нам раны, не давая сойти на берег.

10. Плывя оттуда, мы вошли в другую реку, большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиенопотамов. Оттуда же, повернув обратно, мы снова прибыли к Керне.

11. А оттуда мы плыли на юг двенадцать дней, проходя вдоль страны (τὴν γῆν παραγόμενοι), которую целиком населяли эфиопы, убежавшие от нас и не остававшиеся; говорили же они непонятно (ἄσυνετα δ'ἑφ'ἑγγόντο) даже для ликситов, бывших с нами.

12. А на последний день мы бросили якорь у высоких лесистых гор. Там были благоухоющие и разнообразные (ποικίλα) деревья.

13. Илыя от них в течение двух дней, мы оказались на неизмеримом морском просторе (ἐν θαλάττης χάσματι ἀμετρήτῳ),³² против которого на берегу была равнина; там мы видели огни, приносимые отовсюду через определенные промежутки времени; <их было> то больше, то меньше.

14. Запасшись водой, мы плыли оттуда вперед вдоль берега пять дней, пока не прибыли в большой залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом (Ῥογὴν Κέρας). В этом заливе есть большой остров, сойдя на который мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигавшихся огней, и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимпанов бряцание и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров.

15. Быстро отплыв, мы прошли мимо страны горящей, заполненной благовониями; огромные огненные потоки стекают с нее в море. Из-за жары сойти на берег было невозможно.

16. Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей Богов (Θεῶν ὄχημα).

17. Плывя оттуда три дня мимо горящих потоков, мы прибыли в залив, называемый Южный Рог (Νότον Κέρας).

18. В глубине залива есть остров, похожий на черный, имеющий бухту; в ней находится другой остров, населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами. Преследуя, мы не смогли захватить мужчин, все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями; трех же женщин <мы захватили>; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за ними. Однако, убив, мы освежевали их, и шкуры доставили в Карфаген. Ибо дальше мы не плавали, так как пища у нас кончилась.

Дошедший до нас текст так называемого Перипла Ганниона заметно отличается от обычных для греческой литературы памятников подобного рода, которые, как правило, представляют собой перечень тех географических точек, рек, городов, которые могут встретиться мореплавателю на

³⁰ Per. Ps.-Scyl., 112: «После мыса Солунт имеется река Ксион (Ξίων). Вдоль этой реки живут святые эфиопы».

³¹ Per. Ps.-Scyl., 112: «Ниже нее (реки Ксион, соответственно реки Ликс, — И. Ш.) есть остров по имени Керна. . . От Солунта до Керны морской путь <составляет> пять дней».

³² Χάσμα — буквально «пучина», «бездна».

пути, с указанием точных расстояний между ними. Особенно характерен в этом отношении Перипл Псевдо-Скилака (середина IV в.), который тщательно избегает каких-либо художественных описаний, могущих оживить повествование.

В Перипле Ганнона иногда приводятся точные расстояния между отдельными пунктами (§§ 2, 5, 8), но в то же время в ряде случаев расстояния не указывается совершенно (так, в § 3 не отмечено расстояние от Фимиа-тириона до мыса Солунт, в § 6 — от пяти колоний до реки Ликса, в §§ 9—10 — от озера, в которое впадает река Хретис, до реки, наполненной крокодилами и гиппопотамами; ср. также § 13). В некоторых случаях географические указания Перипла отличаются совершенно необычной неопределенностью (§ 8 — *τινος κόλπου*, § 9 — *διὰ τινος ποταμοῦ μεγάλου διαπλεύσαντες*). Но в то же время в § 8 мы находим попытку точного определения местоположения острова Керна относительно Карфагепа.

Наконец, для Перипла Ганнона характерно стремление к беллетризации повествования, введению художественных деталей, явно рассчитанных на потрясение воображения читателя (ср. в особенности §§ 13—18), так что порой отчет пунийского флотоводца напоминает авантюрный роман. Как полагает Ж. Жермец,³³ некоторые параграфы Перипла совпадают с отдельными отрывками из «Ливийского логоса» Геродота. В качестве примера автор сравнивает § 7 Перипла и сообщение Геродота (IV, 174). В первом отрывке мы читаем: *τούτων δὲ καθύπερθε Αἰθίοπες ὄκουν ἄξενοι, γῆν νερόμενοι θηριώδη*, тогда как во втором отрывке о гарамантах сообщается следующее: *τούτων δὲ καθύπερθε πρὸς νότον ανεμὸν ἐν τῇ θηριώδει οἰκέουσι*. Можно было бы предполагать, что в данном случае имеет место совпадение, но можно отметить некоторые более явные черты сходства между Периплом и повествованием Геродота. Как и у Геродота, в Перипле явно чувствуется стремление к описанию «удивительных» явлений. Уделяя несколько строк беглому перечислению колоний и краткому рассказу о тех пародах, с которыми путешественникам пришлось столкнуться, автор сосредоточивает главное внимание читателя на таинственных, необычайных явлениях, вроде извержения вулкана, таинственных звуков и т. д. Но в некоторых случаях автор как будто пренебрегает возможностью дать художественно-яркое описание, ограничиваясь краткими упоминаниями (ср. §§ 2, 5, 10, 12). Обращает на себя внимание, что, как уже это отмечалось, большинство географических наименований в Перипле, в том числе и названия городов, основанных Ганноном, имеют греческую этимологию. Этот факт сам по себе не свидетельствует об исторической недостоверности памятника: известно, в частности, что даже города, достоверно основанные этрусками, имели наименования с греческой этимологией.³⁴ Поэтому не исключено, что грецизация географических наименований была произведена при переводе пунийского оригинала на греческий язык. Очень интересно в этой связи отметить, что, не поняв этимологии одного из названий, греки приняли его за слово *Καριός* — «карийский», происходящее от имени хорошо им известного народа, который, однако, на атлантическом побережье Африки не засвидетельствован. Наконец, показательно, что первый параграф Перипла повествует о Ганноне в третьем лице, тогда как, начиная со второго параграфа повествование ведется в первом лице множественного числа от имени Ганнона и его товарищей, что, быть может, свидетельствует о наличии пропуска в дошедшем до нас тексте. Примеча-

³³ G. Germain. Qu'est ce que le Périple d'Hannon. Hesperis, 1957, стр. 208.

³⁴ C. Battisti. Per lo studio dell'elemento etrusco nella toponomastica italiana. SE, vol. I, 1927; стр. 337.

тельно, что в нашем тексте отсутствует рассказ о плавании Ганнона до Геракловых Столпов.

Таким образом, в Перипле нашли свое выражение две разнородные тенденции — тенденция к точности и тенденция к парочитой неопределенности и неясности, тенденция к простоте и непритязательности изложения и тенденция к художественности изображения, вплоть до подражания признанным образцам прозы. Все сказанное позволяет прийти к выводу, что в дошедшем до нас тексте отражены две редакции — исходная, представляющая собой выдержанный в обычном стиле отчет о плавании экспедиции Ганнона, сомневаться в реальности которой, как нам кажется, нет оснований (ср.: Herod., IV, 196), и вторичная, литературно-художественная обработка для широкой публики. Упоминание города Карийская Стена у Эфора и некоторые совпадения в изложении Перипла Ганнона и Перипла Псевдо-Скилака позволяют предполагать, что сведения об атлантическом побережье Африки в греческую литературу проникли во всяком случае до середины IV в. Поскольку карфагеняне старались не допускать своих конкурентов за Геракловы Столпы, наиболее вероятно, что сведения об этом районе греческие историки и географы могли получить только из карфагенских источников. Из сказанного следует, что Перипл Ганнона был переведен на греческий язык задолго до указанной выше даты.³⁵ Видимо, в дальнейшем Перипл подвергся литературно-художественной обработке, в результате которой появился текст ныне существующего памятника.³⁶ Интересно, что, судя по рассказу Плиния, в древности существовала версия, согласно которой Ганнон должен был в своем плавании достичь Аравии (Plin, Nat. hist., V, 8). Эта версия, однако, в тексте разбираемого памятника никакого отражения не нашла; видимо, ее следует признать плодом творчества поздних комментаторов. У Арриана (Ind., XLIII, 11, 12) сохранилось упоминание о том, что Ганнон плыл по направлению к востоку в течение 35 дней. Этому не предшествует какое-либо указание о плавании карфагенского флотоводца в южном направлении, так что у читателя складывается впечатление, будто Ганнон, выйдя в Атлантический океан, тотчас же повернул на восток, что невозможно. К тому же эта деталь в дошедшем до нас тексте Перипла отсутствует, как, впрочем, и указание на нехватку у Ганнона воды, которое имеется у Арриана. При всех предполагаемых отступлениях дошедшей до нас редакции от первоначального оригинала представляется маловероятным, чтобы такие детали, существенные как с точки зрения развития сюжета, так и с точки зрения художественной, могли быть опущены. Исходя из сказанного, можно, как нам кажется, утверждать, что Арриан пользовался сведениями, почерпнутыми из источников, не восходящих непосредственно к Периплу Ганнона и недостаточно достоверных. Не случайно и сам Ганнон назван в данном тексте ливийцем, что совершенно не соответствует действительности. Возможно, к первому варианту Перипла восходят некоторые названия

³⁵ Точка зрения В. Али, согласно которой инициатором перевода Перипла был Полибий, а самый перевод был выполнен во II в. (W. Aliy Die Entdeckung des Westens. Hermes, 1927, стр. 317—339), маловероятна. Ее, однако, приняли М. Кери и Е. Уормингтон (M. Cary, E. Warmingt. Les explorateurs de l'antiquité. Paris, 1932, стр. 70).

³⁶ Попытка Ж. Жермен (G. Germain. Qu'est ce que le Périple d'Hannon, стр. 205—248) выделить исходную редакцию (§§ 1—6) и вторичную (§§ 7—18), исходя из употребления во второй части «поэтических» оборотов (ἄνεως, ἡμέρας ἀμετρήτων; πέτρος вместо λίθος), а также слов «позднего» происхождения, представляется недостаточно обоснованной. Как мы видели, черты, свойственные отдельным редакциям, можно наблюдать в обеих редакциях, выделенных Ж. Жермен. Мнение автора о неупотребительности некоторых выражений в IV в. также не обосновано.

местностей, отличающиеся от соответствующих названий приведенного нами текста.

В литературе неоднократно делались попытки идентификации отдельных пунктов, упомянутых в Перипле Ганнопа. Так, К. Т. Фишер³⁷ предложил следующую схему маршрута пунийского флотоводца. Фимиатирин он локализует в Мехедии, Солунт отождествляет с мысом Кантен, Карийскую Стену — с Могадором, Гитт — с мысом Туфельне, Акру — с Агадир-и-Ириром, Мелитту — с устьем реки Меса, Арамбис — с Асакой (устье вади Нун). Большую реку Ликс он сопоставляет с вади Драа, остров Керпа локализует в устье реки Сегист эль-Хамра. Река Хретис, по его мнению, является притоком последней и тождественна с рекой эль-Дила. Гору Колесница Богов он отождествляет с горой Какулима, Южный Рос — с мысом Пальмас, а Западный Рог — с Зеленым Мысом. Согласно другому варианту, предложенному Штрэнгером,³⁸ Южный Рог локализуется у мыса Сиерра-Леоне, а Западный Рог — в районе островов Бисрагос. Наконец, Р. Генниг³⁹ отождествлял Колесницу Богов с горой Камерун, а река Хрета, по мнению ряда исследователей, должна быть отождествлена с Сенегалом.⁴⁰

Все указанные выше локализации приходится признать в большей или меньшей степени гипотетическими, тем более что источник не позволяет установить, каково происхождение таких названий, как Колесница Богов, Западный Рог, Южный Рог. Согласно данным, полученным П. Сэнта в ходе произведенной им археологической разведки атлантического побережья Марокко, пока бесспорно установлено присутствие карфагенян только на мысе Кантен, где найдено классическое пунийское погребение начала IV в.,⁴¹ и в Могадоре, где обнаружены блестящая красная керамика, характерная для Карфагена VI в., и пунийская бронза. Из керамических изделий должны быть отмечены фрагменты одноручной вазы с крышкой, подобной карфагенским вазам VI в., и плоские тарелки, также изготовленные по карфагенским образцам. Из бронзовых изделий, назначение которых П. Сэнта удалось определить, он выделяет крючки и фибулы, сходные с соответствующими карфагенскими изделиями VI в. Наконец, среди керамических обломков в Могадоре найдены пунийские граффити, два из которых представляют собой рисунок — вероятно, марку мастерской: X и P, а другие читаются следующим образом: № 1 — 'nz', № 3 — 'šmn, № 4 — ytn, № 5 — mhyš, № 6 — l, № 7 — dbzr, № 8 — 'b, № 9 — wšqy, № 10 — stn.

Можно утверждать, что эти надписи представляют собой имена или части их; под №№ 3 и 4 имена, несомненно пунийского происхождения, тогда как происхождение остальных не вполне ясно.⁴²

Таким образом, имеются некоторые основания думать, что пунийское поселение в Могадоре возникло в VI в., а возможно, и в VII в.⁴³ Архаическая керамика, найденная здесь в слое III в., относится к тому времени,

³⁷ C. Th. Fischer. De Hannonis Carthaginensi periplo, стр. 6—64.

³⁸ Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 118.

³⁹ R. Hennig. Terrae Incognitae, Bd. I. Leiden, 1936, стр. 77—78.

⁴⁰ M. Cary, E. Warrington. Les explorateurs de l'antiquité, 74—77; W. W. Hyde. Ancient Greek mariners. New York, 1945, стр. 143—146.

⁴¹ P. Cintas. Contribution à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc, стр. 17—34.

⁴² Там же, стр. 35—59.

⁴³ А. Жоден считает возможным датировать раннюю пунийскую керамику из Могадора VII—VI вв. (A. Jodin. Note préliminaire sur l'établissement pre-romain de Mogador. Bulletin d'archéologie Marocaine, vol. II, 1957, стр. 9—10).

когда она исчезла в самом Карфагене. Это может быть объяснено не только влиянием финикийско-пунийских поселений Испании, но и понято как своеобразная черта развития местной керамики.

Из сказанного следует, что Перипл, в той его части, которая касается основания колонии на атлантическом побережье Марокко, отражает реальные исторические факты. Представляется весьма вероятным, что карфагенское правительство могло отправить специальную экспедицию в 30 тысяч человек для основания колоний. Перипл Псевдо-Скилака (Per. Ps.-Scyl., 112) сообщает, опираясь на источники, не учтенные, видимо, при вторичном редактировании текста, что остров Керна использовался как база финикийской торговли с эфионами.

Совершил ли Ганнон плавание к югу от острова Керна, или эта часть Перипла (§§ 9—18) целиком является плодом творчества неизвестного редактора, при нынешнем состоянии источников определить невозможно.

Установить точную дату экспедиции Ганнона также пока не представляется возможным. Указания Плиния (Nat. hist., V, 8: Punicis rebus florentissimis; II, 169: Carthaginis potentia florente) слишком неопределенны; они не дают возможности ни связать эту дату с битвой при Гимере,⁴⁴ поскольку она, хотя и приостановила наступление Карфагена в Сицилии, все же не подорвала его морского могущества, ни датировать плавание Магона серединой V в.,⁴⁵ поскольку тождество Ганнона-флотоводца с Ганнионом Магоном (Iust., XIX, 2, 1) не может быть доказано. Попытки связать некоторые сообщения Геродота (IV, 195—196) с экспедицией Ганнона⁴⁶ также не оправданы, так как предположение о том, что Геродот, рассказывая об острове Киравнис, имел в виду остров Керну, недоказуемо, а рассказ его о торговле карфагениян на атлантическом побережье Африки не обнаруживает каких-либо связей с плаванием Ганнона.⁴⁷ Приведенный выше археологический материал позволяет приурочить экспедицию Ганнона и основание пунийских поселений на атлантическом побережье Африки предположительно к VII—VI вв. до н. э.

В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные сведения о тех этнических группах, с которыми карфагенияне столкнулись в этом районе. У Геродота (IV, 196), в частности, читаем: «Рассказывают также следующее карфагенияне, что есть страна в Ливии и люди, живущие за Геракловыми Столпами. Когда они к ним прибывают и выгружают товары, располагая их в ряд вдоль берега, то, взойдя на корабль, зажигают костер; туземцы же, увидев костер, приходят к морю и затем против товаров кладут золото и уходят далеко от товаров. Карфагенияне же, сойдя, смотрят и, если им покажется, что количество золота соответствует товарам, погрузив, удаляются, а если покажется, что не соответствует, они, взойдя снова на корабли, остаются; те же, придя, кладут еще золото в том количестве, которое запрашивается. И не обманывают друг друга. Ведь они не касаются золота прежде, чем, по их мнению, оно не уравниется по ценности с товарами; те же не касаются товаров прежде, чем они не возьмут золота». К со-

⁴⁴ M. Cary, E. Warmington. Les explorateurs de l'antiquité, стр. 70.

⁴⁵ Ср.: C. Th. Fischer. De Hannonis Carthaginiensi periplo, стр. 91; Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 24.

⁴⁶ O. Meltzer. Geschichte der Karthager, Bd. I, стр. 231—236.

⁴⁷ Daebritz. Hanno. P.-W. RE, Halbbd. XIV, 1912, стб. 2360—2363. Ст. Гзелль неосновательно полагает, что молчание Геродота об экспедиции Ганнона свидетельствует о ее поздней датировке — после появления труда галикарнасского историка (St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. 1, стр. 513 сл.). Геродот специально историей Карфагена не занимался, и плавание Ганнона не могло быть предметом его специального рассмотрения. К тому же он мог и не знать об этом плавлении.

жалению, Геродот не указывает точно, где находилась эта местность — *χώρα*, в связи с чем мы лишены возможности определить, где велась такая торговля. Заметим только, что источник ясно говорит с систематичности, многократности плаваний. Думается, что подобный метод ведения торговли мог практиковаться там, где отсутствовали пунийские поселения, и, следовательно, рассказ Геродота свидетельствует о дальнейшей экспансии карфагенян на юг уже после основания колонии.

Тот способ обмена, который практиковали карфагеняне, судя по рассказу Геродота, представлял собой непосредственный обмен по известной формуле: x товара $A = y$ товара B , где золото выступало как один из членов этой формулы. Можно полагать, что, поскольку экспедиции карфагенян носили регулярный характер, количественное соотношение обеих частей формулы было уже фиксировано обычаями. В этой связи следует подчеркнуть замечание Геродота, что «они не обманывают друг друга». Самая форма обмена, поражающая своей архаичностью, известна многим первобытным народам и на берегах Нигера велась едва ли не в конце XVIII в.⁴⁸ Не подлежит сомнению, что в данном случае оба торговых контрагента выступали как пекий общественный организм: первобытная община, с одной стороны, и объединение купцов — с другой. Совершенно очевидно, что в той зоне, где карфагеняне вели свою торговлю, общество находилось на очень низкой ступени общественного развития.⁴⁹

По-видимому, одновременно с колонизацией атлантического побережья Африки карфагеняне начали предпринимать попытки проникновения в глубь океана. Так, в частности, ими были колонизованы Канарские острова.⁵⁰ Однако вопрос о том, насколько далеко заходили пунийцы в океан, в течение длительного времени был объектом дискуссий и не может считаться решенным до настоящего времени.⁵¹ Единственным письменным свидетельством об открытии карфагенянами каких-то островов в океане является рассказ Псевдо-Аристотеля (*De mirab. ausc.*, 84), который указывал, что на расстоянии многих дней пути за Столпами Геракла карфагенянами был открыт поросший лесом остров, обладавший судоходными реками и отличавшийся значительным плодородием. Согласно этому рассказу, на острове возникло пунийское поселение, однако карфагенские власти запретили плавание к этим островам, чтобы там не возникло слишком значительное население. Ст. Гзель высказал предположение, что это предание восходит к Тимею,⁵² и ставил его в связь с восходящим к последнему сообщением Диодора (V, 19—20). Однако у последнего речь идет об открытии океанских островов финикийцами; карфагеняне же, согласно тексту Диодора, препятствовали этрускам совершать плаванья к океанским островам.

⁴⁸ Характеристику непосредственного обмена см.: К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, М., 1949, стр. 94—95. Ср.: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, стр. 344—345; М. J. H e r s k o v i t z. The economic life of primitive peoples. New York, 1940, стр. 159—162.

⁴⁹ М. Деллафосс утверждал, что в суданских языках сохранились пунийские термины, обозначающие конскую упряжь, оружие, одежду (M. D e l a f o s s e. Les poirs de l'Afrique. Paris, 1922, стр. 32). Однако отсутствие лексического материала не позволяет проверить достоверность этих сведений. Столь же неопределенны и археологические указания о связях Карфагена с Суданом (M. M o o r e. Carthage of the Phoenicians in the light of modern excavations. New York, 1905, стр. 44).

⁵⁰ Как утверждают, на Канарских островах пунийский язык оставался живым до конца средневековья (O. K l i m a, S. S e g e r t. Mlůvnice, hebrejština a aramejština. Praha, 1956, стр. 8).

⁵¹ R. H e n n i g. Terrae Incognitae, стр. 111—119.

⁵² St. G e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 521.

В ноябре 1749 г., по сообщению шведского ученого Йохана Подолина, в фундаменте одного разрушенного здания на острове Корво (Азорские острова) был найден поврежденный глиняный сосуд с монетами, часть которых была роздана местным жителям и затерялась, а часть была направлена в Лиссабон, откуда затем они были переданы в Мадрид к известному тогда нумизмату патеру Флорессу. В кладе имелись две пунийские золотые монеты, 5 пунийских медных монет и 2 кипрские золотые монеты.⁵³

Нам представляется невозможным подвергать сомнению рассказ Подолина и объявлять его сведения недостоверными. Почти все опубликованные монеты имеют изображения, характерные для пунийских монет IV—III вв., — стоящего коня, коня с повернутой головой, головы коня и (на реверсе) головы «Персефоны» (может быть, Тиннит?); на некоторых монетах изображены пальмы.⁵⁴ К сожалению, легенда — явно греческая (Κ...Υ, ΙΑ) — имеется только на одной монете. Во всяком случае те исследователи, которые считают, что эти монеты свидетельствуют о пребывании, по крайней мере кратковременном, карфагян на острове Корво,⁵⁵ высказывают наиболее правдоподобное предположение.

В какой связи стоит эта находка с материалами письменной традиции, не вполне ясно. Конечно, ни Диодор, ни Псевдо-Аристотель (а вернее, их источники) не могли иметь в виду Канарские острова, поскольку последние расположены в непосредственной близости от берегов Африки, а самый восточный из них, остров Фуэртевентура, ясно виден с африканского мыса Джуба. Возможно, что Диодор имел в виду остров Мадейра,⁵⁶ тогда как источники Псевдо-Аристотеля — Азорские острова.

Если верить сообщениям последнего, колония на Азорских островах была организована без ведома государственных органов либо против их воли частными лицами. Запрет плавания к Азорским островам должен был, видимо, ликвидировать этот опасный прецедент, когда колония оказывалась вне юрисдикции карфагенского сената. К тому же Азорские острова лежали в стороне от торговых путей и не представляли для пунийцев в этом отношении сколько-нибудь серьезного интереса. Запрет плавания к Азорским островам соблюдался настолько тщательно, что путь к ним впоследствии был забыт. Слабый отзвук предания о них мы находим в фантастических рассказах об «островах блаженных», расположенных в глубине Атлантического океана (Plut., Sert., 8).⁵⁷

Хотя источники и не сохранили прямых указаний на этот счет, весьма вероятно, что уже гадитане совершали плаванья вдоль европейского побережья Атлантики на север, к Эстримнидским островам, — туда, откуда в Тартесс доставлялось драгоценное олово. После ликвидации политической самостоятельности Гадеса эти морские пути пытались освоить карфагяне. Одной из ранних таких попыток было плавание Гимилькона (наиболее вероятная дата — конец VI в.), сведения о котором сохранились

⁵³ Сообщение Подолина было опубликовано в «Göteborgske Wetenskap og Witterhet Samlingar» (1778, № 1, стр. 6). Цит. по: R. H e n n i g. Terrae Incognitae, стр. 109—111.

⁵⁴ L. M ü l l e r. Numismatique ancienne de l'Afrique du Nord. vol. II. København, 1849, стр. 74 сл.; B. V. H e a d. Historia nummorum. Oxford, 1912, стр. 879.

⁵⁵ W. W. H y d e. Ancient Greek mariners, стр. 155. Ср.: M. C a r y, E. W a r m i n g t o n. Les explorateurs de l'antiquité, стр. 80.

⁵⁶ St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I, стр. 521.

⁵⁷ Так называемые «финикийские» надписи из Америки представляют собой грубые подделки, на что обратил внимание уже М. Лидзбарский (M. L i d z b a r s k y. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, стр. 47, 132).

в «Ora Maritima» Авиена (113—129).⁵⁸ Как сообщает этот источник, Гимилькон, находившийся в пути в течение четырех месяцев, был занесен течением в заросли морских растений, где царило безветрие и где морешлаватели могли наблюдать морских чудовищ, медленно проплывавших мимо. Этот рассказ со ссылкой на пунийские анналы (*Punicorum annalibus*) Авиен повторяет в стихах 397—415. Не подлежит сомнению, что в древности существовал также Перипл Гимилькона, на который ссылался Авиен (ср. также: *Plin., Nat. Hist., II, 169*). Существует предположение, что в основе поэмы Авиена лежит «Перипл Массалиота»,⁵⁹ однако не ясно, восходит ли ссылка Авиена на сообщение Гимилькона к этому или иному посреднику,⁶⁰ или же Авиен воспользовался непосредственно трудом Гимилькона.⁶¹

Обычно предполагают, что целью экспедиции были арришелаг Уэсан или Сорлинггенские острова, куда олово доставлялось морским путем из Корнуола и где оно продавалось тартесситам и финикийцам.⁶² Вопрос о точной локализации Эстримнидских островов представляется пока неразрешимым, тем более что археологические данные, которые могли бы подтвердить ту или иную точку зрения, пока отсутствуют.

Вероятно, к литературной схеме приключенческого романа, а не к сообщению Гимилькона, восходит красочный рассказ Авиена о морских чудовищах и зарослях морских растений. Поэтому представляются бесплодными споры о том, был ли отнесен Гимилькон в Саргассово море или же к некоторым пунктам на португальском побережье.⁶³ Все гипотезы одинаково трудно доказуемы. Единственно достоверным является тот факт, что карфагеняне совершали плавания на север и что литературным отражением этого факта является рассказ о Гимильконе.

---

⁵⁸ Ср.: R. Hennig. *Terrae Incognitae*, стр. 80.

⁵⁹ А. В. Мишулин. *Античная Испания*. М.—Л., 1952, стр. 205—207 (со ссылкой на комментарий А. Шульцена).

⁶⁰ Дж. О. Томсон. *История древней географии*, стр. 90; И. П. Магидович. *Очерки по истории географических открытий*. М., стр. 22.

⁶¹ Таково мнение Ст. Гзелля (*St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 469 сл.).

⁶² R. Hennig. *Terrae Incognitae*; W. W. Hyde. *Ancient Greek mariners*, стр. 123; B. Ногарк. *Dejini zemepisu*, díl I. Praha, 1954, стр. 24; St. Gsell. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, vol. I, стр. 470—471. Л. Сире локализовал Эстримнидские острова в устье реки Льяры (L. Siret. *Les Cassiterides et l'empire colonial des Phéniciens*. Paris, 1910).

⁶³ H. F. Tozer. *History of ancient geography*. Cambridge, 1935, стр. 109—112; A. Blasquez. *El periplo de Himilco*. Madrid, 1909, стр. 62; W. W. Hyde. *Ancient Greek mariners*, стр. 123—124; M. Cary, E. Warmingtton. *Les explorateurs de l'antiquité*, стр. 50.

Глава четвертая

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В середине V в. Карфаген представлял собой чрезвычайно сложный государственный организм, конгломерат городов, областей, племен и народностей, находившихся на различном уровне общественного развития, экономически и политически слабо связанных между собой. В состав Карфагенской державы входили западная Сицилия, южная оконечность Пиренейского полуострова, острова Питиусские, Мальта, Пантеллерия, Гюццо, Сардиния. В Северной Африке под властью Карфагена находилась громадная территория от Филеповых Алтарей до Атлантического побережья. Этнически новое государство было чрезвычайно разнородным: мы находим здесь ливийские племена Северной Африки, западных финикийцев, иберов, элимов и сардов. Наконец, источники указывают еще одну группу населения Северной Африки — ливеофиникийцев (Λιβυφοίνικες).

Вопрос о том, кто такие ливеофиникийцы, вызвал в литературе немало споров. У. Карштедт, в частности, полагал, что этот термин означал тех финикийцев, которые живут в Ливии.¹ По мнению Т. Моммзена, термин «ливеофиникийцы» в пунийской государственной практике применялся к определенной группе населения державы, отличавшейся как от ливийских подданных Карфагена, так и от жителей Утики, находившихся в державе на особом положении. Этот термин не показывал этнической принадлежности ливеофиникийцев.² Наконец, Ст. Гзелль считал, что слово Λιβυφοίνικες могло обозначать финикийских поселенцев в Ливии лишь в ранний период своего бытования, но что вместе с распространением в ливийской среде финикийского языка и финикийской культуры греко-римские писатели перестали ощущать разницу между ливийцами и финикийцами, применяя указанный термин к тем и к другим.³ Источники дают следующее толкование термина. У Диодора, в частности, читаем: «Ведь четыре племена (γένη, буквально «рода») населяли Ливию (τὴν Λιβύην διαίληται): финикийцы, которые тогда жили в Карфагене, ливеофиникийцы (Λιβυφοίνικες), имевшие много приморских городов и связанные (κοινωνοῦντες) с карфагенянами договорами о заключении законных браков (ἐπιγαμίας); им вследствие близкого родства было дано такое имя. Многочисленный народ коренных обитателей, бывший древнейшим, назывался ливийским; они ненавидели карфагенян из-за жестокости их господства. Последними были кочевники (Νομάδες), пасшие стада в большей части Ливии вплоть до пустыни» (Diod., XX, 55). Иллиий (Nat. hist., V, 24) рассказывает, что ливеофиникийцами (Lbyphoenices) назывались те, кто населял Бизаций. По этим скудным сведениям вряд ли можно уста-

¹ O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, Bd. III. Berlin, 1913, стр. 73.

² Т. М о м м з е н. История Рима. М., 1935, стр. 463.

³ St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. II. Paris, 1918, стр. 412—413; vol. IV, Paris, 1928, стр. 493.

новить историю термина; несомненно, однако, что он применялся к населению Северной Африки, сложившемуся в результате смешения в течение длительного времени разнородных этнических элементов. Точка зрения Ст. Гзелля представляется наиболее правдоподобной.

Политическое и правовое положение населения различных областей, подвластных карфагенскому господству, было чрезвычайно разнообразным — в зависимости от местных условий и главным образом в результате того, что карфагенское правительство пыталось не допустить создания против себя единого фронта покоренных народов, находившихся в одинаково бесправном положении. В этом отношении политика Карфагена являлась прямым предшественником римского «divide et impera». Некоторые союзные города считались равноправными с Карфагеном и его метрополией — Тиром; к числу таких городов, в частности, относилась Утика. В преамбуле второго договора Карфагена с Римом (Polyb., III, 24, 3) читаем: «На таких условиях быть дружбе у римлян и союзников римлян с народом карфагенян, и тирян, и утикийцев с их союзниками». Еще в конце III в. в договоре Ганнибала с Филиппом V Македонским Утика особо выделялась среди городов, заключавших договор со стороны карфагенян (Polyb., VII, 9, 5 : 7). Можно предполагать, что формальную независимость сохранила и Коссур — финикийская колония на острове Паителлерия. Во время I Пунической войны в 254/3 г. римляне справляли триумф по случаю победы над коссурцами и цунийцами.⁴ В триумфальных фастах, несомненно, речь шла о независимых одна от другой общинах,⁵ поэтому невозможно предполагать, что в данном случае речь идет о различных группах населения одного города; термин же *Roeni* римляне обычно применяли только к карфагенянам в противоположность *Phoenices*, обозначавшему финикийян вообще.

Другую группу составляли собственно карфагенские колонии типа Эбесса. Вероятно, они также пользовались определенными привилегиями; судя по тому, что Мотия названа Диодором (XIV, 47, 4) карфагенской колонией (*ἀποικὸς Καρχηδονίων*), можно думать, что даже старинные финикийские города Западного Средиземноморья добивались получения статуса карфагенской колонии.

Третью группу составляли города и территории, находившиеся под протекторатом карфагенян (*παράρχος*, см.: Polyb., VII, 9, 5). В договоре Ганнибала с Филиппом V сказано, что эти города пользовались одинаковыми с карфагенянами законами (*ὅμοιαι τοῖς αὐτοῖς νόμοις χρῶνται*). Отсюда следует, что в более ранний период, когда Карфагенская держава создавалась, а также в первые годы ее существования цунийцы стремились к созданию в этих городах органов власти по образцу Карфагена, а также постепенно отменяли те законы этих городов, которые противоречили карфагенскому законодательству. Под протекторатом карфагенян, видимо, находилась основная масса финикийских городов Западного Средиземноморья, включая Сицилию, где сфера карфагенского господства официально именовалась *ἐπαρχία*, иначе говоря — «зона протектората».⁶ О по-

⁴ CHL, I, стр. 458; St. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. I. Paris, 1913, стр. 411.

⁵ Ср. также триумф 362 г. по поводу победы над самнитами-палеополитанами (de Samnitibus Paecopolitaneis) (CHL, I, стр. 455), который показывает, вопреки мнению Белоха, что римляне отчетливо выделяли наряду с Неаполем находившийся неподалеку от него Палеополь (ср. также: Liv., VIII, 25, 9 сл.). См.: J. Neurgon. Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation de Capoue préromaine. Paris, 1942, стр. 92—93 (там же указана и основная литература вопроса).

⁶ O. Meltzer. Geschichte der Karthager, Bd. II, стр. 39 сл.

ложении и внутреннем устройстве этих городов до нас дошли отрывочные сведения, почти не поддающиеся датировке. Можно, однако, с большой долей вероятности предполагать, что в общих чертах особенности карфагенского протектората сложились уже в середине V в.

Некоторые сведения по внутреннему устройству этих городов сообщают нам строительные надписи, в которых дается датировка произведенных работ по эпонимным магистратам и содержится перечень лиц, принимавших участие в постройке. Один фрагмент надписи был найден на острове Мальта; в нем сообщается о постройке в Гавале (остров Гозцо) храмов.⁷ Здесь упоминаются: r 'dr 'rkt 'rš bn y 'l — «господин достойнейший (?) Ариш сын Иаэля»; zbh b 'lšlk bn hn' bn 'bd'šm[n] — «приносящий жертву Ваалшиллек сын Гамнона сына Абдэшмуна»; smr mhšb — «надзиратель за каменоломней». Особенно интересна роль «господина достойнейшего», который упомянут в надписи перед остальными магистратами и является эпонимом города, но текст не дает возможности точно определить, какое место он занимал в системе городского управления. Недавно опубликованная надпись «Триполитанская № 37» (конец II — середина I в. до н. э.) из Лептиса⁸ показывает, что во главе городского управления Лептиса, по крайней мере в поздний период его истории, стояли суффеты (šp'm) и что в самом Лептисе население делилось на два сословия — «благородных» ('dr') и плебеи (kl 'm). Можно предполагать, что эти особенности городского строя Лептиса возникли в более древний период и что они были присущи не только Лептису.

Из уже приведенного выше сообщения Диодора вытекает, что между ливиифиникийскими городами и Карфагеном существовал *ins connubii*. Как показывает первый договор Карфагена с Римом, города, находившиеся под карфагенским господством, должны были вести внешнюю торговлю под наблюдением карфагенян. Исключение было сделано только для Сицилии. Города, находившиеся под протекторатом, должны были выплачивать своему протектору различные налоги. Так, по рассказу Тита Ливия (XXXVI, 62), Лептис платил по одному таланту в день. Тот факт, что подать исчислялась в деньгах, свидетельствует, что налог брался не с земельных владений граждан Лептиса (если таковые были), так как в противном случае налог исчислялся бы в долях урожая. Это и не подушная подать, которая не могла выплачиваться ежедневно. Очевидно, речь идет о пошлинах с ввоза и вывоза товаров. Громадная цифра налога, даже если источники Тита Ливия ее несколько преувеличили, говорит об интенсивной торговле Лептиса. Наряду с этим земледельческие поселения Сицилии выплачивали налог с земли в размере 1/10 доли урожая (ср.: Diod., XIII, 59, 3; 114, 1; C. I., In Verr., II, III, 6, 13).

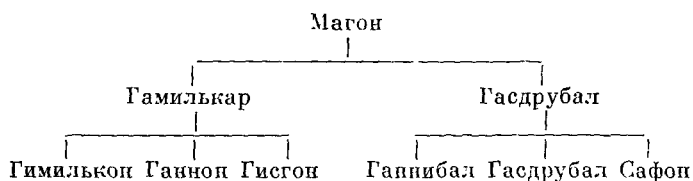
Наиболее бесправными и угнетенными жителями Карфагенской державы были «иподданные» — πολῆτες καὶ ἐδούη Καρχηδονίων ὑπήκοα (Polyb., VII, 9, 5). Судя по приведенному выше отрывку Диодора, к этой категории населения относились ливийцы, покоренные карфагенянами в середине V в. Они должны были выплачивать государству налог за землю, который во время войны мог быть удвоен. Точные размеры этого налога источники не сообщают (ср.: Polyb., I, 72, 1—2; Liv., XXX, 45, 5). В пунийскую армию ливийцы набирались по системе принудительной мобилизации, на что очень ясно указывает терминология Диодора (XIII, 44, 1; 54, 1: τοὺς

⁷ CIS, I, 132; G. A. Cooke. A text-book of North-Semitic inscriptions. Oxford, 1903, стр. 105 сл.

⁸ G. Levi della Vida. Corpus des inscriptions tripolitaines, № 37; Цит. по: J.-G. Favier. L'inscription punique «Tripolitaine 37». R. Ass., 1956. № 4, стр. 185—190.

τ'ἔξ Ἱβηρίας ξενολογηθέντας καὶ τοὺς ἐκ Λιβύης καταγραφέντας), которая четко определяет разницу между вольнонаемными иберийскими воинами и мобилизованными ливийскими солдатами. Весьма правдоподобным кажется предположение Г. Бенгтсона о том, что Ливия была подчинена военному управлению, аналогичному эллинистической стратегии.⁹

Политический строй Карфагена в период образования державы, именно в конце VI в. и в первой половине V в., представлял собой военную диктатуру. Первой попыткой установления такой диктатуры было неудачное выступление Малха, после которого власть захватила династия Магонидов. По рассказу Юстина (XIX, 1—2) нам известны три поколения этой семьи:

Характер власти Магонидов не вполне ясен. Юстин, говоря о них, употребляет термины *imperator*, *dux*, *familia tanta imperatorum*. Отсюда можно было бы заключить, что Магониды опирались на армию, которую уже Магон сделал наемной. Любопытную параллель термину *imperator* в одной латинско-новопунической билингве составляет слово *mṛkd*¹⁰ (может быть, корень *ngd*); это же слово в том же значении в форме *mṛkdh* употребляется в ливийских надписях, куда оно пришло, видимо, из пунийского языка; в форме *amenukal* в значении «верховный вождь» оно сохранилось в туарегском языке до настоящего времени.¹¹ Быть может, этот термин карфагеняне применяли к Магонидам.

Греческие источники определяют власть Магонидов несколько иначе. Геродот (VII, 166) рассказывает, что Гамилькар, пунийский полководец в битве при Гимере, царствовал (*βασιλεύσαντα*) над Карфагеном *κατ' ἀνδραγαδίην*. Как правило, у Геродота сочетание *ἀνὴρ ἀγαθός*, от которого происходит и *ἀνδραγαδίην*, не имеет социального звучания и, как и в надписях V в., обозначает «доблестный муж», «муж, хорошо себя проявивший».¹² Однако в данном контексте понятие *ἀνδραγαδίην* употреблено в несколько ином смысле. Геродот пишет: «Гамилькара, бывшего по отцу карфагенинином, а по матери сиракузянином, царствовавшего в соответствии с *ἀνδραγαδίην* над карфагенинами». Указывая на происхождение полководца, историк имел в виду, говоря об его *ἀνδραγαδίην*, не только его личное мужество,¹³ но и знатность рода. Оговорка *κατ' ἀνδραγαδίην* свидетельствует, что это не наследственная власть в прямом смысле этого слова, но высшая магистратура функций и характера, которой Геродот не понял. Очевидно, что на нее в принципе мог претендовать любой гражданин, обладавший

⁹ H. Bengtson. Zur karthagischen Strategie. Aegyptus, 1952, стр. 158—162.

¹⁰ AA, 1936, стр. 555.

¹¹ J.-G. Février. Que savons-nous du Libyque. R. Afr., 1956, стр. 263—273.

¹² А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль у Геродота. Л., 1957, стр. 60.

¹³ Так считает и Г. Людеман (H. Lüdemann. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Böttrop, 1933, стр. 29). Представляется, однако, необоснованной точка зрения автора, согласно которой власть Гамилькара являлась своеобразным знаком признания только его личных достоинств.

ἀνδραγαθίῃ, т. е. определенными личными достоинствами в сочетании со знатностью рода.

Только о последних шести представителях династии Магонидов, о которых Юстин (XIX, 2, 3) пишет, что «ими в то время управлялось государство карфагенян», можно с полной уверенностью утверждать, что они были самодержавными и полновластными правителями. Что же касается Магона, Гамилькара и Гасдрубала, то источники рисуют их только как полководцев, более или менее удачно командовавших карфагенской армией. Отсюда вытекает, что они вряд ли были единственными высшими магистратами города. Вероятно, Магониды лишь постепенно, опираясь на армию, захватывали в свои руки отдельные звенья управления городом. Однако об организации государственного аппарата при Магонидах источники сведений не сохранили, хотя можно предполагать, что продолжали функционировать Сенат и Совет десяти, но не представляется возможным определить их функции и характер власти.

Судя по тому, что Магониды пришли к власти в результате свержения Малха, можно предполагать, что первоначально они опирались на олигархические круги. Приведенная выше родословная показывает, что власть в роде Магонидов переходила от отца к сыну; такой последовательный характер их власти придавали поддержка олигархов и то обстоятельство, что в их руках была наемная армия, которую Магониды могли направить не только против внешнего врага, но и против возможного противника внутри города. Сведения Юстина позволяют предполагать, что власть последнего поколения Магонидов была коллективной.¹⁴

Во второй половине V в. семейство Магонидов утратило власть, вступив в конфликт с олигархами. По-видимому, ближайшей причиной конфликта явилось чрезмерное, с точки зрения олигархов, усиление Магонидов (ср. Iust., XIX, 2, 3: «так как эта семья полководцев стала тяжкой для свободного государства, и они все сами делали и решали»). Усилившаяся экономически благодаря политике Магонидов карфагенская рабовладельческая олигархия (купцы, владельцы ремесленных мастерских, появившиеся в середине V в. крупные рабовладельцы) стремилась к непосредственному участию в управлении государством и добилась своей цели, создав специальный орган, ограничивавший власть полководцев (ср.: Diod., XX, 10, 3) — Совет 104-х (Iust., *ibid.*; Arist., Polit., II, 8).¹⁵

Этот Совет не был выборным органом; его члены назначались особыми коллегиями — пептархиями (Arist., Polit., II, 8, 4) по признаку принадлежности к олигархическому роду (ἀριστιγένῃ, см.: Arist., Polit., II, 8, 2) — из числа членов Совета старейшин (сенаторов), по указанию Юстина. Поставленные, таким образом, под контроль олигархического совета, карфагенские *imperatores* потеряли всякое политическое значение. Впоследствии контрольные функции Совета 104-х были распространены и на другие магистратуры.

В связи с установлением в середине V в. в Карфагене олигархического строя существенно изменились функции и положение магистратов. Это

¹⁴ Ср.: Thucydides de Bello Peloponnesiaco, pars II, curantibus G. Gervino et F. C. Wertlein, vol. II. Frankfurt am Main, 1835, стр. 213.

¹⁵ Г. Людеман (H. Lüdemann. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos, стр. 56) считал, что датировать создание Совета 104-х серединой V в. невозможно. Он исходил при этом из указаний Исократ и Диодора на ту полноту власти, которой обладал военачальник карфагенян — *patheos* по греческой терминологии. Однако он не учитывал того, что в Карфагене имелись случаи совмещения должностей (ср.: Arist., Polit., II, 8, 8) и что Исократ и Диодор характеризовали условия военного времени. Исократ (III, 24) указывал, что для внутренней жизни Карфагена характерно олигархическое управление, а для военного времени — деспотическо-царское.

прежде всего относится к тем магистратам, которых греческие авторы называли «царями». «Царская» власть, как отмечает Диоген Лаэртский (III, 85), стала царской властью «по закону, ибо она является полисной магистратурой» (*βασιλεία κατὰ νόμον πολιτικὴ γὰρ ἐστὶν*). Этот переход от принципа *βασιλεία κατ' ἀνδραγαδίην* к принципу *βασιλεία κατὰ νόμον* обозначал введение выборности высших магистратов. Диодор (XIV, 54, 5) сообщает о том, что в 396 г. таким «царем» был избран Гимилькон. Выборы эти, как сообщает Аристотель (Polit., II, 8, 5), проводились «в соответствии со знатностью и богатством», что, разумеется, исключало для выходцев из городских низов какой-либо доступ к высшей магистратуре. В другом месте Аристотель (Polit., II, 8, 2) особо подчеркивает, что «царь» не мог избираться из одного и того же рода и избирался из среды выдающихся граждан, к числу которых представители социальных низов, безусловно, не могли принадлежать. Обращает на себя, однако, внимание то обстоятельство, что ни в латинских источниках, ни в пунийских надписях «цари» карфагян, когда речь идет о рассматриваемом или более позднем периоде, не упоминаются. Высшие магистраты Карфагена Тит Ливий обычно называет суффетами, что соответствует и пунийскому термину *špt*, неоднократно встречающемуся в надписях из Карфагена (ср., например: Liv., XXXIV, 61). По-видимому, «цари» *κατὰ νόμον* греческих источников и суффеты латинских и пунийских — это одна и та же высшая магистратура, возникшая, возможно, в середине V в. до н. э. Самый термин *špt* — «судья» свидетельствует о том, что высшие магистраты в Карфагене обладали судебной властью (ср. также: Arist., Polit., II, 8, 4). Должность суффета была эпонимной и одногодичной; выбирались, как правило, на один срок два суффета (Corn. Nep., Hannib., 7, 4; Zon., VIII, 8; ср. CIS, I, 165). Это разделение власти еще более препятствовало созданию единоличной диктатуры. В выборности «царей» — суффетов, в том, что они не могли принадлежать к одному и тому же роду, Аристотель (Polit., II, 8, 2) не без оснований видел преимущество карфагенского государственного строя, поскольку это обстоятельство также не благоприятствовало попыткам установления диктатуры. Важно отметить, что «цари» — суффеты были лишены военной власти. Аристотель говорит о том, что карфагяне выбирают «как царей, так и стратегов» (*τοὺς τε βασιλεῖς καὶ τοὺς στρατηγούς*, см.: Arist., Polit., II, 8, 5). Известно, что в 383 г. «царь» Магон был назначен стратегом (Diod., XV, 15, 2; аналогичный случай ср.: Iust., XXII, 7, 10). Однако этот случай указывает лишь на возможность сосредоточения функций двух магистратов в одних руках, но правилом это не было.

Коллективные органы олигархической власти — Совет десяти и Совет старейшин — были реорганизованы. Состав Совета десяти был пополнен — он превратился в Совет тридцати, ставший высшим органом власти в Карфагене (ср.: Liv., XXX, 16, 3), в функции которого входило, в частности, ведение внешних сношений. Окончательные решения по всем важнейшим вопросам совместно с суффетами принимал Совет старейшин, число членов которого возросло от 100 до 300 (Arist., Polit., II, 8, 3).

Важную роль в системе карфагенского государственного управления играли коллегиальные комиссии. Известны, в частности, «десятеро мужей, которые над святилищами» (*'šrt h'šm 'š 'l hmqdšm*; см.: CIS, I, 175). В функции этой комиссии входили, очевидно, надзор за храмами, их строительство, проведение их ремонта и т. п. Аристотель (Polit., II, 8, 4) сообщает, что в Карфагене существовали коллегии пяти — пентархии, в функции которых входило, в частности, назначение членов Совета 104-х.

Пентархии являлись по своей социальной природе цитаделью олигархической власти. Они не зависели от какого бы то ни было волеизъявле-

ния народных масс; члены этих комиссий назначались путем кооптации и оставались в должности дольше всех прочих магистратов. Вполне естественно, что, назначая, например, членов Совета 104-х, пептархии могли воздействовать на решения этого совета; если пептархии занимались другими ведомственными вопросами, то и в этом случае они могли предопределить окончательное решение всех высших органов власти.

Демократические органы власти в Карфагене, в частности народное собрание, не имели сколько-нибудь серьезной власти. Главная функция народного собрания заключалась в выборах магистратов, но, так как здесь выборы проводились по принципу знатности и богатства, плебс не имел возможности выдвинуть на какую-либо должность человека из своей среды. Борьба за должности между различными политическими группировками привела к широкому распространению в Карфагене подкунов и коррупции (Arist., Pol., II, 8, 6; Polyb., X, 10, 9).

Подлинную власть народное собрание получало только в случае, если между олигархическими органами власти возникали разногласия (Arist., Pol., II, 8, 3). В этом случае народное собрание превращалось фактически в высший распорядительный орган; оно не только обсуждало вопросы, внесенные суффетами, но могло в свою очередь выдвигать предложения и принимать решения. Создание такого порядка было, конечно, немалым завоеванием социальных низов, однако их экономическая зависимость от олигархов, коррупция и в данном случае играли свою роль. Мы не знаем ни одного случая, когда бы народные массы Карфагена даже в период своего наибольшего господства в III—II в. до н. э. не шли за какой-либо олигархической кликой.

Из низших должностных лиц нам известно о существовании хранителей казны, в обязанности которых входило, вероятно, и наблюдение за чеканкой монеты (CIS, I, 356). Существовал при правительстве и большой, по-видимому, штат писцов (CIS, I, 273).

Вся эта организация, постепенно созданная в V в., обеспечила олигархии ничем не стесняемое господство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, мы можем выделить в истории становления Карфагенской державы три периода. Первый период — это время финикийской колонизации Западного Средиземноморья. Основными причинами колониационного движения в финикийских городах следует признать стремление финикийского купечества к захвату торговых путей на Запад и одновременно обострение социальных конфликтов в финикийских городах. В результате этих конфликтов происходила эмиграция населения во вновь основанные города. В отличие от греческих колоний финикийские, за исключением Карфагена, были политически зависимы от своих метрополий. В течение второго периода происходило объединение финикийских городов Западного Средиземноморья. Первоначально возникали местные объединения (типа финикийского государства на северо-западе Сицилии), которые в дальнейшем объединились вокруг Карфагена. Ближайшим стимулом к созданию такого объединения послужила необходимость организовать отпор греческому наступлению, а также ликвидировать конкуренцию Тартесса в торговле драгоценными металлами. Наконец, в ходе третьего периода окончательно сформировалась Карфагенская держава, была установлена монополия карфагенской морской торговли, а также завоевана Ливия.

Держава, созданная Карфагеном, имела некоторые черты, присущие союзам родов-государств типа Афинского морского союза или римско-италийской федерации.¹ По отношению к финикийским и ливеофиникийским городам, а также иберийским племенам Карфаген осуществлял гегемонию, диктовал союзникам их внешнюю политику и взимал в той или иной форме налог с союзных городов. Пытались карфагеняне также диктовать своим союзникам их законодательство и определять тип государственного управления. Во взаимоотношениях с ливийцами Карфаген выступал как завоеватель. Эксплуатация подвластной ему сельской территории Ливии и, возможно, Сицилии является чертой, сближающей Карфаген с «эллинистическими» государствами Ближнего Востока.

По своему внутреннему устройству Карфаген представлял собой город-государство, ближайшие аналогии которому могут быть обнаружены в городах Финикии и Палестины и в полисном строе античного мира.

---

¹ Н. А. М а ш к и н. Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4, стр. 38.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ПДВШ	— Научные доклады высшей школы, исторические науки.
Уч. зап. ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия исторических наук.
Уч. зап. МГПИ	— Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. И. Ленина.
AA	— Archaeologischer Anzeiger.
AANL	— Atti della Accademia Nazionale dei Lincei.
ABSA	— Annual of the British School at Athens.
ACIPPM	— Atti del I Congresso Internazionale di Preistoria e Protostoria Mediterranea.
AEA	— Archivo Español de Arqueología.
AJA	— American Journal of Archaeology.
ARM	— Archives Royales de Mari.
BA	— Bulletin archéologique.
BASOR	— Bulletin of the American Schools of the Oriental Researches.
BCH	— Bulletin de Correspondence Hellenique.
CAH	— Cambridge Ancient History.
CB	— Cahiers de Byrsa.
CIE	— Corpus Inscriptionum Etruscarum.
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum.
CIS	— Corpus Inscriptionum Semiticarum.
CRAI	— Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
FHG	— Fragmenta Historicorum Graecorum.
GGM	— Geographi Graeci Minores.
Hist. M.	— Historia Mundi.
IEJ	— Israel Exploration Journal.
JHS	— Journal of Hellenic Studies.
JRS	— Journal of Roman Studies.
MA	— Monumenti Antichi.
MDAI	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts.
PRU	— Palais Royal d'Ugarit.
P.-W. RE	— Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, bearbeitet von G. Wissowa.
R. Afr.	— Revue Africaine.
R. Arch.	— Revue archéologique.
R. Ass.	— Revue Assyriologique.
REA	— Revue des Études Anciennes.
RES	— Répertoire d'Épigraphie Semitique.
RLV	— Reallexikon der Vorgeschichte.
SE	— Studi Etruschi.
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
<i>Глава первая.</i> Финикийская колонизация Западного Средиземноморья	7
<i>Глава вторая.</i> Объединение финикийских колоний в Западном Средиземноморье и образование Карфагенской державы	49
<i>Глава третья.</i> Завоевание карфагенянами Африки и колонизация Атланти- ческого бассейна	82
<i>Глава четвертая.</i> К характеристике государственного строя Карфагенской державы	96
Заключение	103
Список сокращений	104

Илья Шолеймович Шифман

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Утверждено к печати

Ленинградским отделением института народов Азии АН СССР

Редактор Издательства *А. П. Конаков*. Технический редактор *Л. М. Галиганова*
Корректоры *И. С. Дементьева, Л. З. Фрадкина и Г. И. Шер*

Сдано в набор 11/IV 1963 г. Подписано к печати 20/VII 1963 г. РИСО АН СССР № 47-150В.
Формат бумаги 70×108/16. Бум. л. 3⁵/₁₆. Печ. л. 6⁵/₈=9.07 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 9.9. Изд. № 1940.
Тип. зак. № 165. М-19349. Тираж 1300. Цена 59 коп.

Ленингр. отд. Изд. Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издат. Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

П С П Р А В Л Е Н И Я И О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
17	7—6 снизу	Триронитида	Тритонитида
28	15 »	000.	2461 сл.
59	5 »	cilline	colline
96	6 »	(Libyphoenices)	(Libyphoenices)

Палестинский сб., вып. 42